

Между двумя временами

Роман в двух томах

Том I

НИНА АРДЕН

Нина Арден

Между двумя временами

«Автор»
2026

Арден Н.

Между двумя временами / Н. Арден — «Автор», 2026

В 2026 году у Анны есть всё, что принято считать состоявшейся жизнью: любимое дело, независимость, свобода принимать решения. И есть книга, к которой она возвращается снова и снова, — «Гордость и предубеждение» Джейн Остин.Оказавшись в Англии 1811 года, Анна встречает людей, чьи судьбы, как ей кажется, известны заранее. Но Элизабет Беннет, мистер Дарси и Шарлотта Лукас оказываются сложнее её представлений о них. У каждого — свои слабости, надежды и право ошибаться.Здесь один неверный шаг может стоить женщине репутации, разумный брак не всегда означает любовь, а благородные намерения могут причинить боль. Анна убеждена, что должна сохранить счастливый конец «Гордости и предубеждения». Но чем лучше она узнаёт этих людей, тем труднее понять, что для них значит счастье.Где заканчивается верность любимой книге и начинается ответственность перед реальными людьми? «Между двумя временами» — психологический роман о любви, свободе выбора и цене решений, которые нельзя принять за другого.

© Арден Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Том I 5
Главные места романа 6
Пролог 8
Глава 1. Чужое имя 16
Глава 2. Голоса Меритона 33
Глава 3. Цена привычек 46
Глава 4. Свет, который не скрывает 58
Глава 5. Живые лица 70
Глава 6. После первого танца 84
Глава 7. За дверями Лонгборна 95
Глава 9. Под одной крышей 116
Глава 10. Вечерние разговоры 128
Глава 11. Отъезд из Незерфилда 138
Глава 12. Благоразумное предложение 147
Конец ознакомительного фрагмента. 158

Нина Арден
Между двумя временами

Том I

Нет смысла возвращаться ко вчерашнему дню: тогда я была другим человеком.
Льюис Кэрролл
«Алиса в Стране чудес»

Главные места романа

Харкорт-Хаус · Хартфордшир

Старинный загородный дом семьи Харкорт, хранящий семейные традиции и привычный порядок. Его хозяйка — леди Мэри, внимательная к людям и ко всему, что происходит под её крышей.

Меритон · Хартфордшир

Оживлённый провинциальный городок с торговыми лавками, трактиром и конторой стряпчего мистера Филлипса. Здесь пересекаются дороги, новости и интересы соседних семейств.

Лонгборн · Хартфордшир

Усадьба мистера и миссис Беннет. Пять дочерей с разными характерами, отцовская библиотека и гостиная, где семейные заботы неизменно возвращают разговор к замужеству.

Незерфилд-парк · Хартфордшир

Элегантное загородное поместье, арендованное молодым состоятельным джентльменом Чарльзом Бингли. Его сёстры и близкий друг, мистер Дарси, привносят в провинциальное общество привычки большого света.

Лукас-Лодж · Хартфордшир

Гостеприимный дом сэра Уильяма, леди Лукас и их детей, в том числе Шарлотты и Марии. Дружеские визиты, соседские беседы и неизменная готовность хозяина поддержать разговор.

Пемберли · Дербишир

Родовое поместье Фицуильяма Дарси, семейный дом его младшей сестры Джорджианы. Холмы, леса, река с каменным мостом и старинные комнаты, хранящие память нескольких поколений.

Розингс-парк · Кент

Роскошное владение леди Кэтрин де Бёр. Парадные залы, обширные земли и строгий уклад отражают положение и властный характер хозяйки.

Хансфорд · Кент

Тихая деревня по соседству с Розингс-парком. Церковь, пасторский дом с садом и повседневные заботы небольшого прихода, порученного мистеру Уильяму Коллинзу.

Бат · Сомерсет

Знаменитый курорт с золотистыми каменными фасадами, горячими источниками, театром и прогулочными садами. Музыка ассамблей, светские знакомства и прогулки по холмистым улицам задают особый ритм городской жизни.

Веймут · Дорсет

Приморский город на побережье Ла-Манша. Солёный ветер, оживлённая гавань, портовые склады и прогулочная набережная соседствуют с улицами морского курорта.

Лондон

Столица с аристократическими особняками, торговыми улицами, клубами и театрами. Среди её домов — городская резиденция Дарси и дом семьи Гардинер, родственников Беннетов.

На карте представлены реальные города и графства Англии, а также вымышленные поместья и населённые пункты литературного мира романа.

Пролог

Дверь закрылась за моей спиной, и квартира впервые за весь вечер ничего от меня не захотела. Не заговорила чужим голосом, не протянула бокал для тоста, не потребовала улыбнуться в камеру. Только мягко щёлкнул замок, где-то в глубине дома едва слышно заработала вентиляция, а телефон в ладони тут же вспыхнул новым поздравлением.

На экране появилось знакомое имя. Улыбнувшись, я всё же оставила сообщение без ответа. День рождения получился хорошим — именно поэтому к половине первого я устала от людей, которых люблю. В лифте ещё пахло цветами из огромного букета, оставленного в прихожей, на коже держались духи и тёплый воздух ресторана, а длинное вечернее платье с открытой спиной по-прежнему сидело так безупречно, что снимать его сразу не хотелось. Туфли остались у дивана, до зеркала я дошла уже босиком и только там, высвобождая серьгу из запутавшейся пряди, впервые за весь вечер почувствовала, как тихо стало вокруг.

Из маленькой сумки вместе с ключами и картой выскользнул паспорт. Поднимая его с пола, я раскрыла его на странице с фотографией. Под именем стоял год рождения — 1981.

Цифра выглядела значительно убедительнее в паспорте, чем в зеркале.

Отложив паспорт, я повернулась к зеркалу уже затем, чтобы освободить вторую сережку. Волосы, густые и тяжёлые, спускались ниже пояса, при мягком свете прихожей зелёные глаза казались темнее обычного, а кожа на лице и открытых плечах не обнаруживала ни одной морщины, за которую можно было бы зацепиться хотя бы из принципа. Платье подчёркивало фигуру почти без моего участия — годы тренировок сделали своё. Высокая линия груди была единственным, чему в этом отражении я когда-то немного помогла, выбрав хорошего пластического хирурга. И если бы кому-нибудь пришло в голову определять мой возраст на глаз, даже придирчивый человек вряд ли поднялся бы выше тридцати пяти.

Паспорт остался лежать на консоли рядом с ключами.

Праздник удался, жизнь тоже. Ей нравились собственный дом, работа, независимость и возможность ни перед кем не отчитываться за свои решения. Сейчас хотелось только тишины, прохладного шампанского и вечера, который ещё немного принадлежал бы ей одной.

Из прихожей гостиная открывалась почти сразу, огромная и тихая после праздничного шума. Панорамное стекло занимало стену от пола до потолка. За ним река собирала свет мостов, по магистрали текли непрерывные полосы фар, а окна высотных домов уходили вверх и в стороны до тех пор, пока отдельные здания не переставали различаться. Самолёт медленно прошёл над тёмной водой, обозначив себя двумя мигающими огнями.

С такой высоты город казался спокойным. Хорошая иллюзия, если не вспоминать, сколько людей прямо сейчас куда-то опаздывают, отвечают на рабочую почту прямо из кровати, спорят в мессенджерах и обещают себе завтра наконец не открывать телефон раньше завтрака.

На низкой полке возле телевизора, среди книг и случайных вещей из поездок, лежал старый корпус карманных часов. Серебро потемнело возле шарнира, крышку пересекали мелкие царапины, а внутри давно не было ни механизма, ни циферблата. Несколько лет назад он попался мне на блошином рынке в Париже — совершенно бесполезная вещь, которую я вовсе не собиралась покупать и с которой почему-то всё же ушла. Продавец уверял, что корпус английский и относится к началу девятнадцатого века, он говорил это тем уверенным тоном, которым все торговцы антиквариатом вполне успешно заменяют документы.

О цене или возможной ценности тогда не думалось. Куда сильнее заинтересовал знак на внутренней стороне крышки: две пересекающиеся окружности, правая чуть выше левой, а возле места их соединения — короткая неровная черта, словно однажды сорвался резец. Показать её часовщику или специалисту по старым клеймам я собиралась не раз, мысль возвращалась время от времени, но каждый раз её отодвигало что-нибудь более срочное.

По дороге к столовой взгляд задержался на открытой двери кабинета. На столе темнели два монитора, рядом лежал блокнот с завтрашними пометками и закрытый ноутбук. Стоило нажать одну клавишу - и ночь снова наполнилась бы письмами, таблицами, чужими решениями и вопросами, которые все и всегда считали срочными. У двери я задержалась только на секунду, а потом закрыла её: то, что осталось на экранах, вполне могло подождать до утра.

Кухня была залита приглушённым светом. Из холодильника отправились на стол бутылка хорошего шампанского и несколько ягод клубники. Шампанского в бокале оказалось совсем немного, зато холодное стекло приятно легло в ладонь.

С бокалом в руке я вернулась в гостиную, по пути задержав взгляд на спальне в конце коридора. Постель была уже приготовлена, плотные шторы оставлены открытыми, и городские огни ложились на покрывало длинными прямоугольниками. Но идти туда не хотелось. Диван возле телевизора обещал ещё двадцать минут тишины, и в тот момент они казались гораздо привлекательнее сна.

Телефон снова загорелся. На экране сменяли друг друга фотографии с ужина, голосовые сообщения, шутки, обещания продолжить празднование на выходных. Одной подруге было тридцать семь, другой сорок один; кто-то из коллег был младше меня почти на десять лет, кто-то старше. За столом разница в возрасте никого не занимала до тех пор, пока официант не вынес торт с цифрами. Тогда все смеялись так, словно сорок пять были удачной шуткой, придуманной специально для вечера. Я смеялась вместе со всеми.

На одной из фотографий, у самого края стола, виднелся плотный белый конверт. Одна из подруг принесла его в ресторан вместе с подарком и заставила пообещать, что я открою его только дома. На лицевой стороне стояла надпись моим почерком: «Через десять лет». Буквы были крупнее и круглее нынешних.

Вечер десятилетней давности вспомнился не сразу. Мы тогда решили написать себе по три вопроса и отдать конверты друг другу на хранение, чтобы ни переезд, ни уборка, ни внезапный приступ здравого смысла не позволили уничтожить их раньше срока. К затее я отнеслась с той иронией, которая обычно помогает взрослому человеку не слишком долго задерживаться в собственной искренности, но письмо написала.

Бумага внутри почти не изменилась за эти годы. В письме к самой себе я спрашивала, научилась ли наконец уходить из мест, где меня ценят только за работоспособность; сохранила ли рядом людей, перед которыми не требуется постоянно выглядеть сильной, успешной и собранной; и осталось ли у меня желание, которое невозможно объяснить пользой, деньгами, работой или чужими ожиданиями.

На первый вопрос ответ нашёлся сразу. На второй — после небольшой паузы.

На третьем взгляд задержался. Пришлось перечитать строчку ещё раз.

С письмом в руке я поднялась с дивана и подошла к окну.

Внизу продолжал двигаться город. Машины перестраивались между рядами, светились офисные этажи, где явно не собирались домой, по реке медленно шёл поздний теплоход.

Ответ на третий вопрос так и не приходил.

Мне нравился мой дом, нравилась работа, которую я много лет умела делать хорошо, нравилась и финансовая свобода, при которой не приходилось соотносить каждое решение с его стоимостью. Можно было уехать почти куда угодно, купить всё необходимое и немало совершенно необязательного, отказаться от обстоятельств или людей, которые переставали устраивать, и редко задумываться о том, потребуется ли для этого чьё-то разрешение.

Рядом оставались друзья, способные десять лет хранить нелепый конверт.

Жаловаться было бы не только неблагодарно, но и глупо.

Конверт отправился на полку рядом со старым корпусом часов. Телефон снова вспыхнул сообщением, но на этот раз остался лежать экраном вниз.

Я удобно устроилась на диване и включила телевизор.

Начинать что-нибудь новое сегодня совсем не хотелось. Новая история требовала внимания: запомнить имена, понять, кому верить, не пропустить момент, когда какая-нибудь мелочь перестаёт быть мелочью. После целого дня разговоров хотелось чего-то знакомого, где уже никто не мог застать меня врасплох.

Долго выбирать не пришлось: «Гордость и предубеждение», экранизация 1995 года. Пульт вскоре снова оказался в руке. Смотреть все серии подряд я не собиралась. За столько лет они стали настолько знакомыми, что с хронологией можно было обращаться без особого уважения.

Экранизация BBC 1995 года с Колином Фёртом и Дженнифер Эль к 2026 году давно стала телевизионной классикой. Её продолжают пересматривать не только ради романтической истории, но и благодаря тонкой иронии Джейн Остин, великолепным английским пейзажам и атмосфере старинных поместий. Современные технологии позволяют возвращаться к любимым эпизодам в любой момент. И каждый новый просмотр оказывается немного другим: герои не меняются, зато зритель с годами начинает замечать то, что прежде оставалось за пределами его собственного опыта.

Первой попалась гостиная Лонгборна: женские голоса, пять дочерей, мать, способная превратить появление богатого холостяка в семейную кампанию, и отец, предпочитавший встречать домашний хаос хорошей книгой и иронией.

Когда-то миссис Беннет казалась мне просто невыносимой. С возрастом смеяться над ней стало чуть сложнее: за всей этой суетой и бесконечными разговорами о браке постепенно проступал вполне понятный страх. После смерти мужа дом должен был перейти не дочерям, а дальнему родственнику мистеру Коллинзу. Пять девушек росли в доме, который однажды

перестал бы им принадлежать, а другого надёжного способа обеспечить себе положение, кроме удачного брака, общество не предлагало.

Коллинз, впрочем, видел в таком устройстве мира нечто вполне естественное. Позднее он сделал предложение Элизабет, одной из дочерей Беннет, и настолько не сомневался в разумности собственного выбора, что её отказ поначалу принял почти за обязательную часть женского кокетства. Получив всё же окончательное «нет», он довольно быстро обратился уже к Шарлотте Лукас, подруге Элизабет, которая смотрела на брак совсем иначе и согласилась.

Я промотала дальше, к балу.

Бингли уже смотрел на Джейн с той открытостью, при которой окружающим следовало бы проявить редкое благоразумие и просто не вмешиваться. Он был богат, добродушен и легко проявлял чувства; Джейн красива, спокойна и настолько привычно искала в людях хорошее, что даже собственную любовь умела выражать так сдержанно, что её можно было принять за простую симпатию.

Между ними всё определилось довольно быстро.

Проблемы появились позже, когда другие люди решили, что лучше понимают и их чувства, и то, каким должно быть их будущее.

Возле стены стоял Дарси.

Молодой Колин Фёрт обладал удивительной способностью молчать так, будто молчание являлось отдельной формой социального неодобрения. Богатый владелец Пемберли, сдержанный среди незнакомых людей и слишком уверенный в границах собственного круга, Дарси в начале истории совершенно не умел распорядиться первым впечатлением и делал всё возможное, чтобы неприязнь к нему казалась вполне заслуженной.

Именно поэтому его было так приятно пересматривать: если уж человек умудрялся почти безупречно испортить первое впечатление, эстетика хотя бы немного смягчала ущерб.

Я улыбнулась и перемотала к Элизабет.

В двадцать лет она нравилась мне безоговорочно. Быстрая, умная, насмешливая, не склонная опускать глаза перед человеком только потому, что он богаче или выше по положению, она ошибалась не из-за недостатка ума, а почти наоборот — слишком доверяла собственной способности понимать людей.

Стоило ей однажды решить, что Дарси высокомерен и неприятен, как всё, что подтверждало первое впечатление, стало замечаться особенно легко.

Джордж Уикхем появился на экране ненадолго — красивый офицер, лёгкий в общении, с рассказом о себе, который слишком хорошо совпадал с уже сложившимся мнением Элизабет. По его словам, покойный отец Дарси хотел обеспечить ему хорошее будущее, а сын не исполнил волю отца и несправедливо лишил Уикхема того, что было обещано.

Пульт перескочил ещё дальше, к Хансфорду.

Эту сцену я никогда не проматывала.

Дарси пришёл признаться Элизабет в любви и за несколько минут каким-то образом сумел одновременно сообщить, насколько сильно её любит, и подробно перечислить всё, что делало эту любовь, по его мнению, крайне неудачной: семью, положение, связи, собственную борьбу с чувством.

Каждый раз я думала, что для подобного тоже требовался определённый талант — сделать женщине предложение и успеть оскорбить её прежде, чем она даст ответ. Элизабет ответила соответственно: отказала, напомнила о Джейн и Бингли, об истории Уикхема, которой поверила, и о высокомерии, которое Дарси до этого момента считал скорее особенностью характера, чем проблемой.

Раньше мне хотелось поддерживать каждую её реплику. Теперь я чаще замечала паузы Дарси.

Не потому, что он внезапно оказался прав. Просто с годами мне всё чаще встречались люди другого типа, плохо говорившие о чувствах, зато привыкшие устранять последствия. Они настолько долго отвечали за решения, что однажды начинали путать способность решить чужую проблему с правом решить её за другого. В работе я встречала таких мужчин. Иногда и в собственном отражении, хотя и без Пемберли.

Я отпила шампанское и позволила сцене идти дальше.

Позднее выяснялось, что история Уикхема была далеко не полной правдой. Младшая сестра Элизабет, Лидия, шумная, безрассудная, обожавшая офицеров и совершенно уверенная, что внимание окружающих существовало прежде всего для ее удовольствия, сбегала с ним, поставив под угрозу репутацию всей семьи. Вместо красивых объяснений Дарси делал то, что умел лучше всего, занимался последствиями, находил Уикхема, договаривался, платил и возвращал происходящему хотя бы внешнее подобие порядка.

Бингли возвращался к Джейн.

Элизабет приходилось признать, что быстрый ум не защитил её от предубеждения. Дарси — что одной искренности чувства было мало, если вместе с любовью другому человеку предлагалось ещё и собственное превосходство.

К концу романа Джейн выходила замуж за Бингли, Элизабет — за Дарси, и все главные линии сходились в давно знакомом финале. Наверное, именно эта предсказуемость и была одной из главных прелестей истории, которую я знала столько лет.

В ней заранее было известно, кто лгал, кто ошибался, кто оказывался лучше первого впечатления и кто в конце выбирал кого. В настоящей жизни никто не выдавал последнюю страницу до начала разговора, у Остин последняя страница никуда не исчезала и всякий раз ждала именно там, где закончилась в прошлый раз.

Я перемотала к Пемберли.

Среди воды и зелени почти бесшумно появился дом, словно его не столько построили, сколько однажды вписали в этот пейзаж и с тех пор он остался его естественной частью.

За настоящим окном тем временем прошла новая волна машин. Самолёт, который прежде двигался над рекой, уже снижался к невидимому аэропорту. Телефон коротко завибрировал на столе, а за закрытой дверью кабинета ждали письма, которые утром потребуют ответа раньше, чем остынет первый кофе.

На экране никто никуда не торопился, и, наверное, именно тогда ответ на третий вопрос впервые начал складываться во что-то определённое. Жить в начале девятнадцатого века мне не хотелось: слишком многое в собственной жизни я ценила именно потому, что никогда не была вынуждена обходиться без этого. Но ненадолго оказаться там представлялось совсем другим делом.

Меня привлекала не столько сама эпоха, сколько её неизбежный ритм, в котором между событием и ответом оставалось пространство. Письмо нужно было сначала написать, затем отправить и после этого ждать, пока оно дойдёт; чтобы увидеть человека, приходилось ехать к нему, а законченный разговор невозможно было через тридцать секунд возобновить сообщением только потому, что в голову пришёл ещё один аргумент.

Современная жизнь, наоборот, незаметно приучила считать скорость безусловным достоинством. Работа над одним сезоном ещё не успевала закончиться, а мысли уже переходили к следующему; переговоры сменялись совещаниями, за ними появлялись письма и сообщения, догонявшие человека в машине, аэропорту, ресторане и дома. Возможность ответить немедленно постепенно становилась обязанностью, и порой новый разговор начинался раньше, чем предыдущий успевал закончиться хотя бы внутри.

Мне нравился этот мир, его свобода, удобство и скорость, и менять его на другую жизнь я вовсе не собиралась. Но иногда хотелось ненадолго выйти из привычного ритма и оказаться там, где ускорить происходящее просто нельзя, сколько бы ни хотелось.

Поэтому несколько дней в Пемберли казались почти идеальным подарком. Только не внутри уже написанного романа и уж точно не на месте Элизабет. Мысль войти в чужую историю с намерением что-то исправлять, кого-то спасать или объяснять её героям, как им следовало бы жить, меня не привлекала. Гораздо интереснее было бы увидеть этот мир таким, каким он мог существовать без экрана, пройти по парку Пемберли, услышать живую английскую речь начала девятнадцатого века, почувствовать, насколько настоящее прошлое отличалось от его красивой телевизионной версии, и однажды проснуться утром без телефона, зная, что время, проведённое в ожидании, никто не сочтёт потерянным.

Ну и встретить Дарси тоже хотелось бы.

Как раз в этот момент на экране снова появился Колин Фёрт, и я не удержалась от улыбки. Если судьба когда-нибудь решит исполнить заведомо невозможное желание, требовать заодно точного соответствия кастингу было бы, пожалуй, уже слишком. Впрочем, фантазия вполне могла позволить себе отсутствие скромности.

Кажется, ответ на третий вопрос наконец нашёлся. Мне не хотелось ни великих перемен, ни другой жизни взамен собственной, только короткой передышки в совсем другом времени, после которой можно было бы спокойно вернуться домой. Именно уверенность в возвращении и делала это желание таким лёгким. Мир был знаком до последней страницы, я знала его людей, их ошибки и финал и впервые могла представить будущее, где не пришлось бы всё время принимать решения на ходу.

Шампанского в бокале оставалось совсем немного. Я взяла последнюю клубнику и удобнее устроилась среди подушек, чувствуя прохладную ткань дивана открытой спиной. Волосы снова попали под плечо, и я высвободила их, перекинув вперёд; туфли всё ещё стояли там, где я их бросила, возле раскрытой сумки блестели серьги, а на полке лежал кремовый конверт с вопросами женщины, которой я была десять лет назад.

Рядом серебрился пустой корпус часов.

Смена кадра на экране на мгновение высветила крышку, и отражённый свет попал прямо в глаза. Я протянула руку, собираясь лишь отвернуть её, но металл под пальцами был неожиданно тёплым, словно его совсем недавно держали в ладони.

Внутри всё выглядело по-прежнему: две пересекающиеся окружности, правая чуть выше левой, короткая неровная черта у пересечения. Проведя по ней пальцем, я на мгновение почувствовала, будто насечка стала глубже, но при втором взгляде ничего необычного уже не увидела.

Просто старая царапина.

На экране еще Дарси что-то говорил Элизабет, но слова уже растворялись в тихом шуме квартиры. За стеклом двигались огни машин, над рекой снижался очередной самолёт, а мысль встать и дойти до спальни становилась всё менее привлекательной. Корпус часов так и оставался в ладони.

Для АнныПемберли — не убежище от настоящего, а возможность на короткое время прикоснуться к другому ритму жизни. Без всякого намерения остаться там навсегда.

Через минуту глаза закрылись. Последняя мысль оказалась настолько нелепой, что осторожная формулировка ей была не нужна.

Туда бы. Ненадолго.

В тот медленный, невозможный мир, который казался мне безопасным только потому, что я была уверена: **я знаю, чем всё закончится.**

Глава 1. Чужое имя

Я открыла глаза и сразу почувствовала, что комната мне не принадлежит, хотя сначала разум ещё пытался объяснить происходящее гостиницей, чужим домом или особенно убедительным сном. Правая рука сама потянулась по простыне к тому месту, где дома обычно лежал телефон. Пальцы встретили только холодную ткань.

Над кроватью висел тёмно-зелёный полог с потёртой бахромой, тяжёлые кисти медленно покачивались возле подушки, а на столике вместо телефона лежали книга в кожаном переплёте, подсвечник и фарфоровая чашка. Воздух пах холодным камнем, золой, воском и сухой лавандой; за узким окном серело утро, и всё вокруг обладало той плотностью настоящего, которой обычно не хватает сновидениям.

Несколько минут я оставалась неподвижной, будто стоило пошевелиться, и происходящее окончательно перестало бы быть сном. Затем всё-таки приподнялась на локте, и мир качнулся так резко, что к горлу подступила тошнота.

Вместе со слабостью пришло первое облегчение. Плечо отозвалось знакомой болью, под коленом сохранился старый шрам, ладони были теми же, а спутанные каштановые волосы тяжело лежали на груди. Я торопливо провела руками по лицу, плечам, рукам, словно собирая подтверждения того, что хотя бы со мной самой ничего не произошло.

Последним ясным воспоминанием оставалась собственная гостиная: свет города за стеклом, бокал на столе и Пемберли на экране. Перед сном мне действительно хотелось хотя бы ненадолго оказаться там — в другой скорости, среди дорог, писем и людей, чьи судьбы казались заранее известными.

В темно-зелёном пологе над головой эта мысль уже не выглядела удачной шуткой.

Я не знала, случилось ли невозможное или разум собрал для меня особенно жестокую иллюзию. Несомненным оставалось только одно: я была сама собой. Во всём остальном ещё предстояло разобраться**.**

Даже в богатом английском доме спальня начала XIX века мало напоминала современную. Полог над кроватью защищал от сквозняков, комнату согревал камин, а воду для умывания приносила прислуга. Кувшин, таз и ночной горшок оставались привычными предметами обстановки. Роскошь дорогих тканей и мебели вполне уживалась с бытовыми неудобствами, которые современному человеку трудно представить.

Комната понемногу возвращала внимание к себе. На комоде стояли кувшин, таз и сложенное полотенце, а под кроватью обнаружился ночной горшок с крышкой, мгновенно возвращавший исторической романтике её реальную себестоимость. Для человека, любившего историю и английскую литературу, время угадывалось довольно легко: Англия начала XIX века уже успела обзавестись парламентскими дебатами, сложной системой титулов и мужскими галстуками, требовавшими отдельного образования, но всё, что относилось к человеческой физиологии, по-прежнему предпочитала держать возле кровати. Ирония помогла ненадолго, а потом страх вернулся, но уже вместе с вполне практическими вопросами.

Объяснений по-прежнему находилось три: необычайно последовательный сон, тяжёлое расстройство сознания или событие, которому в моём мире нашлось бы место только в дешёвом сериале. Сон слишком плохо сочетался с холодом простыни, тошнотой и болью в плече; второе объяснение предполагало врача, которого поблизости явно не было. Третье оставалось настолько нелепым, что поневоле приходилось считаться и с ним. После нескольких глотков воды пришла ещё одна, несколько запоздалая мысль: насколько безопасным здесь вообще могло быть водоснабжение.

Почти сразу за дверью послышался осторожный стук.

— Мисс Харкорт, вы проснулись?

Молодой женский голос звучал так уверенно, что ошибка казалась маловероятной. Выходило, здесь меня уже знали, пусть и под именем, которое мне самой ничего не говорило.

— Войдите, пожалуйста.

Собственный голос прозвучал хрипло и неожиданно знакомо, одно из немногово, что в этой комнате по-прежнему бесспорно принадлежало мне.

В комнату вошла молодая служанка в сером шерстяном платье, белом переднике и чепце, с дымящимся кувшином в руках. При виде меня она резко остановилась и вода плеснула через край. В выражении лица смешались облегчение, испуг и такое неподдельное участие, что впервые после пробуждения всё вокруг перестало сводиться к чужой комнате и приметам другой эпохи.

Передо мной стоял живой человек.

Бетси. Молодая служанка Харкорт-Хауса в рабочем шерстяном платье, белом переднике и чепце. Горничные вставали раньше хозяев, разжигали камины, приносили воду, чистили комнаты и помогали дамам одеваться. Их рабочую одежду составляли практичное платье, передник и чепец. Постоянно находясь рядом с хозяевами, служанки нередко первыми узнавали о семейных радостях, болезнях и тайнах.

— Благодарение Господу, сударыня. Леди Мэри начала опасаться, что доктор оказался прав и вы можете не прийти в сознание.

— Для первого разговора это довольно тревожное вступление. Расскажите, пожалуйста, что произошло и сколько времени я провела в этой кровати.

На щеках девушки проступил румянец.

— Пять дней, мисс. Иногда вы открывали глаза, говорили несколько слов, но никого не узнавали и снова засыпали. Доктор приезжал трижды, велел держать вас в тепле, а в первый день хотел пустить кровь. Леди Мэри сказала, что человек, уже лишившийся сознания, не обязан отдавать врачу ещё и оставшиеся силы.

Пять дней объясняли многое: слабость, сухость во рту, спутанные волосы. Но главный вопрос никуда не исчезал. Как я здесь оказалась? В мыслях сразу возникли бокал на столе, телефон в пустой комнате, друзья, которые сначала удивились бы моему молчанию, а потом начали тревожиться. Это было куда болезненнее, чем вид чужой комнаты. Моё исчезновение касалось не только меня.

— Как вас зовут? — спросила я, цепляясь за то немногое, что пока можно было выяснить.

— Бетси, мисс. Я приставлена помогать вам, пока вы не окрепнете.

— Благодарю вас, Бетси. Возможно, я буду задавать странные вопросы или временами говорить резче, чем следует. Только не принимайте это на свой счёт.

В её взгляде мелькнула настороженность, будто подобные предупреждения от молодых дам здесь звучали нечасто. Кувшин опустился возле таза, окно приоткрылось, впуская в комнату прохладный воздух.

— Леди Мэри ждёт вас к завтраку, если вы сможете спуститься. Но велела не торопить вас и не позволять вставать без помощи.

— Прежде чем решать, смогу ли я спуститься, мне нужно понять, где именно я нахожусь и какой сегодня день.

На несколько секунд Бетси притихла.

Потом назвала Харкорт-Хаус и дату: ноябрь 1811 года.

Я не вскрикнула только потому, что человек редко улучшает плохую новость громкостью реакции. Несколько секунд не удавалось вдохнуть, а всё вокруг словно отодвинулось: остались лишь собственный пульс и тихое потрескивание огня. Между этой комнатой и моей квартирой лежало двести пятнадцать лет.

Когда ноги коснулись пола, холод досок немного привёл меня в чувство. Дышать стало легче, хотя сама дата всё ещё не укладывалась в сознании.

Сразу захотелось понять, что происходит там, в 2026 году. Существую ли я по-прежнему? Сколько времени прошло?

Но спросить об этом было некого. Бетси могла рассказать только о последних пяти днях здесь, а всё остальное оставалось за пределами её мира. Из достоверного оставалось совсем немного: здесь прошло пять дней, а имя Анны Харкорт появилось у меня ещё до того, как я пришла в сознание.

— Вы совсем ничего не помните? — тихо спросила Бетси. — Леди Мэри предупреждала, что память может возвращаться не сразу.

— Я помню слишком многое, но ничего из того, что вы ожидаете услышать. Легче считать, что горячка перепутала воспоминания, иначе мой ответ только напугает вас.

Бетси не выглядела удовлетворённой, однако в её тревоге не было любопытства ради сплетни. Она, вероятно, пять дней наблюдала, выживу ли я.

На кровати были разложены простое утреннее платье, чулки, нижняя юбка и короткий корсет. Последний я взяла в руки с явным сомнением и всё-таки спросила, нельзя ли обойтись без него. По выражению Бетси стало понятно, что просьба почти равнялась покушению на порядок вещей. Без должной основы, объяснила она, платье ляжет дурно, и эта перспектива тревожила её едва ли не сильнее возможного возвращения горячки.

В итоге сошлись на том, что шнуровку затянут лишь настолько, насколько необходимо.

Само одевание всё равно оказалось сложнее, чем хотелось. До части застёжек было не дотянуться, слои ткани требовали определённой последовательности, в которой Бетси ориентировалась куда увереннее меня. И раздражала скорее не многослойность платья, а постоянная необходимость принимать чужую помощь там, где я привыкла обходиться без неё.

Стоило мне поднять руку и зеркало повторило то же движение. От этой простой нелепой проверки подступили слёзы. Собственное тело оставалось последним, в чём не приходилось сомневаться, единственной связью с жизнью, о которой здесь никто ничего не знал.

За дверью существовала Анна Харкорт со своим именем и прошлым. Но это чужое имя пока не отменяло меня прежнюю, даже если в этом доме не было ни одного человека, способного подтвердить, что та жизнь вообще была.

Под платьем английской дамы 1811 года скрывались сорочка, чулки, корсет и нижняя юбка. Корсеты эпохи Регентства были легче позднейших викторианских моделей и прежде всего поддерживали грудь под завышенной талией платья. Некоторые застёжки позволяли одеваться самостоятельно, но состоятельным женщинам обычно помогали горничные. Даже простой утренний туалет требовал привычки, сноровки и времени.

Впрочем, собственное отражение давало и некоторое преимущество, которым было бы неразумно пренебрегать. Для окружающих я должна выглядеть женщиной брачного возраста, привыкшей говорить с мужчинами с почтением. Пока они принимали меня за ту, кем я здесь считалась, это могло служить защитой. Но вместе с ней неизбежно придется играть роль, и я уже чувствовала будущую усталость от необходимости притворяться менее опытной, менее уверенной и менее осведомлённой, чем была на самом деле.

Пока Бетси закрепляла волосы, я заметила на стенах семейные портреты. Мужчины в париках смотрели с уверенностью людей, ожидавших благодарности потомков за факт рождения, а женщины улыбались сдержанно, словно художник предупредил их, что слишком заметное удовольствие может снизить стоимость брачного договора. На одном полотне была изображена молодая женщина в серебристо-сером платье с прямым и вызывающим взглядом.

В малой гостиной у камина сидела она же, только сорок лет спустя. Волосы совершенно побелели и были убраны под кружевной чепец. Лицо пересекали глубокие морщины, правая рука лежала на трости, однако взгляд сохранил ту же ясность и внимательность.

Леди Мэри смотрела на меня спокойно и сосредоточенно, без тени праздного любопытства. Казалось, увиденное она сопоставляла с каким-то заранее сложившимся представлением и пока не могла решить, совпадает ли одно с другим. Наконец трость указала на кресло напротив камина, и лишь когда я села, её лицо немного смягчилось.

В Англии 1811 года вдова могла вернуться в родительский дом и при наличии имущественных прав или семейной договорённости управлять поместьем. Леди Мэри Харкорт — вдова, после смерти мужа вернувшаяся в родовое поместье и предпочитающая вновь называться фамилией своей семьи. Серебристые волосы убраны под кружевной чепец, годы оставили глубокие морщины, но не изменили ясного, проницательного взгляда. Она опирается на трость, держится с достоинством и не терпит пустословия. За внешней строгостью скрываются острый ум, сухое чувство юмора и твёрдая привычка самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

— Итак, вы всё-таки решили не умирать, хотя доктор в последние дни настойчиво готовил нас к менее удобному исходу. Должна признаться, я предпочитаю ваш выбор, хотя он несколько осложняет всё, что придётся выяснять.

— После того как вы отказали врачу в кровопускании, умереть было бы неблагодарностью и довольно сомнительной оценкой ваших усилий, — ответила я. — Бетси рассказала мне об этом вместе с тем, что я провела в постели пять дней, нахожусь в Харкорт-Хаусе и считаюсь здесь мисс Анной Харкорт. Пока это всё, что мне известно о собственной жизни в этом доме.

На этот раз леди Мэри не стала скрывать улыбки, хотя взгляд оставался серьёзным.

— Значит, Бетси всё-таки не сумела удержаться от соблазна сообщить вам половину истории до завтрака. Я просила её отвечать только на те вопросы, которые нельзя отложить,

потому что не знала, в каком состоянии вы проснётесь и насколько многое сможете вспомнить самостоятельно.

Последние слова заставили меня насторожиться.

— Именно память, судя по всему, беспокоит вас больше самой болезни. Бетси спрашивала, помню ли я что-нибудь, а теперь вы говорите так, словно заранее допускали, что с этим могут возникнуть затруднения.

Отрицать очевидное леди Мэри не стала. Положив ладонь на набалдашник трости, она некоторое время смотрела в огонь перед ответом.

— Когда человек пять дней лежит в горячке и временами не узнаёт людей, некоторое беспокойство о памяти вполне естественно. Однако в вашем случае была ещё одна причина для осторожности, и именно поэтому я предпочитаю сначала услышать вас, а потом рассказывать то, что содержится в бумагах. Если я начну с готовой истории, мне будет трудно понять, что из услышанного вы действительно помнили, а что просто повторяете вслед за мной.

В её объяснении не было ничего неправдоподобного, и именно это тревожило сильнее открытого подозрения.

— Тогда спрашивайте, — сказала я. — Хотя боюсь, мои ответы окажутся значительно менее полезными, чем вам хотелось бы.

— Начнём с самого простого. Когда утром вы посмотрели в зеркало, вы узнали себя?

Перед глазами снова появилось отражение, рука, поднятая в порядке проверки, и странное облегчение, когда зеркало безошибочно повторило движение.

—Да. Я узнаю себя совершенно точно, помню свою жизнь и понимаю, кем была до того, как проснулась здесь. Только ни этот дом, ни фамилия Харкорт, ни люди, которых мне полагается знать, не имеют отношения к моим воспоминаниям.

Леди Мэри медленно кивнула, на мгновение в её лице проступило выражение человека, услышавшего именно тот ответ, которого одновременно ждал и опасался.

— Тогда хотя бы кое-что становится понятнее. Здесь вас называют Анной Харкорт, потому что под этим именем вы были доставлены в мой дом. Согласно документам, вы дочь моего младшего брата Эдварда, полковника Харкорта, который много лет служил далеко от дома и последние годы провёл в Индии.

Имя ничего мне не сказало, а вот слово «дочь» не сразу уложилось в сознании.

— Я правильно понимаю, что вы должны быть моей тётей, хотя до сегодняшнего утра я не знала ни о вас, ни о вашем брате?

— С документами спорить трудно, однако я предпочла бы пока сказать осторожнее: бумаги называют вас моей племянницей. Сама я вас никогда не видела, поэтому родственные чувства не дают мне особого преимущества перед здравым смыслом.

В её голосе прозвучала сухая ирония, которая неожиданно сделала ситуацию менее абсурдной.

— А вашего брата вы видели давно?

— В последний раз почти двадцать лет назад. После этого мы переписывались, но нерегулярно, и Эдвард никогда не отличался склонностью подробно сообщать семье о своей частной жизни. Поэтому, когда ко мне привезли молодую женщину без сознания, а вместе с ней письма, документы и имя Анны Харкорт, дочери полковника Эдварда Харкорта, выбор был невелик. Я могла принять вас в дом или начать с расспросов у постели женщины, которая едва открывала глаза. Первое показалось мне разумнее.

— Ваш брат сам сообщил, что его дочь должна приехать?

После этого вопроса она ненадолго замолчала, и впервые за всей её осторожностью проступило настоящее сомнение.

— Эдвард умер три месяца назад. После его смерти мне сообщили, что вы вскоре должны прибыть в Англию, вступить в наследство и некоторое время прожить здесь под моим покро-

вительством. По представленным мне бумагам всё выглядело так, будто ваше возвращение было предусмотрено самим Эдвардом ещё при жизни, а последний поверенный брата мистер Крейн лишь получил полномочия завершить наследственные формальности, распорядиться частью расходов и проследить, чтобы подготовленные документы дошли до тех людей, которым предназначались.

Имя было новым, и не вызывало у меня ничего, кроме естественного желания понять, почему посторонний мужчина получил столько власти над делами женщины, которую я должна изображать.

— Вы хорошо его знаете?

Леди Мэри покачала головой.

— Основным поверенным Эдварда много лет оставался Сэмюэл Ривз, однако в последние годы он тяжело болел и постепенно отходил от практики, поэтому часть дел передавали другим конторам. О Крейне я впервые услышала после смерти брата, когда он представил документы, из которых следовало, что незадолго до этого выполнял для Эдварда отдельную юридическую работу и уполномочен завершить некоторые наследственные дела. Бумаги выглядели подлинными, полномочия были оформлены надлежащим образом, поэтому поначалу его участие не показалось мне странным.

Здесь леди Мэри заговорила медленнее:

— Но ещё до того, как вас привезли в мой дом, мистер Крейн просил сообщить ему, в каком состоянии окажется Анна Харкорт, будет ли она узнавать людей и сможет ли вспомнить обстоятельства собственной жизни. Именно это я не могу объяснить обычной работой поверенного.

— Если он работал с бумагами вашего брата ещё при его жизни, то вполне мог знать о наследстве и даже о моём будущем появлении. Но предполагать заранее, что я не узнаю собственного прошлого, совсем другое. Для этого ему пришлось бы увидеть нечто большее, чем завещание или распоряжение о капитале.

— Именно поэтому я не знаю, сообщил ли ему Эдвард больше, чем счёл нужным сообщить мне, или мистер Крейн прочёл бумаги, которые ему никогда не предназначались. Пока обе возможности остаются предположениями, и я не намерена выбирать для нас наиболее удобное объяснение без подтверждений.

— Значит, спрашивать его прямо не стоит.

— Не раньше, чем мы сами поймём, какой вопрос следует задать. Поверенные особенно хорошо отвечают тогда, когда заранее знают, какой именно порядок им предстоит защищать.

В английском доме гостиная служила не только местом приёма посетителей. Здесь читали, писали письма, музицировали и беседовали в семейном кругу. Камин, ковры, мягкие кресла и небольшие столики создавали уют, а фамильные портреты напоминали о происхождении и положении владельцев. Богатство обстановки говорило о статусе семьи ещё до того, как хозяева успевали представиться.

После короткой паузы леди Мэри продолжила:

— Поэтому предлагаю пока не торопиться ни с доверием к документам, ни с обвинениями. Вы расскажете мне то, что считаете возможным, я покажу вам бумаги и предметы, с которыми вас привезли, а потом мы решим, что именно мистеру Крейну следует знать о вашем состоянии.

— Это кажется разумным, — ответила я. — Правда, должна предупредить, что мой рассказ, скорее всего, покажется вам значительно менее правдоподобным, чем его документы.

Леди Мэри чуть подняла брови.

— После последних пяти дней я готова временно расширить представления о правдоподобии. Однако до того, как вы испытаете их пределы, вам следует поесть, потому что даже самая необыкновенная история выглядит гораздо менее убедительно, если рассказчица теряет сознание посреди первого абзаца.

Она позвонила, и через несколько минут в столовой стали сервировать завтрак. Судя по количеству блюд, представления этого дома о восстановлении после горячки заметно отличались от моих. На столе появились яйца, холодная ветчина, свежий хлеб, масло, джем, небольшой кувшин сливок и серебряный кофейник, рядом с которым поставили сахарницу с щипцами. Для человека, несколько дней прожившего исключительно на воде и бульоне, всё это выглядело одновременно чрезвычайно привлекательным и несколько чрезмерным.

В состоятельных английских домах завтрак обычно подавали поздним утром. На столе могли появиться хлеб, булочки, масло, варенье, яйца, холодное мясо, чай, кофе или шоколад. Особенно ценились хорошая фарфоровая посуда и серебряные приборы. Чай, кофе и сахар были дорогими привозными продуктами, запасы которых нередко хранили под замком.

Леди Мэри тем временем спокойно налила себе кофе и продолжила завтрак с видом человека, для которого появление предполагаемой племянницы без памяти было обстоятельством серьёзным, но всё же не настолько, чтобы позволить яйцам остыть. Её невозмутимость успокаивала лучше любых заверений. После пробуждения всё вокруг словно требовало немедленного объяснения, а для неё утро по-прежнему складывалось из привычных вещей: огня в камине, писем возле тарелки, распоряжений слугам и завтрака, который следовало съесть горячим.

Несколько минут мы ели молча, и постепенно эта самая обычная утренняя тишина начала успокаивать. За окном моросил дождь, в камине оседало прогоревшее полено, дворецкий тихо переставлял посуду, а леди Мэри время от времени поглядывала на письма, лежавшие у камина, не торопясь возвращать разговор к тому, что ожидало нас после завтрака.

Мне эта отсрочка тоже была нужна. Я знала дату, чужое имя, под которым оказалась в этом доме, и о существовании какого-то Крейна, заранее допускавшего, что с моей памятью что-то будет не так. Для одного утра этого хватало с избытком. Перед тем, как рассказывать леди Мэри события, в которых между моей квартирой и этой гостиной лежало двести пятнадцать лет, стоило хотя бы закончить кофе и убедиться, что я действительно способна просидеть за столом дольше нескольких минут.

Когда завтрак подошёл к концу, леди Мэри отложила салфетку и не сразу заговорила, словно оставляя мне последнюю возможность отказаться от обещанной невероятной истории.

— Полагаю, вы достаточно окрепли, чтобы испробовать пределы моего представления о правдоподобии, — произнесла она. — Рассказывайте так, как считаете нужным, а я постараюсь не перебивать раньше, чем пойму хотя бы основную часть.

Поставив чашку на блюдце, я впервые задумалась не о том, что произошло со мной, а о том, как это может прозвучать для женщины, живущей в 1811 году. Можно было принять подготовленную для меня биографию, сослаться на горячку и выиграть время, однако после всего, что леди Мэри е рассказала о письмах и странном интересе Крейна к моей памяти, солгать означало бы лишиться единственного преимущества — возможности вместе с ней выяснять, для кого и зачем была приготовлена жизнь Анны Харкорт.

— Моё настоящее имя другое, и я не Анна Харкорт, никогда не жила в Индии и не знала полковника Эдварда Харкорта. Я родилась в 1981 году. Последнее, что я помню до пробуждения здесь, — моя квартира в 2026-м. Если моя память не обманывает меня целиком, между моей жизнью и этой комнатой лежит двести пятнадцать лет.

Ни крика, ни движения к колокольчику не последовало, только рука леди Мэри на трости стала неподвижной. Долгий взгляд задержался на мне, не пытаясь проверить, узнаю ли я собственное лицо, а словно пытаясь понять, можно ли обнаружить безумие по тому, насколько спокойно человек сообщает невозможное.

— Вы говорите об этом с удивительной уверенностью для женщины, которая ещё утром не знала, где находится.

— Уверена я только в том, что помню свою жизнь. Всё остальное пока выглядит настолько нелепо, что я не стала бы требовать от вас поверить мне на слово.

После небольшой паузы она сказала:

— Тогда расскажите о той жизни, которую помните. Не о двух столетиях и не о вещах, которых я всё равно не смогу представить, а о том, что было вашим.

Ответить оказалось труднее, чем назвать дату. Постепенно в рассказе появился дом над большим городом, работа, занимавшая слишком много времени и всё же остававшаяся моей по собственному выбору, друзья, давно ставшие семьёй, и возможность свободно распоряжаться собственной судьбой. Чем больше обычных подробностей звучало вслух, тем дальше становился оставленный мир: каждая из них переставала быть отвлечённым воспоминанием и снова превращалась в конкретную потерю.

Леди Мэри слушала без вопросов. И только когда рассказ закончился, едва заметная перемена в её лице дала понять, что услышанное подействовало на неё сильнее перечисления будущих открытий или исторических событий.

— Вы говорите разумно, и это несколько осложняет возможность списать всё на горячку. Однако разумная речь сама по себе ещё не доказывает путешествия через два столетия.

— Разумеется, не доказывает. Я могу назвать события, которые для вас ещё не произошли: смерть принцессы Шарлотты, появление железных дорог, избирательные права женщин, их профессиональную работу и возможность вполне сознательно прожить жизнь, не выходя замуж. Но сейчас это будут всего лишь слова, а человек с достаточно богатым воображением способен придумать будущее не хуже моего.

На губах леди Мэри мелькнула едва заметная улыбка.

— Возможность женщины добровольно оставаться незамужней мне по-прежнему кажется самой фантастической частью вашего рассказа.

— Многие мужчины моего времени разделяют ваше сомнение, хотя закон давно перестал оказывать им прежнюю поддержку.

Улыбка задержалась лишь на мгновение, затем выражение её лица снова стало серьёзным.

— Пока оставим будущее в покое и займёмся настоящим, поскольку оно хотя бы находится в пределах этого дома. Возможно, вам стоит узнать, как именно вы сюда попали и что было при вас, когда вас привезли. До сих пор я не рассказывала подробностей, потому что хотела сначала услышать ваше собственное изложение.

Из её рассказа следовало, что почтовая карета доставила меня из гостиницы недалеко от Меритона без сознания. О дороге кучеру было известно лишь необходимое: место для молодой женщины оплатили заранее, при ней находились документы на имя Анны Харкорт, а сопровождавшая будто бы молодую леди пожилая компаньонка задержалась в Лондоне из-за болезни и должна была позднее прислать оставшийся багаж. Все расходы якобы проходили через контору Крейна, однако ни кучер, ни люди, встретившие карету в Меритоне и отправившие затем в Харкорт-Хаус, не могли сказать, где именно началось моё путешествие и кто передал меня под их попечение.

— То есть никто из людей, которых вы сами знаете, не видел, как я выезжала из Лондона и кто именно посадил меня в почтовую карету?

— Насколько мне известно, нет. Ко мне привезли женщину, едва способную стоять на ногах, сундук, документы и вполне правдоподобное объяснение дороги; в тот момент мне не пришло в голову устанавливать, где заканчивается подтверждённый маршрут и начинается история, которую мне просто сообщили.

Взгляд невольно вернулся к сундуку. Выходило, что у дороги Анны Харкорт имелся вполне убедительный конец, но пока не находилось ни одного человека, способного подтвердить её начало.

— После всего, что вы рассказали, мне хотелось бы всё осмотреть. Если среди них есть хоть что-нибудь, что принадлежит моей настоящей жизни или объясняет появление здесь, сейчас это полезнее любых рассуждений о будущем.

Некоторое время внимание леди Мэри было обращено не столько на мою настойчивость, сколько на то, насколько уверенно я держусь.

— Полчаса назад я бы отказала вам из чистого здравого смысла, однако завтрак несколько улучшил ваши шансы не упасть в обморок на моём ковре. Я распоряжусь принести сундук сюда, при условии что вы останетесь сидеть и не станете доказывать независимость способами, требующими потом ещё одного визита врача.

— На таких условиях я готова временно признать вашу власть.

— Разумное начало семейных отношений, даже если вопрос о самом родстве пока остаётся открытым.

Вскоре возле кресла поставили небольшой дорожный сундук, обитый тёмной кожей. Первыми бросились в глаза инициалы «Э. Х.» на крышке. Леди Мэри пояснила, что сундук принадлежал её брату, а запасной ключ хранился в доме.

Бетси принесла тонкую цепочку, на ней висел небольшой ключ, без труда вошедший в замок. Повернув его и почувствовав лёгкое сопротивление механизма, я подняла крышку и некоторое время просто рассматривала содержимое. Передо мной лежали вещи женщины, чью жизнь мне предлагали считать собственной.

Сверху были аккуратно сложены несколько платьев и бельё, под ними находились дорожный несессер, кошелёк, письма и папка с документами. Всё выглядело добротным, недешёвым, и вполне подходящим женщине с собственным состоянием, и при этом ни одна случайная мелочь не выдавала привычек хозяйки: ни забытой записки, ни сломанной заколки, ни вещицы, которую человек годами носит с собой просто потому, что привык к ней. Возникало странное ощущение, будто всё это собирали для того, чтобы жизнь выглядела убедительно.

Среди вещей лежали серебряные карманные часы.

Сначала они ничем не выделялись среди остального, поэтому руку я протянула к ним не сразу. Но стоило взять часы, как вес в ладони показался неожиданно знакомым. Серебро было светлым, без следов времени, стекло над циферблатом оставалось прозрачным, стрелки двигались, а изнутри доносилось ровное тиканье исправного механизма.

Перевернув часы, я осторожно открыла заднюю крышку.

На внутренней стороне серебра были выгравированы две пересекающиеся окружности, причём правая располагалась чуть выше левой, а в месте их пересечения тонкая линия уходила вниз коротким косым штрихом, словно резец мастера однажды соскользнул и оставил маленькую неровность, которую не стали исправлять.

Взгляд всё ещё задерживался на гравировке, и постепенно становилось понятно, откуда знаком каждый её изгиб. В моей квартире, на низкой полке возле телевизора, оставался старый потемневший корпус карманных часов, купленный несколько лет назад на блошином рынке в Париже. На внутренней стороне его крышки были те же две окружности и та же едва заметная ошибка резца — слишком случайная и слишком точная, чтобы объяснить совпадение одинаковым рисунком.

Ещё раз рассмотрев насечку, я закрыла крышку и тут же снова открыла, словно давая разуму ещё несколько секунд на поиски более приемлемого объяснения. Но серебро оставалось новым, края гравировки острыми, а под крышкой по-прежнему работал механизм, которого в старом корпусе из моей квартиры давно не существовало.

— Что-то не так? — спросила леди Мэри, наблюдавшая за мной с другого конца стола.

— Я видела эти часы раньше, хотя, боюсь, правильнее было бы сказать, что позже.

Леди Мэри нахмурилась, и я повернула корпус так, чтобы ей была видна гравировка.

— В моем доме остался старый корпус этих часов, пустой и потемневший от времени. Я купила его в Париже, не зная ни происхождения, ни имени владельца, и до вчерашнего вечера считала просто старой вещью. На крышке был этот же знак, включая маленькую ошибку в линии, поэтому сейчас я смотрю не на похожий предмет, а, насколько могу судить, на тот же самый корпус, только ещё новый и с работающим механизмом внутри.

В XIX веке одежду и личные вещи перевозили в прочных деревянных сундуках, часто обитых кожей и снабжённых замками. Платья заворачивали в ткань, документы и письма укла-

дывали отдельно, а деньги и ценности старались держать при себе. Почтовые кареты связывали города Англии, но путешествие требовало заблаговременной подготовки. Багаж мог рассказать о происхождении и положении путешественницы не меньше её собственных слов.

К часам леди Мэри потянулась не сразу, словно осторожность распространялась и на серебро. Осмотрев знак, она вернула их мне и некоторое время молчала.

— Если ваш рассказ правдив, получается, эта вещь проживёт ещё два столетия и каким-то образом окажется у вас прежде, чем вы попадёте сюда.

— Именно это меня и беспокоит, потому что старый корпус остался в моей комнате. Передо мной не предмет, перенесённый вместе со мной, а сами часы, только за два столетия до того, как они попали ко мне в Париже.

Впервые после пробуждения в моём рассказе появилось нечто, существовавшее независимо от моей памяти и горячки. Доказательством в обычном смысле это ещё не было, но отмахнуться от часов как от очередной ошибки сознания становилось труднее.

Под папкой среди остальных вещей обнаружился небольшой портрет тёмноволосой женщины в старомодном платье. На обороте незнакомой рукой было написано: «Елена Харкорт». Сходства между нами не было, и от этого почему-то стало легче, словно хотя бы на время отпадала необходимость искать очевидное родство.

Рядом лежало письмо, адресованное леди Мэри и датированное августом 1811 года. По тому, как она посмотрела на конверт, я поняла, что письмо ей знакомо.

— Вы читали его?

— Оно было адресовано мне, и после вашего приезда я сочла, что брат ожидал именно этого. Потом вернула письмо к остальным бумагам, поскольку оно касается именно вас.

Я развернула лист. Бумага тихо зашелестела.

«*Мэри, если женщина прибудет под именем Анны Харкорт и не станет узнавать людей или обстоятельства, названные в её документах, не заставляй её помнить то, чего она не знает. Эта жизнь приготовлена для её безопасности, а не для того, чтобы лишить её выбора. Не позволяй никому другому распоряжаться часами. Когда она сможет решать сама, право принять или отвергнуть имя должно принадлежать ей*».

Письмо пришлось перечитать медленно: после часов каждое слово в нём звучало по-другому. Полковник Харкорт не просто допускал возможность болезни или потери памяти; заранее признавалось, что женщина, которая однажды воспользуется именем Анны Харкорт, может не знать людей и обстоятельств, вписанных в эту биографию, и что заставлять её принимать чужое прошлое как собственное нельзя.

— Поэтому вы не пытались убедить меня, что я обязана помнить вашего брата, — сказала я, возвращая письмо на стол.

— Именно поэтому. Эдвард не объяснил, кого ожидал и каким образом эта женщина должна была появиться, однако был особенно настойчив в одном: приготовленное имя предназначалось для защиты, а не для принуждения. После того как я прочла это, вопросы мистера Крейна о вашей памяти стали выглядеть значительно менее невинными.

Теперь появилось нечто более определённое: мой предполагаемый отец счёл необходимым заранее внести ограничения хотя бы в одном конкретном вопросе.

— Значит, полковник Харкорт ожидал, что кто-то может попытаться получить часы, иначе отдельный запрет не имел бы смысла. Может этот кто-то был Крейн?

— Из письма мы знаем, что Эдвард велел беречь часы. Не больше

— Но и не меньше.

Письмо легло рядом с часами.

Сундук снова заперли и отнесли в кабинет, где он должен был оставаться до тех пор, пока мы не решим, какие из найденных бумаг можно показывать посторонним. Часы остались

у меня. После всего, что обнаружилось в сундуке, возвращать их туда не хотелось, а передавать кому-то ещё казалось и вовсе неразумным. Цепочка легла с внутренней стороны платья, скрывая часы от постороннего взгляда. Серебряный корпус непривычно тяжело ощущался под тканью, словно после письма Харкорта эта вещь стала значить больше, чем несколько минут назад.

С остальными обстоятельствами пришлось поступить значительно прозаичнее. Экономке сообщили, что племянница леди Мэри, вернувшаяся из Индии, выздоравливает после тяжёлой болезни и первое время может испытывать затруднения с памятью. Бетси велели не обсуждать мое состояние с другими слугами, а доступ к багажу ограничили несколькими людьми, которым леди Мэри доверяла. В большом доме тайна редко держалась только на молчании: гораздо надёжнее было заранее решить, кто что знает, чем надеяться, что несколько десятков людей вдруг перестанут замечать необычное.

После самых срочных распоряжений разговор вернулся к тому, как меня следует представить. По крайней мере на ближайшее время имя Анны Харкорт оставалось самым безопасным. С ним у меня было место в доме, понятное для окружающих происхождение и возможность появляться в обществе, не посвящая все графство Хартфордшир в существование женщины из двадцать первого века.

Полученное наследство приносило около тысячи фунтов в год, однако оформление ещё не было завершено, а часть капитала оставалась под управлением поверенного. После жизни, в которой я привыкла сама распоряжаться деньгами, это было столь же неприятно, как чужое имя: формально средства имелись, но пользоваться ими пока приходилось через людей, которых я едва знала.

Несколько платьев для меня уже переделывали, а через несколько дней, если здоровье позволит, леди Мэри собиралась вывезти меня на ассамблею в Меритоне.

При упоминании Меритона я сразу забыла о платьях.

До этого момента 1811 год оставался датой, а Англия чужой страной, в которой мне каким-то образом приготовили имя, документы и дом. Меритон принадлежал другой системе координат. Я слишком хорошо знала это название, чтобы принять его за случайное совпадение, но всё ещё надеялась, что память просто торопится соединить знакомые точки.

— А кто живёт поблизости? — спросила я, стараясь придать вопросу обычное светское любопытство.

Леди Мэри перечислила несколько семейств, начав с Беннетов из Лонгборна и Лукасов, после чего заметила, что остальные соседи наверняка сами объяснят мне собственную значительность при первой подходящей возможности. Затем она упомянула Незерфилд, недавно снятый молодым мистером Бингли, человеком с четырьмя или пятью тысячами годового дохода, приятными манерами и, по её наблюдению, слишком хорошим характером для сестры, которая предпочла бы видеть в нём больше семейной гордости.

Этого хватило, чтобы я насторожилась, но один вопрос всё-таки оставался.

— Он приехал один?

— Нет, вместе с сестрой и несколькими знакомыми. Среди них мистер Дарси из Пемберли, старое имя, десять тысяч в год и выражение лица человека, которому общество должно заранее извиниться за необходимость собственного существования. Насколько понимаю, вы о нём слышали?

Мне потребовалось мгновение, чтобы ответить без слишком заметной реакции.

— В некотором смысле. Хотя ещё вчера я считала мистера Дарси совершенно безопасным человеком.

Леди Мэри посмотрела на меня с вопросом, но я не стала объяснять. Совпадения складывались в слишком узнаваемую картину. Я находилась не просто в Англии 1811 года, а в мире, до мельчайших подробностей напоминавшем книгу, известную мне как «Гордость и предубеждение». Джейн ещё не успела полюбить Бингли, Элизабет составить окончательное мнение о

Дарси, Уикхем рассказать свою убедительную версию прошлого, а события, которые для меня давно существовали на прочитанных страницах, здесь ещё только складывались из поступков и решений живых людей.

И всё же знание финала вдруг оказалось куда менее надёжным преимуществом, чем можно было ожидать. Книга показывала лишь те части чужих жизней, которые требовались её истории, а я годами принимала этот отбор за знание самих людей. Становилось всё труднее забывать, что за страницами оставалось слишком многое, а заранее составленное мнение могло помочь не больше, чем помешать.

Особенно неприятно было признать это в отношении Дарси. Ещё вчера я знала его как законченного персонажа вместе с ошибками, мотивами и последующим исправлением, а через несколько дней могла встретить мужчину, который ещё ничего из этого не совершил и вовсе не обязан был соответствовать моему представлению о нём.

— Вы хотите, чтобы я познакомилась с мистером Бингли и его другом? — спросила я.

— Я хочу, чтобы вы познакомились с подходящими людьми раньше, чем решите, кого из них следует отпугнуть. Общество может оказаться полезным.

В словах леди Мэри было гораздо больше правды, чем мне хотелось признавать. Я не знала местных правил, не имела бесспорного имени, плохо представляла цену денег и ещё хуже — цену ошибки, поэтому хотя бы на время мне предстояло научиться различать зависимость и разумную необходимость принимать чужую помощь.

— Сегодня вы останетесь дома, — решила леди Мэри. — Завтра, если доктор и погода не воспротивятся, мы поедем в Меритон. До этого времени постарайтесь не менять ход английской истории, поскольку у меня ещё не готово подходящее платье для участия в катастрофе.

За окном снова пошёл дождь, и сад постепенно исчез за серой пеленой. Я достала часы из-под платья, поднесла их к уху и несколько секунд слушала ровное тиканье механизма, после чего закрыла крышку и снова спрятала их на цепочке.

— Тогда начну с наблюдения. Пока не узнаю этих людей, я не стану вмешиваться в их жизнь.

Это звучало разумно, хотя слово «наблюдение» казалось опасно удобным. Я знала, чем закончилась книга, но впервые оказалась внутри истории, где ни один человек ещё не был обязан прийти к знакомому мне финалу.

В 1811 году карманные часы были дорогим предметом, который заводили ключом и носили на цепочке или ленте. Женщины могли прикреплять часы к поясу либо носить на цепочке у груди. Собственные часы позволяли не зависеть от домашних часов и церковного колокола, самостоятельно следить за временем визитов и поездок. Для обеспеченной дамы это было не только удобство, но и признак личной самостоятельности.

Глава 2. Голоса Меритона

Хартфордшир — графство на юго-востоке Англии, к северу от Лондона. *В эпоху Регентства Хартфордшир славился своими сельскими поместьями, ухоженными парками и размеренной жизнью провинциального дворянства, где семейные визиты, балы, соседские знакомства и разговоры о предстоящих браках составляли важную часть общественной жизни. Здесь расположились Меритон, Лонгборн, Нэзерфилд и Харкорт-Хаус. Мир, где жизнь подчиняется привычному укладу и неписаным законам общества. Но именно здесь размеренный порядок чувств и судеб однажды дрогнет под дыханием другого времени, а знакомые дороги поведут не только от одного поместья к другому, но и между эпохами, навсегда изменив жизни тех, кто решится по ним пройти.*

На следующее утро меня разбудил дождь, негромко барабанивший по стеклу с такой деловитой настойчивостью, словно Англии снова предстояло весь день оставаться мокрой. Несколько секунд я лежала неподвижно, смотрела на тёмно-зелёный полог и позволяла себе думать, что стоит повернуть голову, и я увижу белую стену своей спальни, телефон и стакан воды, оставленный с вечера. Но воспоминания оказались быстрее. Вместе с ними появились Харкорт-Хаус, леди Мэри, письмо полковника, серебряные часы и биография Анны Харкорт, приложенная к моим документам.

Вчера я впервые произнесла вслух, кто я на самом деле, но утром от этого не стало легче. За дверью меня по-прежнему звали Анной Харкорт. Стоило услышать это имя несколько раз, и оно начинало звучать всё привычнее, тогда как прежнее оставалось где-то далеко, вместе с

домом и друзьями. «Анна» еще оставалась ролью, но именно с этим именем мне предстояло выйти из комнаты.

Часы на столике продолжали идти после вчерашнего завода. Ответов от них по-прежнему не было: ни о моём появлении здесь, ни о бумагах, ни о людях, которые знали об их существовании раньше меня.

Когда Бетси вошла с кувшином горячей воды, я не сразу отозвалась на «мисс Харкорт». Всего на мгновение, но она всё же задержалась у двери и посмотрела на меня чуть дольше обычного.

Пришлось снова сослаться на память, которая возвращалась неравномерно. Заодно я попросила её не молчать, если какая-нибудь моя просьба окажется неудобной или поставит её в неловкое положение. Бетси выслушала меня с заметной осторожностью.

— Молодым леди не принято выслушивать возражения от прислуги, мисс. Даже справедливое замечание могут счесть дерзостью, если его услышит кто-нибудь ещё.

Сказано это было спокойно, без жалобы, и оттого особенно ясно. Я привыкла думать, что стоит дать человеку право возразить, чтобы сделать отношения честными. Здесь всё было сложнее: свобода говорить мало значила, если расплачиваться за неё предстояло тому, кто стоял ниже.

Это выяснилось сразу, когда я заговорила о вечернем купании. Бетси объяснила, сколько воды для этого придётся нагреть, принести и поднять по лестнице, и привычная просьба вдруг приобрела совсем другой вес.

— Тогда передайте экономке, что эту дополнительную работу стоит учесть для служанок за вечерним столом.

Бетси одобрительно кивнула, но тут же посоветовала представить это как решение леди Мэри, а не как мою благодарность. Иначе, объяснила она, остальные могут решить, будто именно Бетси выпросила себе награду.

После её слов на кувшин с горячей водой я посмотрела по-другому. В моей квартире ванна начиналась с одного движения крана, здесь за ней стояли огонь, вёдра, лестницы и несколько пар чужих рук. То, что раньше казалось обычной бытовой мелочью, неожиданно приобрело совсем другую цену.

Даже утреннее одевание после этого воспринималось ответственным делом. Бетси принесла тёмно-зелёное шерстяное платье и принялась застёгивать его на спине. Я стояла, стараясь не мешать, и снова чувствовала знакомую досаду от собственной беспомощности, только теперь лучше представляла, сколько чужой работы скрывалось за каждой привычной частью этого утра.

До завтрака я попросила Бетси показать мне дом. Она, кажется, решила, что после пяти дней болезни меня наконец заинтересовали комнаты, портреты и семейные реликвии, однако вскоре заметила, что взгляд мой задерживается совсем на другом.

Меня интересовало, у кого хранятся ключи от кабинета, каким входом пользуются посыльные, куда приносят багаж и можно ли незаметно пройти от задней лестницы к комнате леди Мэри. Отдельно я спросила, кто видел мой сундук с момента доставки.

Бетси несколько раз поглядывала на меня с любопытством, но отвечала подробно. Видимо, мои вопросы всё ещё можно было объяснить последствиями болезни. Чем дальше мы шли по дому, тем сильнее ощущалась простая вещь: об убежище, которым он должен был для меня стать, я пока ничего не знала. После предупреждения в письме хотелось понять, кто и куда здесь может попасть, какими путями передвигаются те, кого обычно не замечают, и легко ли сделать это без ведома хозяйки.

За зелёной суконной дверью обнаружилась задняя лестница, крутая, узкая, без ковров и какого-либо парадного достоинства. Здесь дом словно показывал другую сторону собственной жизни. Служанки несли уголь, лакей осторожно спускался с подносом, мальчик тащил охапку

дров, прачка поднималась навстречу с тяжёлой корзиной влажного белья. По парадной лестнице проходило то, что предназначалось взглядам гостей. Здесь двигалось всё, благодаря чему эта жизнь вообще могла выглядеть такой лёгкой.

Возле кладовой мы встретили экономку, миссис Хилл. Связка ключей у её пояса говорила о положении в доме лучше любого представления: через неё проходил доступ к комнатам, белью, серебру и запасам.

На вопросы о служебных проходах она ответила не сразу, сперва окинув меня внимательным взглядом.

— Вы изучаете дом как будущая хозяйка, мисс, или как женщина, которая заранее ищет путь наружу?

— Разумнее знать оба пути.

Выражение её лица не изменилось, но говорила она дальше уже серьёзнее. Миссис Хилл рассказала, что сундук от ворот несли два лакея из Харкорт-Хауса. Там же к ним ненадолго присоединился незнакомый мужчина. К дому он не принадлежал и представился служащим поверенного.

Само по себе это ещё могло не вызвать подозрений, если бы он действительно ограничился помощью с багажом. Но мужчина осматривал крепления сундука и несколько раз спрашивал, пришла ли мисс Харкорт в сознание.

— Я велела ему обратиться к леди Мэри, — добавила миссис Хилл. — Если у поверенного есть дело к этому дому, оно должно быть известно хозяйке.

Но до леди Мэри незнакомец так и не дошёл. Вскоре он ушёл, не оставив ни имени, ни записки.

Незнакомец хотел знать, пришла ли я в сознание. А это слишком хорошо совпадало с вопросами Крейна о моей памяти. Нужно было только понять, действительно ли он действовал по его поручению или всего лишь воспользовался именем поверенного.

В богатых английских домах XIX века существовали отдельные лестницы и коридоры для прислуги. Они позволяли доставлять дрова, воду, еду и бельё, не нарушая покоя хозяев и гостей. Двери нередко обивали зелёным сукном, приглушавшим шум. Парадная часть дома демонстрировала достаток семьи, тогда как служебная оставалась почти невидимой для посетителей.

За завтраком выяснилось, что о моём интересе к служебной части дома леди Мэри уже сообщили. Она выслушала объяснение без особого удивления, только заметила, что большинство молодых женщин начинают знакомство с новым домом с гостиной, а не с замков, ключей и задних дверей.

— Гостиная показывает, каким дом хочет казаться, — ответила я. — А служебная лестница гораздо лучше объясняет, как он живёт на самом деле.

Леди Мэри посмотрела на меня поверх чашки.

— Боюсь, в Меритоне вам придётся проявлять эту наблюдательность несколько осторожнее.

Так разговор сам собой перешёл к предстоящей поездке.

— Если вы уверены, что выдержите дорогу, сегодня мы поедем туда вместе. Вас будут расспрашивать об Индии, о вашем отце, обо всём, чего вы не знаете. Поэтому советую смотреть больше, чем говорить.

— В моей жизни молчание часто принимали за согласие.

— Здесь его иногда принимают за благоразумие, — сухо заметила она. — Особенно если речь идёт о молодой женщине. Три удачных ответа мало помогут, если четвёртый вдруг покажет, что вы не знаете собственного прошлого.

Леди Мэри упомянула, что миссис Филлипс, жена местного стряпчего, ждёт нас в Меритоне и что её муж получил письмо, касающееся моего возвращения. Подробности она предложила рассказать при встрече, хотя сам мистер Филлипс разбирался в подобных бумагах лучше нас.

До Меритона было всего несколько миль, но после дождя даже это небольшое расстояние превратилось в испытание. Колёса увязали в колеях, кузов раскачивался, мокрые ветви хлестали по крыше, и уже через четверть часа слабость напомнила о пяти днях беспамятства. При первом особенно резком толчке рука сама потянулась к плечу в поисках ремня безопасности и наткнулась только на шерсть накидки. Отдёрнуть её удалось раньше, чем леди Мэри успела спросить, что именно я пытаюсь пристегнуть к собственной шее.

Заметив, как я побледнела, леди Мэри предложила вернуться. Отказ прозвучал слишком поспешно и, кажется, сразу выдал, что теперь я спорю не столько с дорогой, сколько с собственным страхом.

— Слабость всегда замечают люди, ожидающие возможности ею воспользоваться, поэтому со временем я перестала относиться к ней как к чему-то безобидному.

— Тогда вам предстоит научиться различать человека, который видит слабость, и человека, который намерен использовать её. Иначе вы будете защищаться даже от помощи.

Провинциальные английские города объединяли лавки, трактиры, почтовые конторы, мастерские и жилые дома. Улицы нередко покрывались грязью: по ним ежедневно двигались лошади, экипажи и товарные повозки. Небольшие города служили центрами торговли и общения окрестного дворянства. Новости распространялись во время покупок, визитов и случайных встреч, задолго до появления ежедневных местных газет в их современном виде.

Из серой дождевой дымки постепенно проступил Меритон — длинная улица с лавками, трактиром, аптекой, конторой поверенного и домами, стоявшими настолько близко, что запахи, новости и ссоры не задерживались у границ участка. Город оказался меньше, чем я представляла по роману, но значительно более шумным и живым; запахи мокрой шерсти, угольного дыма, навоза, свежего хлеба и мяса сразу разрушили остатки книжной условности. Экран телевизора предусмотрительно их не передавал. Именно поэтому прогулки по Меритону для зрителя всегда казались такими располагающими.

Едва карета замедлила ход, стало заметно, что наше появление не осталось без внимания. Разговоры на улице на мгновение стихали, вслед экипажу оборачивались, возле дверей лавок люди задерживались чуть дольше. Кто-то разглядывал герб на дверце, кто-то - меня, стараясь делать это не слишком откровенно и всё же сохраняя вид обычного любопытства.

В небольшом городе, вероятно, этого вполне хватало. Имя обрастало достоверностью с каждым новым взглядом, случайным вопросом и пересказанной подробностью. Стоило Меритону привыкнуть к Анне Харкорт, как ещё вчера чужое имя начинало жить собственной жизнью. Но с той же лёгкостью всё могло повернуться наоборот: одного нового слуха хватало, чтобы знакомые подробности сложились в совсем другую историю.

Возле лавки перчаточника карета остановилась, и пришлось спуститься. Я привычно хотела отказаться от протянутой руки, но взгляд леди Мэри остановил меня раньше, чем движение стало заметным. Здесь даже такой пустяк мог оказаться частью роли: как подать руку,

как ступить на мостовую, насколько естественно принять помощь. Поэтому помощь лакея я всё-таки приняла, позволив Анне Харкорт сделать ещё один маленький шаг в глазах окружающих.

Внутри пахло кожей, крахмалом и угольным дымом. Пока мистер Аллен снимал мерку с моей руки, его жена поддерживала разговор сначала о дороге, потом о погоде и почти незаметно об Индии. Вопрос о Калькутте прозвучал настолько буднично, что ответ вырвался раньше, чем я успела сверить его с придуманным прошлым. Большую часть времени, сказала я, мы провели в Бомбее. И только произнеся это, вспомнила, что в документах значился Мадрас.

Перчатки были важной частью костюма обеспеченной дамы. Их надевали для прогулок, визитов, поездок и танцев, подбирая материал и длину в зависимости от случая. Особенно ценились тонкие лайковые перчатки, хорошо облегавшие руку. В специализированных лавках покупательницам могли снимать мерки для подходящего размера. Покупка сопровождалась беседой, поэтому торговые заведения одновременно служили местом распространения светских новостей.

Леди Мэри не дала паузе затянуться и с такой естественностью перевела разговор на моё здоровье, что миссис Аллен, кажется, ничего не заметила.

В эту минуту дверь открылась, впустив миссис Филлипс, полную, оживлённую женщину в сливовом капоре, чья искренняя сердечность, похоже, легко распространялась и на самые личные обстоятельства окружающих. Присоединившись к разговору, она сразу выразила тревогу о моём здоровье, сообщив несколько противоречивых слухов о состоянии Анны Харкорт, и перешла к незамужним мужчинам с такой лёгкостью, словно вопросы болезни, капитала и брака составляли одну естественную тему.

— В Меритоне человека считают существующим только после того, как о нём как следует поговорили, — заметила она. — Поэтому, дорогая мисс Харкорт, можете быть уверены: здесь вас приняли самым основательным образом.

— Надеюсь, общество всё-таки оставило мне хотя бы несколько черт характера, которые я смогу выбрать самостоятельно.

Миссис Филлипс рассмеялась.

— Боюсь, с этим лучше не медлить. Впрочем, не только Меритон проявляет к вам интерес. Мистер Крейн, поверенный вашего отца, написал моему мужу и особенно просил сообщить, настолько ли вы оправились, чтобы подписывать бумаги.

— Именно подписать? — переспросила я. — Он объяснил, почему это так срочно?

— Только заботой о вашем состоянии и необходимостью привести бумаги в порядок. Хотя мой супруг заметил, что обычно поверенные сначала спрашивают, способен ли человек принять посетителя, и лишь потом способен ли он подписывать распоряжения.

Имя Крейна заставило меня коснуться цепочки под платьем. В тот же момент в стекле витрины мелькнуло отражение мужчины, стоявшего через улицу. Высокий, неброско и аккуратно одетый, со светлым шрамом на левой щеке.

Наши взгляды встретились. На несколько мгновений всё вокруг будто отдалилось, а под пальцами особенно ясно ощущался холодный металл часов. Мужчина первым отвёл глаза, повернулся и скрылся за углом конторы поверенного.

Из Меритона мы отправились в Лукас-Лодж, неподалёку от Лонгборна. По дороге леди Мэри немного рассказала о хозяевах. Сэр Уильям Лукас когда-то занимался торговлей, позднее получил рыцарское достоинство и с тех пор, по её словам, относился к светской жизни с особым усердием. Леди Лукас занималась домом и семейством, а их старшая дочь Шарлотта считалась девушкой разумной, спокойной и внимательной к тому, что происходило вокруг.

Сэр Уильям встретил нас с радушием человека, однажды представленного при дворе и с тех пор воспринимавшего любезность как общественную обязанность.

Сэр Уильям Лукас — добродушный, обходительный джентльмен, некогда занимавшийся торговлей и позднее удостоенный рыцарского звания. Знакомство с королевским двором стало предметом его особой гордости. Он тщательно запоминает имена гостей, их родственные связи и семейные обстоятельства, иногда помогая себе небольшими записками. За несколько чрезмерной церемонностью скрывается человек, который хорошо помнит, как неприятно бывает оказаться незамеченным.

Мы приехали не первыми. В гостиной заканчивался утренний визит: пожилая соседка поднялась с кресла, а сопровождавший её молодой родственник держал шляпу и явно ждал момента, когда можно будет проститься, не нарушив ни одного из невидимых правил приличия. Сэр Уильям, однако, не позволил их уходу превратиться в поспешное отступление. Он успел представить нас друг другу, напомнил леди Мэри, где именно встречался с этой дамой, справился о здоровье её сестры и только после этого проводил обоих до дверей.

Молодой человек вышел заметно спокойнее, чем вошёл, а пожилая дама, до того сжимавшая ридикюль обеими руками, прощалась с улыбкой.

Когда дверь за ними закрылась, сэр Уильям поправил манжету. На тёмной ткани оставалась тонкая белая полоска мела.

— Вы записываете имена? — спросила я.

Он рассмеялся и вынул из кармана маленькую карточку. Несколько фамилий были расположены столбцами, рядом стояли родственные связи и короткие пометки: «плохо слышит», «сестра в Бате», «не спрашивать о сыне».

— Память, мисс Харкорт, является добродетелью лишь у тех, кому она дана в достаточном количестве. Остальным приходится помогать ей карандашом.

— А мел на манжете?

— Напоминает заглянуть в карман до того, как я назову вдову девичьей фамилией или осведомлюсь о здоровье человека, которого похоронили весной.

Я снова посмотрела на карточку. Старательная любезность сэра Уильяма казалась мне профессиональной привычкой человека, однажды допущенного ко двору и с тех пор решившего распространять церемониал на всё графство.

— Вы действительно запоминаете всё это ради каждого посетителя?

Сэр Уильям убрал карточку, и улыбка на его лице стала менее парадной.

— Когда меня впервые представили при дворе, один джентльмен трижды переспросил мое имя и всякий раз произносил его иначе. К тому времени у меня были и состояние, и положение в обществе, однако рядом с ним я снова почувствовал себя мальчиком из торговой лавки, которому велено ничего не трогать чистыми перчатками. Его величество, к слову, оказался любезнее. Это обстоятельство я счёл полезным уроком.

— Поэтому в вашем доме никто не должен ждать, пока его имя запомнят с третьей попытки?

— В моём доме каждый должен знать, что его появление заметили по хорошей причине.

В этот момент дверь снова открылась, но на этот раз сэру Уильяму не понадобились ни карточка, ни мел на манжете.

— Шарлотта, наконец-то. Мисс Харкорт уже успела составить обо мне мнение, и я опасаюсь, что без вашей помощи оно может оказаться окончательным.

Шарлотта вошла с той спокойной уверенностью женщины, которой не требовалось становиться центром комнаты, чтобы понимать всё, что в ней происходит. Она поздоровалась с леди Мэри, затем со мной и задержала на мне внимательный взгляд. Я устала от новых лиц и ожидания очередных вопросов об Индии, а при каждом движении за окном невольно проверяла, не появился ли мужчина со шрамом.

Поэтому Шарлотта лишь предложила пересесть ближе к огню и заметила, что возвращение в страну, которую почти не помнишь, вероятно, утомляет сильнее самого пути, особенно если все вокруг убеждены, будто знают твоё прошлое лучше тебя.

Фраза была произнесена без особого значения, однако я посмотрела на неё внимательнее.

— Вы не задаёте вопросов о путешествии, хотя остальные считают его наиболее интересной частью моей жизни.

— Вы выглядите так, будто за сегодняшний день уже говорили о себе больше, чем хотели, — ответила Шарлотта, подвигая ко мне чашку. — Мне показалось невежливым просить ещё один рассказ только ради собственного любопытства.

— Вы всегда так быстро замечаете то, что другие обходят вниманием?

— Не всегда. Но если не можешь позволить себе говорить громче всех, то приходится внимательнее слушать. Обычно окружающие не замечают такого умения и потому не пытаются его отнять.

Шарлотта поправила чашку на подносе и посмотрела на небольшую гостиную, где сэр Уильям продолжал рассказывать леди Мэри о своём пребывании при дворе.

— Иногда достаточно иметь место, где можно закрыть дверь и не ждать, что тебя попросят уступить комнату более важному гостю. Когда такое место есть, остальное устраивать немного легче.

— Но разве место стоит того, чтобы ради него терпеть всё остальное?

Шарлотта не ответила сразу; она выровняла ложечку на блюдце, словно простое движение позволяло точнее выбрать слова.

Шарлотта Лукас не стремится привлекать внимание красотой или остроумием. Спокойная, рассудительная и наблюдательная, она умеет услышать то, о чём собеседник предпочитает умолчать. Она хорошо понимает цену независимости, особенно для женщины, которой ещё предстоит искать своё место в обществе.

— Не всё. Но женщина без собственного дохода редко получает именно тот выбор, который предпочла бы. Иногда приходится сначала понять, от чего ты зависишь сейчас и что изменится, если согласишься на другое.

Перед уходом сэр Уильям начал подробно расспрашивать о моём детстве за границей и годах, проведённых вместе с отцом в Индии. Однако Шарлотта незаметно перевела разговор на дорогу и погоду. Она сделала это так естественно, что сэр Уильям не заметил перемены темы, а мне осталось лишь встретиться с ней взглядом и коротко наклонить голову.

Мы успели выехать на главную улицу, когда над площадью ударил колокол, возвещавший конец торговли. До этой минуты рынок казался беспорядочной массой навесов, корзин и голосов; теперь он начал складываться, как огромный механизм, в котором каждый знал собственное движение.

Торговки затягивали холст над непроданными овощами. Мальчики собирали с земли обрывки бечёвки, годные для следующей недели. Гуси, до сих пор теснившиеся в плетёной загородке, разом подняли крик, когда хозяин попытался направить их к дороге. Между двумя рядами телег проталкивали небольшое стадо овец, и наша карета остановилась: ни кучер, ни животные не собирались признавать преимущество другого.

Леди Мэри постучала тростью в крышу, но не велела расчищать путь. Через стекло мы наблюдали, как за несколько минут Меритон понемногу меняется. Прилавок с лентами разбирали, и доски одна за другой оказывались на плечах подмастерья; корзины с яблоками исчезли под промасленным полотном; мясник смыл с камня кровь ведром воды, после чего та розовой

полосой ушла к сточной канаве. У булочной считали медные монеты. Хозяйка отделяла дневную выручку от денег на муку, а девочка рядом заворачивала оставшиеся хлебцы в чистую ткань и передавала их женщине с младенцем, дождавшись, пока хозяин отвернётся к счётам.

Одна овца вырвалась из общего потока и метнулась к витрине аптекаря. Погонщик бросился следом, поскользнулся на мокрой соломе и едва удержался на ногах. Животное уже собиралось втиснуться между нашей каретой и телегой, когда старуха, торговавшая травами, спокойно выставила перед ним широкую корзину. Овца остановилась, оскорблённая неожиданным препятствием, а подоспевший мальчик набросил ей на шею верёвочную петлю и вернул к стаду.

Никто не аплодировал. Старуха подняла рассыпавшиеся пучки, мальчик получил от погонщика подзатыльник, овцы заняли всю ширину улицы и двинулись дальше. А вокруг снова складывали товар, считали деньги и закрывали лавки, словно никакого маленького бегства вовсе не случилось.

Раньше я представляла Меритон несколькими гостиными, залом собраний и улицей, по которой должны пройти знакомые герои. За этим привычным образом проступал настоящий город, совершенно не обязанный существовать ради их встреч. Здесь кормились окрестные дома, принимали почту, чинили колёса, ссужали деньги, продавали ткань в долг и к вечеру считали, хватит ли полученного до следующего рынка. Даже сплетни путешествовали вместе с товарами, от одной корзины к другой, из лавки в экипаж, из экипажа к чужому обеденному столу.

В английских городках начала XIX века рынки обеспечивали продуктами жителей и окрестные поместья. Здесь продавали овощи, хлеб, мясо, птицу, ткани и хозяйственные товары, а в установленные дни торговали живым скотом. Многие расчёты производились наличными, но постоянным покупателям могли отпускать товары в долг. Город существо-

вал не как декорация для светских встреч — он кормил окрестные дома, чинил, продавал, ссужал деньги и каждый вечер подводил собственный итог

Последняя телега наконец освободила середину площади, и наша карета снова тронулась. У церковной стены ещё теснилось стадо, дальше улица постепенно опустела, дома остались позади, и вскоре впереди показался Лонгборн.

На дорожке шли две молодые женщины. Леди Мэри назвала сестёр, хотя я уже знала их имена и ни одна не была похожа на знакомый экранный образ. При виде Джейн я сразу вспомнила её будущую тихую любовь к Бингли, которую Дарси позднее примет за равнодушие; рядом с Элизабет столь же быстро возник в памяти знакомый финал — её свадьба с Дарси.

Джейн оказалась выше, чем я представляла, светловолосая, с той мягкостью в движениях, которая делала её красоту особенно заметной. Она придержала ветку для сестры и чуть замедлила шаг, когда та остановилась.

Рядом шла Элизабет — быстрее, свободнее. Подол платья успел испачкаться, щёки разрумянились от ветра, и во всей её походке чувствовалась та уверенность, с которой привыкаешь полагаться в первую очередь на себя.

В какой-то момент Элизабет подняла голову. Наши взгляды встретились всего на несколько секунд, и знакомое книжное имя вдруг стало живым человеком. В её взгляде было любопытство, чуть настороженное и слишком внимательное, чтобы принять меня без вопросов. Мне же, наоборот, было известно о ней куда больше, чем следовало знать при первой встрече: будущие ошибки, письмо Дарси, бегство Лидии и замужество Шарлотты, всё то, что для неё ещё не началось.

К Харкорт-Хаусу мы вернулись под вечер. К тому времени усталость брала своё, поэтому руку лакея я приняла без споров и позволила Бетси помочь мне подняться в спальню. Накидку сняла младшая горничная, перчатки забрала Бетси, капор на несколько минут остался на стуле в передней, а затем одежду перенесли наверх. Все эти мелкие перемещения почему-то остались в памяти, хотя тогда я ещё не знала, что очень скоро придётся вспоминать, через чьи руки прошли мои вещи и кто мог добраться до карманов.

В спальне приготовили небольшую жестяную ванну. Четырёх вёдер горячей воды едва хватило, чтобы покрыть дно, камин прогревал только половину комнаты, а простыня, постеленная на металл, вряд ли могла сделать купание по-настоящему удобным. И всё же эта скромная роскошь показалась спасением. После чужих взглядов, вопросов и целого дня, проведённого под именем Анны Харкорт, хотелось хотя бы несколько минут провести в тёплой воде и снова почувствовать себя просто собой.

Я взяла принесённую наверх накидку, и из её кармана выскользнула сложенная вчетверо узкая полоска бумаги**.** Сначала я подумала, что **это** какая-нибудь записка из лавки, но не могла вспомнить, откуда она взялась.

Я развернула её.

Ровным чужим почерком было написано:

«*Мисс Харкорт следует помнить: имя принадлежит тому, кто способен доказать его».*

Чернила ещё слабо пахли, на обороте сохранился след красного сургуча, а бумага была сложена ровно и аккуратно, словно её готовили передать из рук в руки. По отдельности всё это могло ничего не значить. Но записка слишком хорошо ложилась рядом с тем, что уже произошло за день: вопросами о том, могу ли я подписывать бумаги, появлением мужчины со шрамом и той лёгкостью, с которой окружающие начинали принимать меня за Анну Харкорт.

У меня похолодели руки. В течение дня я всё быстрее отзывалась на «мисс Харкорт», рассказывала вымышленное прошлое и позволяла окружающим создавать новую личность повторением. Записка напоминала: право на это имя принадлежит не мне, а тому, кто контролирует доказательства.

Я медленно опустилась в воду и некоторое время просто сидела, привыкая к теплу. День постепенно отпускал: Меритон, новые лица, бесконечная необходимость следить за каждым словом, мужчина со шрамом, которого невольно хотелось искать среди прохожих.

Даже встреча с Джейн и Элизабет пока не успела стать чем-то отдельным. Она осталась где-то рядом со всем остальным — слишком неожиданным и слишком тесно уместившимся в один день.

Когда стало немного спокойнее, я снова вернулась мыслями к записке. Вспомнила, где снимала накидку, кто подходил к карете, лицо мужчины со шрамом, слова миссис Филлипс, вопросы Крейна. Всё это явно было связано между собой, но еще слишком слабо, чтобы увидеть целую картину.

Разумнее всего было сразу показать записку леди Мэри, но я остановилась. Я не знала, кто в этом доме и кому передаёт услышанное, а потому сложила лист и оставила при себе.

Сначала я хотела разобраться сама.

В начале XIX века даже богатые английские дома обычно не располагали отдельными ванными комнатами с водопроводом. Переносную жестяную или медную ванну ставили в спальне, поближе к камину. Воду нагревали на кухне и приносили вёдрами, а после купания вручную вычерпывали и выносили. На холодное металлическое дно могли стелить ткань.

Глава 3. Цена привычек

Вода постепенно остывала, а записка всё ещё оставалась у меня в руке. На мгновение мелькнула совершенно нелепая мысль: уронить её в ванну и смотреть, как расплываются чернила, избавляя меня от необходимости прямо сейчас решать, что делать дальше. Наверное, за такие мелочи разум и цеплялся, когда всё остальное отказывалось укладываться в привычные объяснения.

За дверью послышались шаги Бетси. Я быстро сложила записку и спрятала её под полотенце. Лишь когда бумага исчезла из виду, пришло запоздалое и довольно неприятное понимание: решение пока никому её не показывать было принято без раздумий. Осторожность снова слишком легко превращалась в знакомую привычку сначала действовать самой и только потом посвящать остальных в происходящее.

Через мгновение Бетси вошла с кувшином горячей воды. Поставив его возле ванны и внимательно посмотрев на меня, она предложила позвать младшую горничную и добавить ещё несколько вёдер. Я отказалась, но, пока она не успела уйти, попросила помочь вспомнить, что происходило с моей одеждой после возвращения из Меритона.

— Накидку с меня сняли в передней, верно? Я почти не помню, что было потом.

— Младшая горничная сняла её, мисс, а я помогла вам подняться наверх. Накидка какое-то время оставалась на стуле, пока мы не вернулись за одеждой.

— Там кто-нибудь ещё проходил?

Бетси помедлила. По её лицу было видно, что разговор перестал казаться ей ещё одной попыткой восстановить память после болезни.

— Через переднюю постоянно ходят слуги, особенно когда экипаж только вернулся. Дворецкий был неподалёку, один из лакеев заносил вещи, потом проходила горничная. Почему вы спрашиваете?

— Я пытаюсь понять, мог ли кто-нибудь подойти к моей одежде так, чтобы этого никто не заметил.

Вместо того чтобы расспрашивать дальше, Бетси начала по памяти перебирать всех, кого видела внизу после нашего возвращения. Почти одновременно понадобилась помощь, чтобы выбраться из ванны, и вскоре младшая горничная появилась с подогретой простынёй. Они помогали мне подняться и укутывали в тёплую ткань, а девушка поглядывала то на Бетси, то на меня, явно стараясь понять, зачем понадобился такой подробный разбор вечерней суеты.

— Мисс Харкорт, — произнесла наконец младшая горничная, — я не знаю, имеет ли это значение, но сегодня возле боковой двери был незнакомый мужчина. Он сказал, что ждёт ответа для поверенного.

В английских поместьях парадный и служебный входы имели разное назначение. Через боковые двери ежедневно проходили торговцы, посыльные и работники, доставлявшие припасы. Молодые слуги, строго подчинявшиеся домашней иерархии, не всегда решались расспрашивать уверенного незнакомца о его полномочиях. Обычный хозяйственный порядок мог обернуться слабым местом в безопасности дома.

Бетси перестала поправлять простыню.

— Какой мужчина?

— Я его не видела раньше. Он спросил, где обычно оставляют вещи приезжих, и я решила, что речь идёт о каком-нибудь поручении. Говорил так, словно всё уже было согласовано и объяснять ему ничего не требовалось.

От последних слов стало не по себе, и остатки тепла после ванны словно исчезли.

— Вы хорошо его рассмотрели?

Девушка не сразу ответила, пытаясь припомнить подробности.

— Лица я толком не разглядела, потому что он держал шляпу низко и стоял немного в стороне от двери. Но на левой щеке у него была светлая полоса, похожая на старый шрам. Дальше передней он не проходил и ничего при мне не трогал, а когда увидел дворецкого, сразу ушёл.

Совпадений становилось слишком много.

Бетси медленно повернулась.

— Почему же ты никому об этом не сказала? Если незнакомый человек расспрашивал о вещах мисс Харкорт, это стоило хотя бы упомянуть.

Девушка смутилась, крепче придерживая край простыни.

— Я подумала об этом потом, но тогда он держался так, будто его действительно прислал поверенный и все в доме знают, зачем он пришёл. Он ничего не взял, не пытался войти дальше

и не делал ничего такого, что я могла бы назвать нарушением. Мне показалось, что, если я начну задавать вопросы или побегу к дворецкому, окажется, что распоряжение было известно всем, кроме меня, и я только выставлю себя глупой.

Бетси не ответила сразу, причины молчания были ей слишком хорошо понятны.

— В доме, где каждый знает своё место, иногда хватает говорить так, будто своё место знаешь и ты, — сказала она.

После этого разговора нетрудно было представить, как записка оказалась в кармане. Незнакомцу нужны были лишь несколько минут в передней и вид человека, которому незачем задавать лишние вопросы.

Позже, одна в спальне, я ещё раз перечитала записку и убрала её в запирающийся ящик, решив хотя бы до утра ничего не предпринимать. Сон не приходил: в памяти поочерёдно возникали мужчина у лавки, рассказ младшей горничной и то спокойное самообладание, с которым кто-то всё настойчивее входил в жизнь Анны Харкорт, не спрашивая разрешения.

За завтраком довольно быстро стало заметно, что говорю я меньше обычного. Леди Мэри не стала расспрашивать напрямую, лишь дважды вернулась к поездке в Меритон и, размешивая чай, поинтересовалась, хорошо ли мне спалось. Я постаралась ответить спокойно, хотя записка всё это время оставалась наверху, в ящике моей комнаты.

После завтрака ко мне пришел мистер Прайс, дворецкий Харкорт-Хауса. В его появлении не было той осторожной торжественности, с которой в последние дни ко мне являлись люди, ещё не решившие, как именно со мной следует держаться: как с больной, родственницей хозяйки или просто новой обитательницей дома. У стола он дождался, пока я закончу читать письмо, и положил рядом кожаную папку так точно, будто заранее измерил место, которое она должна занять.

— Леди Мэри просила передать вам домашние счета, мисс Харкорт. Вы упоминали о дополнительных расходах на уголь и горячую воду.

Голос звучал негромко, ровно и совершенно без желания понравиться. Лет ему могло быть около шестидесяти; седина заметно тронула виски, чёрный сюртук сидел безупречно, а лицо оставалось настолько спокойным, что о его отношении чаще говорили короткие паузы перед ответом, чем выражение. Очень скоро стало понятно, почему в его присутствии остальные слуги держались по особому: никто не вытягивался демонстративно и не замолкал, однако разговоры становились короче, движения точнее, а любая заминка будто сама собой находила решение раньше, чем успевала превратиться в долгие объяснения.

Через Прайса проходила большая часть практической жизни дома: распоряжения леди Мэри, экипажи, посыльные, неожиданные посетители и люди, которым требовалось попасть дальше передней. Из любопытства он вопросов не задавал и не спешил сообщать то, о чём его не спрашивали, зато обладал неприятно полезной привычкой замечать мелочи, которые остальные считали слишком незначительными, чтобы запоминать.

В папке оказались аккуратно сведённые записи о расходах на уголь, свечи, стирку и дополнительную работу прислуги, связанную с моими вечерними ваннами.

— Я хотела, чтобы эти расходы не ложились на дом только потому, что мне трудно привыкнуть к местным представлениям о водоснабжении.

Мистер Прайс. Дворецкий Харкорт-Хауса. Седина на висках, строгий чёрный сюртук и спокойное лицо выдавали человека, привыкшего руководить без лишних слов. Его трудно было удивить несколькими вёдрами горячей воды; куда больше его занимало, кто отвечает за распоряжения и последствия. В Харкорт-Хаусе авторитет Прайса держался не на громком голосе, а на внимании к мелочам. В состоятельном английском доме дворецкий был старшим среди мужской прислуги. Он принимал посетителей и визитные карточки, ведал винным погребом, столовым серебром и сервировкой, руководил лакеями и следил за запиранием дверей. Женской прислугой обычно распоряжалась экономка.

Поверх папки последовал едва заметный взгляд.

— Дом способен пережить несколько дополнительных вёдер горячей воды, мисс Харкорт. Значительно труднее бывает пережить распоряжение, которое меняет привычный порядок и при этом не объясняет людям, кто отвечает за последствия.

Спросить, как именно в Харкорт-Хаусе распределялись подобные расходы, я не успела: дверь открылась, и в комнату вошла леди Мэри. Прайс встретил её появление совершенно спокойно, и я заподозрила, что папка оказалась у меня не без её участия.

— Вижу, Прайс начал знакомить вас с обязанностями, которые обычно замечаешь лишь тогда, когда дом становится твоей заботой, — сказала она, подходя к столу.

Прайс подвинул папку в её сторону. Леди Мэри села рядом со мной и быстро просмотрела несколько строк, пока не дошла до суммы, включавшей уголь, работу прислуги и доставку.

— Теперь вы видите, почему хозяйка дома интересуется не только тем, чего ей хочется, но и тем, сколько человеческого труда стоит каждое удобство. По той же причине мать пяти дочерей сначала спрашивает о доходе мужчины и лишь потом получает роскошь поинтересоваться его характером. Один визит врача или неудачный сезон способен уничтожить сбережения, которую семья собирала месяцами.

На несколько мгновений она снова углубилась в счета.

— Причина понятна, — сказала я. — Но от этого сам расчёт не становится справедливее, особенно если от женщины ожидают, что её будущее будет зависеть от дохода человека, которого она ещё даже не выбрала.

Папка закрылась под ладонью леди Мэри.

— Семейные расчёты редко бывают справедливы. Поэтому полезнее знать их настоящую цену, чем делать вид, будто чувств достаточно, чтобы отменить арифметику.

— Тогда женщине тем более следует уметь считать самой, даже если окружающим приятнее замечать у неё хороший цвет лица.

Леди Мэри больше не возвращалась к расходам, но её последняя фраза ещё не раз вспоминалась мне в течение дня. С приближением ассамблеи всё труднее было воспринимать её как обычное светское мероприятие. Впервые мне предстояло провести целый вечер в большом обществе под именем Анны Харкорт и увидеть, насколько легко они примут эту версию меня. Нужно было помнить, когда лучше промолчать, как отвечать на вопросы и как быстро здесь успевают составить мнение о женщине, ещё прежде чем кто-нибудь заинтересуется тем, что она сама думает.

После обеда, когда до ассамблеи оставался ещё день, Бетси принесла голубое платье, поднесла его к свету и на складках шёлк стал серебряным. Во время примерки в зеркале появилась женщина, которой в обществе едва ли дали более двадцати семи лет. Отражение казалось таким естественным, что на секунду перестало спорить с тем, что я знала о собственной жизни.

И тогда совершенно некстати вспомнился Дарси. Ещё неделю назад он был для меня лицом на экране и именем на странице, человеком, на которого можно было смотреть, не рискуя встретить ответный взгляд. Завтра всё должно измениться. Я увижу его живым, и он впервые увидит меня. Казалось бы, привычка иметь дело с куда более серьёзными вещами должна избавить от волнения перед встречей с красивым незнакомцем, однако теория, как часто случалось, оказалась совершенно беспомощна перед голубым шёлком, зеркалом и самой мыслью о встрече с мужчиной, чью жизнь я знала задолго до знакомства.

Я всё ещё стояла перед зеркалом, когда дверь открылась и в комнату вошла леди Мэри. Она остановилась возле Бетси, оценила платье тем быстрым взглядом, которым обычно проверяла одновременно качество работы, уместность результата и вероятность будущих осложнений, а затем посмотрела на меня.

— Прежде чем завтра появиться на ассамблее, стоит выяснить, способны ли вы пройти контрданс, не объявив войну партнёру и ближайшим двум парам.

Бетси попыталась скрыть улыбку. Роль кавалера досталась ей: она встала напротив, присела в коротком реверансе и протянула руку. Леди Мэри уселась у камина, положила трость поперёк колен и принялась отбивать ею счёт по ковру.

Первые восемь шагов дались без труда. Сложнее пришлось на повороте, где нужно было довериться руке Бетси и позволить ей задать направление. Само это оказалось непривычным, даже противоестественным. Вместо того чтобы последовать за лёгким движением её ладони, я потянула в свою сторону, ещё немного и мы столкнулись бы плечами.

— Вы спорите даже ладонью, — заметила леди Мэри.

— Я всего лишь пытаюсь не наступить Бетси на ногу.

— Иногда для этого полезно допустить, что у Бетси тоже есть ноги и твёрдое намерение их сохранить.

Начать пришлось заново, и на этот раз я решила просто следовать за Бетси, не пытаясь заранее просчитать каждый следующий шаг. Однако взгляд по привычке всё равно забегал вперёд, стараясь охватить комнату целиком. Следующий переход уже складывался в голове, движение начиналось чуть раньше нужного мгновения, и после нескольких таких попыток Бетси мягко удержала мою руку.

— Не смотрите на всю комнату, мисс. Сейчас вам нужна только моя рука. Когда я отпущу, тогда и посмотрите на следующего партнера.

Совет был до смешного простым, но именно поэтому оказался полезным: запомнить шаги было легче, чем отказаться от привычки заранее ими распоряжаться. Когда мы начали снова, я постаралась оставить всё внимание на руке Бетси. Нажим чуть изменился, ладонь едва повернулась, и тело последовало за движением раньше, чем я успела проверить, правильно ли всё делаю. Руки разошлись, затем снова встретились в середине, и на этот раз фигура завершилась без прежнего желания самой задавать направление.

Трость у камина наконец умолкла.

— Вот видите. Четыре такта чужого руководства, и ваша независимость всё ещё при вас.

— Не делайте далеко идущих выводов по одному удачному повороту.

— В моём возрасте начинаешь ценить даже самые скромные признаки того, что совет был услышан.

На этот раз в реверансе Бетси не было спрятанной улыбки, только тихое удовольствие человека, чьему знанию наконец позволили оказаться полезным без лишних возражений.

Я ответила поклоном.

На этом леди Мэри сочла урок вполне успешным и позволила Бетси перейти к следующей части подготовки к завтрашнему вечеру.

Английский контрданс танцевали не изолированными парами, а длинными рядами, где мужчины и женщины стояли друг напротив друга. Участники по очереди выполняли фигуры, менялись местами и партнёрами, точно следуя музыке. Ошибка одного сбивала соседей, поэтому важны были не только выученные шаги, но и внимание к общему рисунку. Умение танцевать считалось необходимой частью светского воспитания.

Голубое платье снова вынесли к свету, поправили посадку лифа и ещё раз проверили длину юбки. К тому времени, когда примерка закончилась и Бетси помогла мне переодеться, шаги контрданса всё ещё крутились в голове, смешиваясь с десятком других правил, которые здесь приходилось усваивать одновременно. Леди Мэри ушла заниматься своими делами, и вечер начал складываться в привычную домашнюю последовательность, когда в Харкорт-Хаус прибыл посыльный с письмом от Сэмюэла Ривза.

Он писал о наследственных бумагах полковника Харкорта. Среди них обнаружилась опись листов с расчётами и схемами, но самих листов не оказалось. Ривз спрашивал, не хранятся ли они в Харкорт-Хаусе, и просил, если найдутся, сохранить их отдельно и никому не передавать.

Письмо пришлось перечитать дважды. Само существование ещё одной части бумаг Харкорта уже требовало объяснения.

— Возможно, Ривз опасается, что бумаги попадут в руки, которым не предназначены, например Крейну.

Под пальцами леди Мэри письмо медленно расправилось на столе.

— Возможно. Но этого он не написал. Скорее пытался выяснить, есть ли такие бумаги в Харкорт-Хаусе.

— Крейн пытался узнать, способна ли я подписывать документы. А сейчас нас просят беречь бумаги, о существовании которых мы даже не знали.

— Именно поэтому нам следует сначала выяснить, что это за бумаги, а потом решать, имеет ли Крейн к ним какое-либо отношение. Очень легко начать подозревать человека, если заранее ждёшь от него худшего.

Слова леди Мэри напомнили о том, чего я сама до сих пор ей не рассказала. Со вчерашнего вечера в запирающемся ящике моей комнаты лежала записка.

«Мисс Харкорт следует помнить*: имя принадлежит тому, кто способен доказать его».*

До сих пор я воспринимала эти слова как угрозу, предназначенную именно мне. Но теперь рядом с ними возникли неизвестные бумаги Харкорта, расчёты и схемы, и прежняя уверенность начала исчезать. Возможно, записка относилась не только ко мне и моему имени.

Я ещё некоторое время смотрела на письмо Ривза, потом решилась.

— Мне нужно кое-что вам показать.

Оставив леди Мэри внизу, я поднялась в спальню, достала записку из ящика и вскоре положила её перед ней.

Леди Мэри прочитала один раз, затем ещё раз, медленнее.

— Когда именно вы её получили?

— После возвращения из Меритона.

— Следовательно, человек мог приблизиться к вам или к вашим вещам вчера, а вы позволили провести ночь, не предупредив ни меня, ни Прайса, ни слуг, среди которых он мог снова появиться.

— Я хотела сначала понять, с чем имею дело.

— Нет, Анна. Вы решили сначала разобраться во всём сами. Между тем этот человек мог вернуться в дом или обратиться к кому-нибудь из слуг. Мне не нужно было знать, зачем он это сделал. Мне следовало знать, что он вообще здесь был.

Я собиралась напомнить, что несколько строк без подписи ещё не обязательно означали угрозу, но собственный довод вдруг прозвучал настолько слабо, что произносить его не имело смысла.

Леди Мэри немедленно вызвала дворецкого. Она показала ему письмо Ривза и мою записку, коротко рассказала о человеке со шрамом и попросила выяснить, кто мог приблизиться к моей накидке. Дальше Прайс действовал сам. После наступления темноты двери должны были оставаться запертыми, имена посыльных записывали, а тех, кто находился в

передней после нашего возвращения, Прайс собирался расспросить по одному, спокойно и без лишнего шума. Он велел проверить боковой вход, узнать, кто в течение дня открывал двери, и сразу сообщать ему, если какой-нибудь незнакомец снова станет расспрашивать обо мне или моих вещах.

Начал Прайс с моей спальни. Он осмотрел замок и оконную защёлку, проверил камин, пространство под кроватью и пол возле двери, а затем расспросил Бетси, кто входил сюда после нашего возвращения и оставалась ли комната без присмотра. Говорил он спокойно, задавая один вопрос за другим и каждый раз возвращая разговор к тому, что Бетси действительно видела, если она начинала предполагать. Ночной горшок тоже стойко перенёс осмотр, сохранив то же голубое достоинство, с каким пережил моё первое утро.

Закончив осмотр, Прайс сам отправился в Меритон, чтобы расспросить людей, видевших мужчину со шрамом, и проверить всё, что ещё можно было установить по его вчерашнему появлению.

После этого леди Мэри велела пригласить стряпчего мистера Филлипса без супруги, что в Меритоне было равнозначно объявлению чрезвычайного положения.

Пока ждали стряпчего, леди Мэри объяснила, насколько непрочным оставалось моё положение с юридической точки зрения. Пока права на наследство не были окончательно подтверждены, значительная часть капитала находилась под управлением Крейна, и при возникновении сомнений он мог задержать выплаты или потребовать дополнительных подтверждений. После недавней горячки достаточно было неблагоприятного заключения врача, чтобы поставить под вопрос мою способность самостоятельно распоряжаться делами, а если к этому добавятся противоречия в документах и поведении, дело вполне могло закончиться назначением попечителя.

Чем дольше она говорила, тем отчётливее становилась неприятная вещь: мало было назвать себя Анной Харкорт и иметь бумаги, подтверждавшие это имя. Здесь оно держалось на приходских записях, подписях, письмах и, главное, на памяти людей, которые могли подтвердить рассказ о моей жизни или одним словом поставить его под сомнение. Даже деньги, считавшиеся моими, ещё не означали, что я могу свободно ими распоряжаться.

— Получается, женщине в моём положении проще всего было бы найти человека, чьё имя никто не станет оспаривать вместе с её собственным.

Леди Мэри посмотрела на меня внимательнее.

— Если вы имеете в виду мужа, то общество действительно сочло бы ваше положение значительно более определённым. Но я бы не называла это простой защитой.

— Потому что вместо поверенного и возможного попечителя появляется мужчина, который получает законное право принимать решения уже как супруг.

— Именно. Брак способен сделать женщину менее уязвимой перед одними людьми, одновременно отдавая гораздо больше власти другому. Закон весьма охотно предлагает одну зависимость в качестве лекарства от другой.

Безопасность большого английского дома зависела прежде всего от людей. В распоряжении прислуги были замки, засовы, ключи, свечи и ночное дежурство; привычного электрического освещения и сигнализации не существовало. Дворецкий следил за посетителями и запиранием входов, а слуги знали распорядок комнат. Надёжность такой системы определяли дисциплина, наблюдательность и доверие внутри дома.

Пальцы леди Мэри невольно коснулись кольца и медленно повернули его. Впервые в этом движении увиделась не просто привычка вдовы, а память о том порядке вещей, который ей самой когда-то пришлось узнать на собственном опыте.

Здесь брак означал гораздо больше, чем личный выбор: от него зависело, какими деньгами женщина сможет распоряжаться сама, какое место займёт среди окружающих и как часто решения за неё будут принимать другие. Разговоры о доходе будущего мужа, ещё недавно казавшиеся карикатурой на эпоху, понемногу переставали быть смешными. За привычными расспросами о состоянии теперь виделось другое: от этих цифр нередко зависело, какой окажется вся дальнейшая жизнь женщины.

Завтрашняя ассамблея также начинала казаться совсем не такой пустой формальностью, как ещё несколько дней назад. После первого появления в Меритоне моё отсутствие на ассамблее немедленно дало бы повод для разговоров о болезни, безумии или семейном скандале. Если же я войду в зал рядом с леди Мэри, буду разговаривать, танцевать и отвечать на самые обычные вопросы, окружающие увидят её племянницу, которую никто не считает нужным ни прятать, ни опекать больше положенного.

Вскоре из Меритона вернулся Прайс. В перчаточной лавке подтвердили, что мужчина в коричневом пальто действительно заходил туда: выбрал самые дешёвые перчатки, оставил новую гинею и даже не стал ждать сдачи. Письмо Ривза тоже не стало понятнее. Действительно

ли оно вышло из конторы Ривза, никто подтвердить не мог. Знакомого имени на конверте было уже слишком мало, чтобы ему доверять.

После наступления темноты в Харкорт-Хаус приехал местный поверенный мистер Филлипс.

Для небольшого города его работа не ограничивалась составлением бумаг. К нему обращались с договорами и долговыми расписками, завещаниями и земельными делами; через него же нередко шла переписка с поверенными из других городов, когда требовалось что-то подтвердить или выяснить на месте. Поэтому само по себе письмо Крейна, адресованное Филлипсу, не выглядело необычным. Крейну было проще обратиться к человеку, хорошо знавшему Меритон и его жителей, чем самому искать тех, кто мог подтвердить состояние наследницы в Хартфордшире.

В Англии провинциальные стряпчие занимались завещаниями, долговыми обязательствами, земельными сделками и наследственными бумагами. Личность наследника и подлинность подписей имели существенное значение. Если возникали серьёзные сомнения в способности человека управлять имуществом, вопрос мог перейти к судебной процедуре; одних соседских слухов для лишения прав было недостаточно. Поэтому осторожность Филлипса — не уклончивость, а профессиональная обязанность.

По сравнению с супругой держался он неожиданно сдержанно: говорил осторожно, с выводами не торопился, а в самом запросе Крейна, прочитав его от начала до конца, поначалу ничего настораживающего не нашёл.

— В просьбе подтвердить, что вы сейчас находитесь в Харкорт-Хаусе, я ничего необычного не вижу. Если мистер Крейн действительно занимается наследством, ему необходимо знать, где находится наследница и можно ли с ней вести дальнейшие дела.

Палец остановился на следующей строке.

— А вот здесь любопытнее. Он просит подтвердить не только ваше пребывание в доме, но и то, способны ли вы понимать вопросы, узнавать документы и подписывать бумаги.

— Он имеет право это спрашивать?

— Спросить может. Другое дело, обязан ли кто-нибудь ему отвечать. При оформлении наследства естественно удостовериться в личности и проверить бумаги. Но здесь мистер Крейн интересуется не только этим. Его отдельно занимает, понимаете ли вы содержание документов и можете ли сами распоряжаться тем, что вам достанется.

Филлипс снова посмотрел на письмо, будто хотел убедиться, что не придаёт нескольким строкам лишнего значения.

— На эту часть я отвечать не стал. Соседи могут подтвердить, что видели вас, разговаривали с вами, знают, где вы живёте. Но судить по их словам о том, насколько вы способны понимать документы и сами вести свои дела, было бы совсем другим делом. Если мистера Крейна действительно беспокоит состояние вашего рассудка, одних расспросов в Меритоне для этого мало.

После короткой паузы в голосе появилась лёгкая насмешка.

— Впрочем, моя жена успела рассказать о вашем появлении едва ли не половине Меритона. Если мистер Крейн решит собирать сведения среди соседей, недостатка в желающих помочь ему не будет. Содержание наших семейных счетов, вероятно, остается единственной тайной лишь потому, что книги я прячу лучше писем.

— Значит, сам запрос всё-таки может быть обычной частью оформления наследства?

— Вполне. Если оставить в стороне всё, что вам известно о мистере Крейне, само письмо не выглядит особенно необычным. Я бы не стал видеть дурное намерение в каждом подобном вопросе только потому, что человек, который его задаёт, вам не нравится.

Филлипс ещё раз взглянул на дату и только тогда повернулся к леди Мэри.

— Но, насколько я понял из вашего рассказа, это не первый случай, когда мистер Крейн интересуется памятью мисс Харкорт.

— Не первый. Предыдущее письмо пришло ещё до её появления в моём доме.

На этот раз Филлипс не сразу вернулся к лежавшим перед ним бумагам.

— Тогда нужно внимательнее посмотреть на даты. Нынешний запрос ещё можно объяснить тем, что мисс Харкорт действительно перенесла тяжёлую болезнь и несколько дней находилась без сознания. Но что Крейн знал, когда отправлял первое письмо? Если он спрашивал о её памяти, ещё не получив известий о горячке, хотелось бы понять, что побудило его задать именно этот вопрос.

— Этого мы не знаем.

— И потому обвинять его я бы не стал. Но этот вопрос не выпускал бы из виду. То, что мистер Крейн занимался частью дел полковника Харкорта, ещё не означает, что ему было известно всё содержимое его бумаг. Тем более частные распоряжения, которые полковник не собирался ему показывать.

Следом на стол легло второе письмо.

— Тогда посмотрите и это. Оно пришло сегодня от Сэмюэла Ривза, прежнего поверенного полковника.

При имени Ривза настороженность Филлипса заметно ослабла. К бумаге он отнёсся спокойнее, хотя всё же прочёл её целиком, проверил адрес, дату и подпись и лишь потом перевернул лист.

— Ривза здесь знают давно, и потому его имя само по себе вызывает меньше вопросов, чем имя Крейна. Но давнее знакомство с человеком ещё не доказывает, что именно он написал это письмо. Курьер получил его по дороге сюда, а откуда письмо попало к нему, мы не знаем. Я

бы сначала попытался проследить его путь и только потом решал, насколько можно полагаться на подпись.

— Значит, пока относиться к нему так же осторожно, как ко всему остальному?

— Осторожно — да. Подозрительно — не обязательно. Это разные вещи, и в вашем положении лучше не путать одно с другим.

Когда мистер Филлипс уехал, оба письма отправились в старый железный ящик семейства Харкорт, где хранились самые важные семейные бумаги. Заодно к завтрашней ассамблее прибавилось несколько наставлений от леди Мэри: не оставаться наедине с незнакомцами, не принимать писем из чужих рук, не соглашаться на тайные встречи и ни при каких обстоятельствах не обсуждать наследство во время танца. Последнее лишало меня лишь небольшой части предполагаемых развлечений, но леди Мэри почему-то не сочла замечание особенно остроумным.

Оставшись вдвоём, мы вернулись к записке, и мне пришлось пообещать, что впредь я не стану скрывать ничего, что может представлять опасность для поместья или его обитателей. Выслушав меня, леди Мэри заметила, что даже такая формулировка по-прежнему оставляет за мной право самой решать, что считать опасным.

— Полностью отказаться от собственного суждения я всё равно не смогу. Но могу сначала рассказывать о том, что произошло, а потом решать, что всё это значит.

Леди Мэри несколько мгновений молчала, опираясь обеими руками на трость.

— Этого я и хочу. Прайс знает, кто входит в этот дом, Филлипс разбирается в бумагах и законах, а на мне остаются люди под этой крышей. Если вы будете приходить к нам лишь тогда, когда всё решили для себя, мы узнаем о случившемся слишком поздно, чтобы каждый успел сделать своё.

После этого завтрашняя ассамблея окончательно перестала казаться просто первой встречей с героями знакомой книги. Впервые сразу половина местного общества увидит меня рядом с леди Мэри. Со мной будут говорить, танцевать, задавать обычные вопросы, а потом разъедутся по домам со своим мнением об Анне Харкорт. И от того, каким окажется это мнение, могло зависеть гораздо больше, чем мне хотелось признавать.

К ночи меры предосторожности стали вполне ощутимыми. Дверь спальни пришлось запереть изнутри, а в коридоре по распоряжению Прайса остался один из конюших, которому доверили ночное дежурство. Для него вынесли старое кресло и оставили свечу. На столике возле кровати остались только часы; письмо Ривза и записка лежали в железном ящике внизу.

Время от времени из коридора доносился скрип кресла: конюший менял положение, устраиваясь поудобнее.

Глава 4. Свет, который не скрывает

В день ассамблеи Харкорт-Хаус проснулся раньше меня: сначала по коридору пронеслись быстрые шаги, затем за стеной опустилось на пол ведро, внизу хлопнула дверца печи, и вскоре по дому тянуло угольным дымом, горячим металлом и подгоревшим крахмалом. Из соседней комнаты доносился спор Бетси с младшей горничной о температуре утюга; та защищалась с уверенностью человека, успевшего обжечь два пальца и потому считавшего себя знатоком.

В день первого бала Анны Харкорт-Хаус проснулся ещё затемно. Горничные гладили бельё, готовили платье, проверяли швы, спорили о температуре утюга. Анна с удивлением наблюдала, сколько людей занято её единственным выходом в свет. В прежней жизни хватило бы нескольких часов и вызова такси. Здесь за красотой вечера стоял труд целого дома.

В прежней жизни сборы к вечеру могли занять несколько часов и спокойно умещались между записью к парикмахеру и вызовом такси. Здесь за одним появлением в обществе стояла работа портнихи, кухарки, горничных, лакея и кучера. На кровати одна за другой появлялись нижние юбки, Бетси то и дело проверяла швы, и за всей этой суетой заметным становилось то, о чём я никогда не задумывалась: безупречный вид одной женщины создавался руками нескольких других, которым о собственном внешнем виде думать было просто некогда.

После записки, найденной в накидке, и рассказа о незнакомце со шрамом к привычным хлопотам перед ассамблеей прибавились меры, о которых в другое время никто бы и не подумал. Экипаж перед выездом осмотрели особенно тщательно, за обоими входами велели следить внимательнее, а конюшему предстояло всю дорогу простоять на запятках.

Оставался ещё один вопрос, куда менее заметный на фоне всех этих приготовлений: куда деть часы на время ассамблеи.

— Возьму с собой. После записки и человека у боковой двери оставить их даже в запертой комнате кажется мне опасным.

Пальцы коснулись цепочки под одеждой. В дневных нарядах часы были незаметны, но лёгкий голубой шёлк оставлял гораздо меньше места для подобных тайников, особенно если впереди был целый вечер танцев.

Леди Мэри заметила мой жест и посмотрела на разложенный на кровати наряд.

— В таком случае мало решить, что часы останутся при вас. Нужно ещё устроить так, чтобы после первой же фигуры контрданса они не оказались на полу.

Бетси рассматривала лиф, осторожно раздвигая складки и прикидывая, где можно устроить тайник, не нарушив посадки ткани.

— В рукаве будет видно, мисс, а если опустить ниже, при ходьбе они начнут биться о ногу. Лучше спрятать их здесь, с внутренней стороны. Небольшой карман можно сделать глубже, а цепочку закрепить выше, тогда всё останется на месте и при ходьбе, и во время контрданса.

— Делайте. И не жалейте ниток. Я предпочту лишний стежок объяснениям о том, каким образом фамильные часы оказались под ногами у половины Меритона.

Бетси придвинулась к свету и занялась шитьём. Вскоре между складками с внутренней стороны лифа появился небольшой тайник, снаружи совершенно незаметный. Когда всё было готово, она закрепила цепочку и попросила меня пройтись по комнате, повернуться, ускорить шаг, а напоследок наклониться, словно проверяла платье не здесь, а посреди ассамблеи.

Мода начала XIX века на лёгкие платья с завышенной талией заметно изменила женские карманы. Объёмные съёмные карманы, прежде скрывавшиеся под широкими юбками, стали менее удобными, и дамы чаще пользовались небольшими сумочками — ридикюлями.

Однако потайные карманы не исчезли. Их продолжали изготавливать для личных вещей, а небольшой тайник в подкладке платья вполне соответствовал возможностям искусной швеи.

Пока до окончательных сборов оставалось немного времени, нам принесли чай с хлебом. Перед вечером это оказалось кстати: впереди ждали несколько часов, в течение которых о еде, скорее всего, придётся вспоминать лишь между танцами и разговорами.

Когда поднос унесли, пришло время одеваться по-настоящему. Бетси помогла мне надеть платье и расправила складки юбки. Голубой шёлк в меркнущем свете из окна становился серебристым, а высокая линия талии, узкий лиф и мягкие складки выглядели настолько естественно, что трудно было вспомнить, сколько переделок понадобилось, прежде чем платье наконец село как надо.

Оставалось затянуть шнуровку, и тут всё пошло не так гладко. Стоило ей лечь плотнее, как плечи сами расправились в попытке вернуть привычную свободу дыхания. Бетси сразу ослабила её настолько, чтобы я могла свободно вдохнуть, и, убедившись, что внутренний карман с часами не проступает под голубым шёлком, отошла чуть в сторону. У зеркала она задержалась на несколько мгновений, глядя не столько на платье, сколько на то, как оно смотрелось на мне. Она осторожно коснулась моих плеч, чуть смягчила их линию, затем опустила мои руки ниже и сложила их свободнее перед собой. До тех пор я не возражала, но, когда очередь дошла до подбородка, наши взгляды встретились в зеркале.

— Только не заставляйте меня всё время смотреть в пол. К этому я точно не привыкну.

Бетси улыбнулась и тут же позволила мне поднять подбородок немного выше.

— Нет, мисс. Смотреть в пол вам вовсе не нужно. Просто молодой леди принято стоять чуть спокойнее. Не так, словно она собирается первой начать разговор и непременно выиграть его.

От кровати до окна я прошла ещё раз, стараясь не сутулиться и не изображать робость, а лишь немного смягчить привычную прямоту. Плечи оставались расправленными, но руки лежали спокойнее, подбородок больше не был вызывающе поднят, а взгляд не встречал каждого человека так, словно от него уже требовался ответ.

Однако в зеркале сразу обнаружилась другая крайность: каждое движение стало слишком осторожным, будто за положением плеч, рук и головы приходилось следить отдельно. После нескольких попыток стало ясно, что превращать обычную походку в тщательно выученную позу нет никакого смысла. Бетси оставила лишь несколько мелких поправок, которые делали мою манеру держаться мягче, но не заставляли каждую секунду помнить о собственных руках и плечах.

Когда я снова прошла по комнате, уже не контролируя каждый шаг, Бетси наконец осталась довольна. Голубой шёлк двигался свободно, часы не выдавали себя под складками, а отражение в зеркале выглядело не переодетой женщиной из другого времени, а молодой леди, которой предстояло провести свой первый вечер среди незнакомого общества.

Бетси поправила край рукава и усадила меня перед зеркалом. На туалетном столике ждали шпильки, ленты и щётка; следующие полчаса обещали быть гораздо спокойнее, чем наше упражнение с осанкой, и разговор постепенно потерял ту осторожность, которая обычно появлялась между хозяйкой и служанкой, когда речь заходила о чём-то личном.

Пока Бетси разделяла волосы на пряди и закрепляла их выше затылка, мы заговорили о предстоящей ассамблее, затем о знакомых ей девушках из соседних домов, а от них незаметно перешли к бракам, которые здесь обсуждали не менее обстоятельно, чем погоду или урожай. Я ожидала услышать привычные рассуждения о выгодной партии, хорошем имени или достойном состоянии, но Бетси смотрела на вещи проще. Удачным она считала такой брак, после которого женщине не приходилось каждый месяц бояться, что болезнь, чужое решение или потеря места оставят её без крыши над головой. Собственная кухня, возможность самой

распоряжаться хотя бы частью дня и уверенность в завтрашнем утре значили для неё больше блестящего положения.

На этих словах шпилька на мгновение задержалась возле моего виска, и я посмотрела на её отражение.

— Вы часто об этом думаете?

Бетси не отвела глаз, хотя ответила не сразу. Жизнь в чужом доме, объяснила она, поневоле заставляет помнить, что право оставаться в нём существует лишь до тех пор, пока ты можешь работать и остаёшься нужна. Ей хотелось бы выйти за доброго человека, рядом с которым не пришлось бы каждый день угадывать настроение и бояться завтрашнего утра. Любовь она назвала счастьем, но хорошее отношение - удачей, на которую не каждая женщина могла рассчитывать.

Сказав это, Бетси снова занялась волосами, словно разговор касался чего-то настолько обычного, что не требовал ни жалости, ни особой серьёзности. Я вспомнила ключи от собственной квартиры, их привычную тяжесть в сумке. Закрытую за собой дверь и вечер, которым можно распоряжаться самой.

Последней появилась тонкая жемчужная нить с небольшим сапфиром, принадлежавшим матери леди Мэри. Старая огранка удерживала свет внутри и отдавала его медленно. В этом камне было больше убедительности, чем в половине моих документов: племянница не просто принята в доме — ей доверили украшение из семейной памяти.

Когда всё было готово, я снова подошла к зеркалу и задержалась перед ним дольше. До этого взгляд цеплялся за отдельные детали: ткань, швы, внутренний карман для часов, ленты и застёжки. Сейчас впервые можно было увидеть, как всё это смотрится вместе.

Бледно-голубой шёлк мягко двигался при каждом шаге и серебрился там, где на него падал свет. Жемчуг лежал у основания шеи спокойно и неброско, не споря с платьем, а лишь подчёркивая его холодный оттенок. Волосы были подняты выше, чем я привыкла носить, оставляя открытыми шею и линию плеч, и ни одна прядь не выбивалась из аккуратной причёски. Небольшой сапфир, принадлежавший семье леди Мэри, оказался единственным ярким пятном и добавлял наряду ровно столько цвета, чтобы не нарушить его сдержанности.

Передо мной была молодая женщина, которую нетрудно было представить входящей в зал, где её имя успели услышать раньше, чем она произнесёт первое слово. В её облике не было ничего вызывающего, слишком богатого или нарочито эффектного, и, пожалуй, именно поэтому всё выглядело так естественно: хороший шёлк, старое украшение, аккуратно уложенные волосы, спокойная манера держаться. Вместе всё это создавало впечатление, что я здесь не случайно и нет необходимости заранее объяснять своё присутствие.

Дверь открылась, и в комнату вошла леди Мэри в тёмно-синем платье. На груди у неё была брошь с портретом ее покойного мужа сэра Джорджа, которому художник, по словам вдовы, придал благородство, проявлявшееся при жизни далеко не ежедневно. Она остановилась возле меня, неторопливо осмотрела платье, задержалась взглядом на причёске и, убедившись, что цепочка часов нигде не выдаёт себя, наконец позволила себе короткую удовлетворённую улыбку.

— Бетси справилась прекрасно. Платье вам к лицу, и незамеченной вы сегодня едва ли останетесь.

— Даже если очень постараюсь?

— Боюсь, для этого уже поздно. Вы новы для округа, о вас успели услышать достаточно, чтобы захотеть увидеть собственными глазами. К тому же вы сами смотрите на людей так внимательно, что им трудно не заметить вас в ответ.

Пришлось пообещать, что впредь буду смотреть на людей менее пристально. Хотя про себя я всё же не могла отделаться от мысли, что привычка составлять мнение о человеке за

первые несколько минут слишком напоминает собеседование, только здесь никто заранее не присылал резюме.

Леди Мэри поправила край рукава, добиваясь, чтобы складка легла ровнее.

— И не торопитесь с выводами. Перед нашим первым танцем сэр Джордж говорил только о лошадях, и я едва не решила, что больше ему сказать нечего. Позже выяснилось, что он просто боялся показаться глупым перед женщиной, которая ему нравилась.

На мгновение её рука задержалась у броши.

— Впрочем, о лошадях он действительно мог говорить мучительно долго.

Всё действительно было готово и оставалось только выйти из комнаты и посмотреть, каким окажется первое впечатление обо мне.

Внизу экипаж стоял у самых ступеней, на запятках устроился конюший, а перед открытой дверцей лакей ещё раз окинул взглядом дорогу и двор.

Для холодного вечера бледно-голубой шёлк сразу показался слишком лёгким, и до кареты пришлось поспешить, придерживая накидку у горла. Ноябрьская темнота быстро сомкнулась вокруг дороги; два фонаря лишь ненадолго выхватывали из неё мокрые изгороди, белые придорожные камни и голые ветви, возникавшие совсем близко от окна.

После урока с Бетси фигуры контрданса уже не казались совершенно непостижимыми. Но одно дело несколько раз пройти их перед камином под стук трости леди Мэри, и совсем другое оказаться среди десятков людей, рядом с незнакомым партнёром, под музыку, которая не станет ждать, пока вспомнится нужный поворот.

Мои попытки снова считать движения про себя, конечно, не остались незамеченными.

— Не превращайте первый танец в испытание. Ошибка в фигуре куда менее заметна, чем попытка остановиться посреди зала и исправить её с видом человека, пережившего государственную катастрофу.

Помолчав, леди Мэри добавила спокойнее:

— Если вас это утешит, мой первый контрданс с сэром Джорджем был далёк от совершенства. Он всё время подходил слишком близко на поворотах и был совершенно уверен, что производит нужное впечатление.

За окном медленно проплывали мокрые деревья, а в её голосе постепенно появилось то особое тепло, с которым вспоминают не сам танец, а человека, давно ставшего частью собственной жизни.

— Позже я поняла, что он просто путал самоуверенность с ухаживанием.

— Вы действительно его любили? — спросила я.

Некоторое время на стекле дрожал свет фонаря.

— Достаточно сильно, чтобы не делать его безупречным после смерти. Тщеславия в нём хватало, леность проявлялась во всём, что не интересовало его лично, а возражения он переносил плохо. Но имена арендаторов помнил, после плохого урожая ренту не повышал и однажды продал любимых лошадей, чтобы починить крыши трёх коттеджей. Правда, до этого они протекали три зимы.

В голосе леди Мэри слышались одновременно и благодарность, и давний счёт за неудобства. Пока она говорила**,** за окном стали появляться первые огни Меритона, и воспоминание о сэре Джордже постепенно уступило место тому вечеру, который ждал нас.

Впереди показался зал собраний. Днём это было обычное кирпичное здание, но сейчас за высокими окнами горели свечи, у входа теснились экипажи, а кучера и лакеи то и дело освобождали место для вновь прибывающих. В свете фонарей, среди блеска мокрой мостовой и движения у крыльца, здание казалось куда наряднее и значительнее, чем можно было ожидать.

В передней царила организованная теснота. Слуги принимали плащи, дамы поправляли причёски, кто-то искал перчатку, а кто-то жаловался на духоту. Свечи пахли воском, плащи - влажной шерстью, а холод с улицы входил вместе с каждым новым гостем. Светская жизнь

эпохи Регентства оказалась куда менее воздушной, чем выглядела на экране: больше дыма, мокрой ткани и чужих локтей.

Неподалёку совсем молодой лакей держал подсвечник, пока пожилая дама искала вторую перчатку. Горячий воск стекал по металлу и уже добрался до его пальцев, но сменить руку он не мог: пламя должно было оставаться на нужной высоте, а всё происходящее выглядеть для дамы совершенно естественно. Лишь когда она ушла, другой слуга на мгновение прикрыл свечу ладонью, позволяя мальчику стереть воск с пальцев о внутреннюю сторону рукава.

Публичные ассамблеи эпохи Регентства собирали семьи местного дворянства и состоятельных горожан. Приезжавшие оставляли верхнюю одежду, переобувались при необходимости и проходили в освещённые свечами залы. Слуги следили за огнём, принимали плащи и обслуживали гостей. Даже при дорогих свечах и многочисленных канделябрах помещение оставалось душным, а великолепие светского вечера требовало непрерывной работы прислуги.

Когда с меня сняли шаль, пальцы сами нашли скрытый карман. Часы были на месте, холодный край корпуса ощущался через шёлк. Я отпустила ткань и немного успокоилась.

Перед входом в зал прибывших сверяли с длинным списком. На карточке леди Мэри чернила успели расплыться от сырости, и моя фамилия прозвучала как «Харвуд». Я собиралась поправить распорядителя, но вместо этого мне протянули перо.

— Если мисс сама впишет имя, недоразумения не повторятся.

На странице оставалась узкая свободная строка. Перед глазами тянулись десятки чужих фамилий — привычных, признанных, связанных с домами, родством и памятью соседей. Моё настоящее имя здесь не значило ничего. А у Анны Харкорт уже были прошлое, наследство и леди Мэри рядом, готовая назвать меня своей племянницей.

Первые буквы легли привычным почерком, тем самым, которым много лет подписывались договоры и поздравительные открытки, но к середине строки рука невольно замедлилась. До этой минуты Анна Харкорт жила в чужих письмах и документах. Теперь к ним прибавлялась строка, написанная моей рукой.

За спиной ждали следующие гости и кто-то нетерпеливо переступал у двери.

Я закончила строку и отложила перо.

— Благодарю, мисс Харкорт.

.

В некоторых английских ассамблеях для допуска требовались билеты, рекомендации или запись имени посетителя. Например, правила батских собраний предусматривали регистрацию приезжих у церемониймейстера. Подобные меры помогали соблюдать установленный круг знакомств и порядок представлений. Для новой жительницы провинциального общества признание имени было особенно важно: репутация здесь складывалась из семейных связей, поручительства и публичного знакомства.

Подпись присыпали песком, стряхнули излишек и ногтем провели ниже, отделяя моё имя от следующего. Никакой торжественности этому мгновению не полагалось. Публичная ложь заняла ровно одну строчку и сразу растворилась в порядке вечера.

Взгляд леди Мэри задержался сначала на подписи, потом на мне. Через мгновение она направилась к двери, а я осталась ещё на секунду возле списка, глядя, как темнеют чернила.

За дверью открылся длинный зал, полный золотистого света и теней. На возвышении ещё готовились музыканты, вдоль стен расположились старшие дамы, возле матерей и сопровождающих держались молодые девушки. Первые представления быстро смешались в памяти с

поклонами и фамилиями. Отвечать приходилось осторожно и всё время напоминать себе, что знакомое имя ещё ничего не говорит о человеке, который его носит.

Перед Анной открылся огромный зал, наполненный золотистым светом люстр, музыкой и шелестом шёлковых платьев. Она чувствовала себя частью тщательно поставленной сцены, где ещё не знала собственной роли. В голубом платье, с фамильным сапфиром на груди и часами, скрытыми под тканью, Анна вступала в общество Меритона. Здесь ей предстояло увидеть людей, судьбы которых прежде принадлежали страницам любимого романа.

Навстречу появилась миссис Филлипс с обычной для неё шумной радостью и веером, который вскоре указывал в сторону семейства Беннетов. Возле матери стояла Джейн, чуть поодаль Элизабет. Она заметила меня сразу и, кажется, тоже вспомнила нашу встречу на дороге. На лице появилась лёгкая улыбка, а во взгляде осталось любопытство, ещё не успевшее превратиться ни в расположение, ни в недоверие.

Я слегка поклонилась, и в этот момент миссис Филлипс повернула веер в другую сторону.

— А вот и наши гости из Незерфилда, — объявила она тем тоном, каким обычно сообщают новость, известную всему округу. — Мистер Бингли, его сестра мисс Бингли и мистер Дарси.

Имена, столько раз звучавшие на страницах, вдруг перестали быть отвлечёнными. Первым моё внимание привлёк Бингли, разговаривавший с пожилым джентльменом возле карточных столов. Даже без представления его нетрудно было выделить среди остальных. Он явно чувствовал себя в обществе свободно и получал от происходящего удовольствие. Собеседника слушал внимательно, смеялся охотно, отвечал без той осторожной паузы, с которой многие здесь сначала словно проверяли, уместно ли говорить дальше, и время от времени оборачи-

вался к залу, не желая пропустить ничего интересного. Но всякий раз его внимание снова возвращалось в одну сторону.

В «Гордости и предубеждении» Джейн Остин годовой доход Бингли оценивается в четыре-пять тысяч фунтов — весьма значительное состояние для 1811 года. Его семейные деньги происходили из торговли, а Незерфилд он лишь арендовал, собираясь впоследствии приобрести собственное имение. Для молодого холостяка подобное богатство открывало двери лучших гостиных и делало его исключительно привлекательной партией для незамужних дочерей местных семейств.

Там стояла Джейн Беннет.

Бингли старался продолжать разговор, но делал это уже с заметным усилием. Когда пожилой джентльмен наконец поклонился и отошёл, Бингли почти сразу повернулся к Джейн, и лицо его изменилось настолько открыто, что никаких сведений о будущем этих двоих мне не требовалось. В этом движении ещё не было ничего, что можно было бы назвать чувством, зато было неподдельное удовольствие человека, внезапно обнаружившего, что в переполненном зале находится кто-то, к кому ему особенно хочется подойти.

Чуть позади Бингли стояла молодая женщина с веером. Миссис Филлипс указала на неё как на его сестру, мисс Кэролайн Бингли. Если брат охотно обращался к каждому, кто оказывался рядом, Кэролайн была куда сдержаннее и словно сама выбирала, кому стоит уделить внимание. Одета она была безупречно, но без желания заставить весь зал любоваться платьем: дорогая ткань, тонкая отделка, украшения, подобранные с той лёгкостью, которая появляется, когда к хорошим вещам давно привыкли.

Сначала её внимание было занято Джейн и братом, затем она неторопливо осмотрела зал и наконец заметила меня. Ее взгляд сразу остановился на сапфире.

Всего на секунду. Потом она посмотрела на моё лицо, платье, на стоявшую рядом леди Мэри. Ничего откровенно любопытного в этом не было, но чувствовалось, что Кэролайн привыкла замечать подобные мелочи и редко делает это без причины.

Кэролайн Бингли привыкла производить впечатление без лишних усилий. Дорогое платье, изысканные украшения, безупречная причёска и спокойный, оценивающий взгляд выдавали женщину, уверенную в своём положении. Она умела быть любезной, но тщательно выбирала, кому уделять внимание. Заметив Анну, Кэролайн прежде всего рассмотрела её сапфир, затем платье и сопровождавшую её леди Мэри. Каждая деталь помогала понять, какое место незнакомка занимает в обществе.

Чуть в стороне стоял третий из гостей Незерфилда. Миссис Филлипс назвала и его, хотя в этом я едва ли нуждалась. Дарси.

До этого мгновения за знакомым именем тянулись сцены, разговоры, поступки, которые я знала задолго до встречи. Теперь всё это неожиданно отступило перед куда более простым ощущением. Он был здесь, всего в нескольких шагах.

Дарси был выше большинства мужчин в зале, но заметным его делал не только рост. В нём чувствовалась спокойная сдержанность человека, привыкшего занимать своё место и не искать подтверждения этому в окружающих. Тёмный костюм сидел безукоризненно и не обращал на себя внимания. Разговаривая, он слушал собеседника, отвечал спокойно и не оглядывался по сторонам, словно следующего знакомства ещё не существовало, пока не закончено нынешнее.

Рядом с Бингли сдержанность Дарси становилась ещё заметнее, но сейчас это не казалось мне таким простым, как раньше. Ожидаемого чувства узнавания не возникло; вместо него пришла лёгкая неловкость. Мужчина, стоявший в нескольких шагах, никак не хотел совпадать с тем образом, который давно сложился у меня в голове. По одному выражению лица невоз-

можно было понять, что удерживает его в стороне: гордость, скука, осторожность или просто нежелание изображать удовольствие, которого он не испытывал.

Знание его истории неожиданно ничем не помогало. Напротив, чем больше я знала заранее, тем труднее было смотреть на него как на человека, которого вижу впервые.

Дарси принадлежал к состоятельному землевладельческому дворянству Англии. Его десять тысяч фунтов годового дохода означали не только роскошную жизнь, но и управление обширными землями, содержание поместья, прислуги и ответственность перед арендаторами. Хотя Дарси не носил наследственного титула пэра, богатство, происхождение и родственные связи обеспечивали ему высокое положение. Именно поэтому его появление на провинциальной ассамблее неизбежно привлекало всеобщее внимание.

В этот момент Кэролайн снова посмотрела в мою сторону. Веер едва заметно повернулся вместе с её рукой, и Дарси тоже взглянул туда, куда было направлено её внимание.

Несколько мгновений он смотрел прямо на меня.

В этом взгляде не было ни улыбки, ни явного любопытства. Он смотрел на незнакомую женщину, которую ему ещё не представили, и от этой простой мысли я смутилась сильнее, чем ожидала. Я знала столько подробностей его жизни, а для него оставалась одной из гостей.

Его взгляд скользнул к моей руке. Только тогда я заметила, что пальцы снова задержались возле складок, скрывавших часы. За последние дни я столько раз проверяла, на месте ли они, что перестала замечать этот жест. Я отпустила ткань и подняла глаза. Дарси смотрел на меня, а я, как выяснилось, разглядывала его с той самой пристальностью, от которой предостерегала леди Мэри. Пришлось отвести взгляд.

Леди Мэри, должно быть, всё заметила, взяла меня под локоть, и мы пошли дальше вдоль зала. Пройти успели всего несколько шагов, когда навстречу показался сэр Уильям Лукас.

После недавнего знакомства он приветствовал меня с такой сердечностью, словно одного утреннего визита хватало, чтобы перестать считать меня новой знакомой.

Заметив, куда мы направляемся, сэр Уильям сразу оживился. Представлять людей друг другу было для него таким же удовольствием, как самому оказаться в центре разговора.

— Вы представлены нашим гостям из Незерфилда?

Ответить мы не успели. Через мгновение он вёл нас к гостям из Незерфилда.

Первым навстречу повернулся Бингли, и на его лице сразу появилось то открытое выражение, с которым он, казалось, встречал каждого нового человека. Кэролайн последовала за братом чуть медленнее. На этот раз она посмотрела прямо на меня, не скрывая любопытства.

Дарси всё ещё держался немного позади. Пока Бингли и его сестра обменивались с нами приветствиями, он оставался на прежнем месте, лишь изредка поглядывая в нашу сторону. Представив меня брату и сестре, сэр Уильям наконец обратился к нему.

— Мистер Дарси, позвольте представить вам мисс Анну Харкорт.

Дарси помедлил лишь мгновение, затем подошёл и поклонился.

Между нами оставалось всего несколько шагов. Всё, что существовало только в знакомой книге, вдруг свелось к этому простому движению навстречу. Музыка продолжала звучать, рядом смеялись, шелестели юбки, кто-то передвигал стулья у стены, и всё же на несколько мгновений эти звуки словно отодвинулись. Под складками платья тихо шли часы, и их присутствие вдруг стало особенно ощутимым.

— Мисс Харкорт, — произнёс Дарси.

Глава 5. Живые лица

Дарси приветствовал меня спокойно, без той рассеянной вежливости, с которой обычно обращаются к очередной незнакомке. За эти несколько мгновений он успел заметить и леди Мэри рядом, и мой недавний жест у складок платья.

— Я слышал, вы недавно вернулись в Англию.

— Не уверена, что «вернулась» — правильное слово. О возвращении обычно говорят, когда узнают место, в которое приехали, а мне здесь слишком многое приходится узнавать заново.

Дарси чуть помедлил, словно ответ оказался не тем, которого он ожидал.

— Вы не слишком любите простые ответы?

— Только когда ради простоты приходится жертвовать точностью.

Он слегка склонил голову, и на мгновение мне показалось, что ответ его позабавил. Но продолжить разговор не успел: музыканты взяли первые аккорды, распорядитель призвал танцующих занять места, а леди Мэри легко коснулась моей руки, напоминая, что вокруг нас по-прежнему существует весь остальной зал.

Она подвела ко мне невысокого мужчину лет сорока пяти. Мистер Морли поклонился без светского блеска, но с добродушной уверенностью; возле глаз легли ранние морщины, на манжете оставалось бледное чернильное пятно, с которым домашняя стирка так и не справилась окончательно.

— Мистер Морли живёт в трёх милях от Харкорт-Хауса и двадцать лет проигрывает мне в вист, — представила его леди Мэри. — Полагаю, это убедительная причина, чтобы доверить ему ваш первый танец. Я предупредила, что после долгого отсутствия и болезни ему может понадобиться немного терпения.

С лёгким поклоном Морли предложил руку.

— Терпения у меня значительно больше, чем таланта к танцам. Если ошибёмся, постараемся сделать это одновременно.

— Такое соглашение кажется мне надёжнее обещания совершенства.

Первым партнёром Анны на ассамблее стал мистер Морли, старый знакомый леди Мэри. Он с добродушной улыбкой обещал, что в случае ошибки они постараются ошибиться одновременно. Первые фигуры давались Анне непросто, но Морли незаметно направлял её движения, не привлекая внимания окружающих. Постепенно тревога отступила. Впервые с момента появления в 1811 году Анна перестала думать о своей роли и просто наслаждалась происходящим

Когда две линии сошлись друг напротив друга, Морли негромко напомнил мне первые движения и отступил, освобождая место для поворота. На первых тактах я всё таки поспешила, а на следующем проходе, наоборот, задержалась там, где следовало двигаться вперёд. Мистер Морли ничего не сказал, а быстро подстроился, пропустил соседнюю пару и протянул руку с другой стороны. Через несколько тактов ошибка исчезла в общем рисунке танца так естественно, что, кажется, заметили её только мы двое.

Дальше стало проще. Морли вёл уверенно, без нажима, лишь немного усиливая прикосновение ладони перед поворотом или заранее смещаясь туда, где мне предстояло оказаться. Между фигурами находилось время и для нескольких слов, но музыка быстро возвращала внимание к танцу: навстречу шла следующая пара, юбки расходились и снова сходились, мужчины менялись местами, строй на мгновение распадался и тут же складывался заново.

На втором круге подсказки Морли больше не требовались. Счёт больше не приходилось повторять про себя, а повороты следовали один за другим без прежней внутренней остановки. Постепенно появилось то редкое ощущение, когда музыка уже не подсказывает, что делать дальше, а просто несёт вместе с собой. Перемену Морли заметил сразу. В следующей фигуре он не замедлялся ради меня, и мы прошли её в общем темпе.

К концу танца можно было смотреть не только на руку Морли и ближайшие шаги. За его плечом мелькала леди Мэри, у стены разговаривала миссис Филлипс, чуть дальше Бингли то

и дело оказывался рядом с Джейн, а у противоположной линии время от времени появлялся Дарси. С каждым поворотом зал складывался заново: лица исчезали, возникали с другой стороны, смешивались с незнакомыми.

Очередная фигура вывела нас ближе к центру зала как раз в тот момент, когда сэр Уильям Лукас подводил Бингли к семейству Беннет. Проходя мимо них то с одной, то с другой стороны, я могла рассмотреть каждого не издали, а почти вплотную.

Мистер Беннет, хозяин Лонгборна, наблюдал за происходящим на балу с лёгкой насмешкой и привычной отстранённостью. Худощавый, с внимательным взглядом и едва заметной ироничной улыбкой, он предпочитал находить смешное в чужих поступках, а не вмешиваться в события. Суета супруги и надежды дочерей редко нарушали его невозмутимость. За остроумием скрывался человек, который слишком часто предоставлял семейным обстоятельствам развиваться без своего участия.

Первой я услышала имя хозяина Лонгборна. Мистер Беннет оказался тем самым худощавым джентльменом с насмешливой складкой у рта, который до сих пор наблюдал за залом с таким видом, словно большая часть происходящего лишь подтверждала его невысокое мнение о человеческой природе.

Рядом стояла его жена миссис Беннет, женщина с ещё привлекательными чертами и живым, чрезвычайно подвижным лицом, на котором любая мысль появлялась раньше, чем успевала превратиться в слова. Она то поправляла кружево у декольте, то оглядывала дочерей, то поворачивалась к очередному знакомому, не позволяя вниманию надолго задерживаться на одном предмете. При имени Бингли, однако, вся эта суетливая подвижность сразу получила направление: миссис Беннет выпрямилась и с откровенным интересом посмотрела в сторону нового соседа.

Миссис Беннет невозможно было не заметить среди гостей. Живое лицо, быстрые движения, веер и нескончаемый интерес ко всему происходящему выдавали женщину, не привыкшую скрывать свои мысли. Особенно оживлялась она при появлении молодых состоятельных джентльменов. Стоило Бингли обратить внимание на Джейн, как материнские надежды немедленно приобрели вполне определённые очертания. Казалось, будущее замужество дочери уже было решено — оставалось лишь сообщить об этом жениху.

Постепенно к уже знакомым Джейн и Элизабет прибавились ещё три лица. Мэри держала у груди ноты и время от времени поглядывала на освободившийся инструмент, словно музыка давала ей более надёжный способ присутствовать в обществе, чем разговор. Китти перед каждым новым знакомством искала глазами мать, а Лидия то и дело отвлекалась на офицеров, проходивших неподалёку, и однажды даже пропустила имя пожилого господина, которого ей представляли. На их фоне Джейн казалась особенно спокойной, а Элизабет чаще других замечала, что происходит вокруг.

Бингли тем временем обратился к Джейн с той лёгкой доброжелательностью, которая не требовала у него никаких усилий. Он говорил и с остальными, отвечал миссис Беннет, слушал сэра Уильяма, но рядом с Джейн задерживался охотнее, чем возле других.

Когда движение танцующих оттеснило её за плечо пожилой соседки, Бингли сразу это заметил и шагнул в сторону, освобождая ей место. Сам по себе жест был самым обычным, но внимание, с которым он следил за ней, делало его менее случайным. Джейн поблагодарила его и улыбнулась, так же спокойно, только на этот раз улыбка не исчезла сразу.

Перемену в поведении Бингли миссис Беннет заметила сразу. Стоило ему снова повернуться к Джейн и без колебаний посторониться, пропуская её вперёд, как обычная любезность,

кажется, приобрела в её глазах совсем иной смысл. Она придвинулась ближе, стараясь сохранить вид обычной материнской внимательности, однако надежду скрыть удавалось плохо.

Немного поодаль мистер Беннет наблюдал за происходящим куда спокойнее. И оживление жены, и старательное спокойствие Джейн явно не проходили мимо его внимания, но вмешиваться он не спешил. В выражении лица оставалась лёгкая насмешка человека, давно привыкшего к семейным надеждам, тревогам и выводам, сделанным раньше времени.

Элизабет вместе с Шарлоттой Лукас наблюдала за происходящим. Сначала её явно радовало внимание Бингли к сестре, затем очередное движение матери вызвало настороженность, а вскоре осталось лишь весёлое примирение с тем, что удержать миссис Беннет всё равно невозможно. Шарлотта тихо сказала ей несколько слов, и Элизабет рассмеялась, на мгновение отвернувшись от сестры.

Неподалёку Лидия увлекала Китти туда, где собрались офицеры. Китти ещё раз оглянулась на мать, но потом поддалась сестре, и вскоре обе смеялись над чем-то своим. Мэри тем временем по-прежнему держала ноты у груди и поглядывала на инструмент, словно ждала возможности наконец оказаться там, где чувствовала себя увереннее.

Лидия Беннет оказалась именно там, где ей было интереснее всего, — среди молодых офицеров. Румянец, кокетливая улыбка, оживлённые жесты и веер, которым она распоряжалась с большой свободой, выдавали её непосредственный характер.

Во время войн с Наполеоном британские военные часто квартировали в провинциальных городах. Офицеры местного гарнизона становились заметными участниками балов, визитов и семейных вечеров. Яркие красные мундиры, военная выправка и рассказы о службе привлекали внимание молодых девушек.

За наблюдениями за семейством Беннет я едва не пропустила начало следующей фигуры. Музыка сменила рисунок, соседняя пара двинулась навстречу, а я задержалась на месте на долю секунды дольше, чем следовало. Морли едва заметно направил меня в сторону, и мы успели вернуться в общий строй до того, как ошибка стала заметна кому-нибудь ещё.

— Вы опять потеряли место?

— На этот раз только внимание.

Он окинул зал коротким взглядом, будто прекрасно понимал, сколько здесь существует способов отвлечься.

— Оно в подобных залах теряется чаще перчаток. Главное, вовремя вернуться в танец.

На последних тактах Морли сам задержался на полшага. После его прежней точности эта маленькая заминка сразу бросилась в глаза. Музыканты повторили короткую фразу, а прикосновение его пальцев стало слабее.

— Простите. Эту мелодию любила моя жена. После её смерти я больше её не слышал.

Сказано это было спокойно, даже буднично, без ожидания утешения, словно Морли просто объяснял причину своей заминки.

— Мы можем выйти из ряда.

На мгновение он посмотрел в сторону прохода между парами, но затем слегка покачал головой.

— Три года я именно это и делал. Уходил прежде, чем музыка успевала напомнить больше, чем я готов был вынести. Леди Мэри уверяла, что сегодня я обязан быть полезен вам. Похоже, ей снова удалось найти хорошее применение чужому благоразумию.

На английских ассамблеях танцы сопровождались живой музыкой. В небольших залах могли играть всего несколько музыкантов; в более состоятельных собраниях использовали скрипки, флейты, виолончель и клавишные инструменты. Контрдансы исполняли под попу-

лярные мелодии, многие из которых переходили из одного поколения танцующих в другое. Музыка определяла порядок фигур, темп движений и продолжительность танца. Знакомая мелодия могла напоминать о событиях многолетней давности.

Следующая фигура развела нас в разные стороны. На несколько мгновений его рука исчезла из моей, затем мы снова встретились, и к Морли вернулось прежнее спокойствие.

— Она танцевала лучше вас?

— Значительно. И никогда не позволяла мне об этом забыть. На повороте считала вслух, хотя я просил не унижать меня перед всем залом.

— В таком случае я могу продолжить семейную традицию.

Счёт прозвучал негромко. На «четыре» мы повернулись одновременно, и Морли рассмеялся — коротко, с удивлением, словно сам давно не слышал этого смеха.

— Благодарю, мисс Харкорт. Пожалуй, смеха она бы не одобрила.

Когда музыка стихла, в Морли внешне ничего не изменилось. Лишь прежняя лёгкость стала тише, казалось воспоминание ещё оставалось рядом, но уже не мешало ему продолжать вечер.

По дороге обратно к леди Мэри Морли спросил, не утомил ли меня танец.

— Нисколько. Благодаря вам я даже начинаю подозревать, что второй переживу без происшествий.

Он поклонился и вскоре снова оказался среди знакомых. Провожая его взглядом, я подумала, что рядом с ним было удивительно легко не ждать подвоха или скрытого смысла в каждом слове.

У входа я заметила Прайса. После вчерашнего разговора леди Мэри распорядилась, чтобы он сопровождал нас на ассамблею

Спустя некоторое время леди Мэри подвела меня к Беннетам.

— Мистер Беннет, миссис Беннет, позвольте представить мою племянницу, мисс Анну Харкорт.

Мистер Беннет поклонился с неторопливой учтивостью и посмотрел на меня внимательнее, чем требовало обычное приветствие. В выражении его лица угадывалась знакомая насмешка, но на этот раз она словно ждала повода, чтобы появиться открыто.

Миссис Беннет ждать повода не стала. Едва закончились первые приветствия, как в её лице проступило столько живого интереса, что нетрудно было догадаться, сколько вопросов приготовлено о моём здоровье, Индии и внезапном появлении в Хартфордшире. Однако присутствие леди Мэри пока удерживало их в пределах светской беседы.

Рядом стояла Джейн. Когда между нами не было половины зала, особенно заметны становились не столько правильность черт, сколько мягкость выражения и то спокойное внимание, с которым она слушала представление, будто действительно хотела запомнить человека, а не только его имя.

Джейн Беннет обладала той спокойной красотой, которая не требовала ни ярких украшений, ни особого внимания. Светлые волосы, мягкие черты и доброжелательный взгляд сочетались с искренней деликатностью. Она редко говорила резко и старалась замечать в людях прежде всего хорошее. Даже забота о сестрах и новых знакомых проявлялась у неё ненавязчиво. Неудивительно, что открытый и добродушный Чарльз Бингли почти сразу выделил Джейн среди остальных девушек.

Элизабет улыбнулась раньше, чем леди Мэри успела назвать её имя, словно формальное представление лишь завершало знакомство, которое успело начаться само собой.

— Мы, кажется, успели познакомиться дважды, не будучи представленными как следует: сначала на дороге, потом через половину зала. Теперь, полагаю, всё наконец сделано по правилам.

— Это даже успокаивает. Я начинала думать, что нам придётся всю будущую зиму ограничиваться поклонами на расстоянии и делать вид, будто так и было задумано.

Разговор продолжился так естественно, словно между двумя предыдущими встречами не хватало только этого официального представления.

Элизабет Беннет выделялась живым выражением лица, тёмными глазами и быстрой, чуть насмешливой улыбкой. Умная, наблюдательная и независимая в суждениях, она редко упускала возможность заметить человеческую нелепость. С Анной они уже дважды встречались, но только на ассамблее были представлены друг другу по всем правилам. Разговор сразу получился лёгким и остроумным. Обеим казалось, что они хорошо умеют разбираться в людях, хотя именно эта уверенность ещё не раз обманет их.

Но едва между нами возникла короткая пауза, как миссис Беннет тут же ею воспользовалась.

— Вы ведь действительно долго жили в Индии, мисс Харкорт? И после такой болезни, должно быть, совершенно истощены. Не представляю, как вы вообще решились сегодня танцевать.

Она произнесла всё это на одном дыхании, и я ещё пыталась понять, на какой вопрос отвечать первым, когда Джейн мягко пришла мне на помощь.

— Мама, мисс Харкорт только что закончила танец. Думаю, ей сейчас приятнее будет говорить о чём-нибудь, что не требует отчёта о здоровье.

Затем она повернулась к Мэри, всё ещё державшей ноты у груди.

— Мэри как раз собиралась играть. Это, пожалуй, гораздо безопаснее для всех нас.

При упоминании музыки Мэри заметно приободрилась и впервые обратилась ко мне без прежней сдержанности.

— Вы любите музыку, мисс Харкорт?

— Очень, хотя сегодня мне, пожалуй, безопаснее оставаться слушателем. Одного испытания танцами на первый вечер вполне хватит, и я не хотела бы сразу выяснять, насколько терпеливо здешнее общество относится ещё и к моим музыкальным способностям.

Мэри улыбнулась, крепче прижав ноты к груди.

— Тогда я постараюсь выбрать что-нибудь, что не заставит вас пожалеть о решении довериться мне.

Мэри Беннет предпочитала музыкальные занятия шумным разговорам. Сдержанная, серьёзная, с нотами в руках, она держалась немного в стороне от сестёр и казалась старше своих лет. В отличие от Джейн и Элизабет, Мэри редко привлекала внимание внешностью или остроумием, поэтому особенно дорожила возможностью проявить свои способности. За строгостью и старательностью скрывалось желание быть замеченной и оценённой по достоинству.

К этому времени возле Беннетов стало свободнее: Лидия и Китти переместились туда, где было больше офицерских мундиров, а Мэри готовилась занять место у инструмента. Мистер Беннет остался рядом с женой и время от времени обменивался несколькими словами с сэром Уильямом, предоставляя остальным устраиваться по собственному желанию.

До следующего танца оставалось немного времени, и вскоре к нам подошёл Бингли. На этот раз его интерес был обращён ко мне, и вместо обычного вопроса о здоровье или дороге он заговорил о том, что в Меритоне успело стать известно без моего участия.

— Мисс Харкорт, боюсь, Меритон успел узнать о вашем приезде больше, чем вы сами сообщили. Надеюсь, это не помешает вам составить об округе собственное мнение.

— Пока местные жители оказываются интереснее местных слухов, так что положение ещё можно считать поправимым.

Бингли рассмеялся и заметил, что при таком условии у округа, пожалуй, ещё остаётся надежда оправдаться. Разговор ненадолго перешёл к ассамблее, соседям и тем удивительным скоростям, с которыми новости здесь успевали обойти несколько домов прежде, чем их участники узнавали, что именно произошло. Джейн слушала внимательно и время от времени отве-

чала на адресованные вопросы, а Бингли всё чаще обращался только к ней, так что вскоре наша общая беседа незаметно стала их разговором.

Музыканты тем временем начали готовиться к новому контрдансу. Бингли дождался короткой паузы и попросил у Джейн следующий танец. Она согласилась спокойно, но лёгкий румянец всё же появился. Миссис Беннет сохранила молчание, что само по себе выглядело подвигом, хотя выражение её лица не оставляло сомнений в том, насколько удачно, по её мнению, складывался вечер.

Позже к разговору присоединилась и Кэролайн. От нескольких обычных фраз об ассамблее беседа перешла к моим планам на зиму, а затем и к Индии. Всё звучало легко, как будто между прочим, хотя вскоре стало видно, что дальняя страна интересует её не сама по себе.

— Долгая жизнь вдали от семьи, должно быть, приучила вас к самостоятельности. Возвращаться после этого под опеку родственницы не всегда легко.

— Особенно если привычка принимать собственные решения пережила дорогу лучше багажа.

Кэролайн улыбнулась.

— Полагаю, некоторые привычки путешествуют особенно хорошо.

Продолжить эту тему мы не успели. С другой стороны к ней обратилась знакомая дама, и разговор естественно прекратился, оставив последнее замечание без продолжения.

Возникшей паузой неожиданно воспользовался Дарси, до того не вмешивавшийся в беседу.

— Вы сказали, что многое здесь вам приходится узнавать заново. Что должно измениться, чтобы вы почувствовали себя дома?

К прежнему замечанию он вернулся так спокойно, словно всё это время просто держал его в памяти. Шутливый ответ, первым пришедший в голову, показался неуместным, и я ответила серьезно.

— Думаю, перестать каждый день объяснять, почему имеешь право там оставаться.

Несколько мгновений он молчал, обдумывая услышанное.

— При таком определении возвращение действительно может оказаться сложнее путешествия.

Я собиралась ответить, когда зазвучало вступление к следующему танцу, и еще была возможность стать в пары. Бингли, к этому времени заручился согласием Джейн и, заметив друга у стены, тут же принялся убеждать его тоже присоединиться к танцующим. Элизабет стояла неподалёку рядом с Шарлоттой, и Бингли, оглянувшись вокруг, указал Дарси именно на неё.

В ту сторону последовал лишь короткий взгляд.

— Она терпима, но недостаточно хороша, чтобы соблазнить меня. К тому же я не расположен танцевать с дамой, которой пренебрегли другие мужчины.

Голос звучал негромко, но музыка ещё только началась, и нескольких шагов между ними было мало, чтобы слова остались только для Бингли. Элизабет их услышала. Пальцы на мгновение плотнее сомкнулись на веере, и она сразу наклонилась к Шарлотте, сказав что-то вполголоса, и через несколько секунд обе улыбались. Со стороны неловкость могла пройти незамеченной, но короткое выражение, мелькнувшее на лице Элизабет перед улыбкой, не оставляло сомнений, что реплика всё-таки задела.

Через некоторое время, Элизабет танцевала с другим кавалером, а мы с Дарси оказались достаточно близко, чтобы заговорить. Он по-прежнему стоял у стены, откуда были хорошо видны Бингли и Джейн, а я, поколебавшись ещё секунду, начала разговор.

— Мисс Беннет вас услышала. Вы могли отказаться от танца, не объясняя, почему не хотите приглашать именно её.

Он нашёл Элизабет среди движущихся пар и только после этого посмотрел на меня.

— Я не обращался к ней. И, признаюсь, не ожидал, что моя частная реплика потребует вашего вмешательства.

Вежливость никуда не исчезла, однако в голосе я почувствовала явную прохладу.

— Частной она перестала быть в тот момент, когда её услышал человек, о котором вы говорили.

На несколько тактов разговор оборвался. Мимо проходили танцующие пары, музыка становилась громче, шелест юбок и голоса скрывали нас от окружающих, и только тогда Дарси заговорил, всё ещё глядя в сторону зала.

— Вы подошли сообщить мне, что мисс Беннет услышала мои слова. Однако теперь, кажется, объясняете ещё и то, как именно мне следовало их выбирать.

Возражение было готово, но я промолчала. В замечании Дарси была доля правды: я действительно подошла только затем, чтобы сказать об Элизабет, а дальше перешла к наставлениям.

— Возможно, я зашла дальше, чем собиралась, — признала я. — Хотя это не делает сказанное вами менее неприятным.

Он снова повернулся к залу. К леди Мэри я вернулась с куда меньшей уверенностью в том, что лишнего в нашем разговоре успел сказать только один из нас.

Позже, когда музыка стихла и танцующие начали расходиться, у окна ко мне подошла Элизабет. Судя по свободно лежавшему в руке вееру и лёгкому любопытству во взгляде, прежняя досада успела отступить. Без предисловий она спросила, действительно ли я решила сделать мистеру Дарси замечание из-за неё.

Я объяснила, что причиной были скорее его слова, чем желание вступиться за неё. Насколько они её задели, Элизабет вполне могла решить сама, и говорить от её имени я не собиралась. Посмотрев на меня с особенной внимательностью, она заметила, что к Дарси я всё-таки подошла.

— Иногда мне трудно оставить очевидную грубость без комментария.

— И вы, конечно, уже составили о нём мнение?

Вопрос прозвучал с такой лёгкой насмешкой, что я невольно посмотрела в сторону Дарси, всё ещё стоявшего у стены.

— Пока только то, что он способен сказать лишнее и не слишком любит, когда ему на это указывают.

— Для первого знакомства это немало.

С этим трудно было не согласиться, особенно после недавнего разговора с самим Дарси.

— Возможно, я слишком легко доверяю первому впечатлению.

— Тогда у нас с вами, пожалуй, нашёлся один общий недостаток.

И тут внимание Элизабет привлёк мужчина у двери, ведущей в служебный коридор. Я посмотрела туда же.

В коричневом фраке его можно было принять за помощника распорядителя, однако среди слуг он держался особняком и явно интересовался происходящим в зале больше, чем требовало обычное поручение. Когда мужчина повернул голову к свету, на левой щеке проступила знакомая светлая полоса старого шрама.

Лицо я помнила хуже, чем высокий рост, опущенное левое плечо и металлический блеск набалдашника трости. В Меритоне на нём было пальто, здесь его сменил фрак, но одна особенность осталась прежней: смотрел он не на меня, а туда, где рука недавно касалась лифа. Я опустила глаза и увидела несколько звеньев цепочки, выбившихся из-под складок шёлка.

На мгновение захотелось самой пройти следом и убедиться, что я не ошиблась. Вместо этого я подошла к леди Мэри и негромко описала мужчину. К двери она не обернулась, лишь поставила чашку на поднос и едва заметным движением подозвала Прайса.

— Останьтесь рядом со мной. Прайс разберётся.

Через несколько секунд дворецкий исчез за дверью вместе с двумя лакеями, а вокруг ничего не изменилось. Музыка продолжала звучать, пары проходили одна мимо другой, и вскоре леди Мэри с совершенно спокойным видом обсуждала простуду с миссис Гулдинг, вдовой врача, которая за долгие годы семейной жизни успела приобрести твёрдое мнение не только о болезнях, но, кажется, и обо всём остальном.

Прайс вернулся примерно через четверть часа. Мужчина прошёл через кухонный двор вместе с доставкой вина, и показал помощнику распорядителя записку якобы от одного из организаторов ассамблеи. Ни среди гостей, ни среди нанятых на вечер слуг этого мужчину не знали, а найти саму записку не удалось.

Возле открытого окна в коридоре остались влажный след, обрывок коричневой перчатки и свежая царапина на деревянной раме, короткая дуга с расходящимися линиями. За окном, в переулке, след терялся среди множества отпечатков, оставленных кучерами и слугами.

Прайс завернул кусок перчатки в бумагу и только после этого сказал, что незнакомца в здании больше нет. Всё время, пока его искали, я, по-видимому, держалась на одном ожидании. Теперь оно исчезло, и вместе с ним сразу ушли и силы. Голоса вокруг отодвинулись, стало тесно в лифе, а пол под ногами на мгновение потерял привычную устойчивость. Я оперлась на спинку ближайшего стула и несколько раз медленно вдохнула, дожидаясь, пока комната снова перестанет плыть перед глазами.

Леди Мэри повернулась ко мне, но раньше её вопроса моё состояние заметил Дарси. Подходить ближе или протягивать руку он не стал; только наклонился и негромко сказал:

— За карточной комнатой есть малая гостиная. Там прохладнее и никого нет.

Сказав это, он отступил, оставляя решение за нами.

После нашего напряжённого разговора такая деликатность оказалась особенно неудобной. Ни его слов об Элизабет, ни самого разговора она не отменяла, но сохранить прежнее, простое и законченное мнение о нём стало труднее.

В малой гостиной миссис Гулдинг, вызвавшаяся сопроводить меня**,** приоткрыла окно на несколько дюймов, объявила сквозняк смертельным и тут же устроилась ближе к нему. Возражать я не стала: за последние дни список вещей, способных меня погубить, и без сквозняка успел стать вполне внушительным.

Через несколько минут дышать стало легче.

Вернувшись в зал, я снова увидела Бингли возле Джейн. Он слушал её с таким вниманием, словно всё происходившее вокруг вполне могло подождать.

Вскоре объявили перерыв, и двери столовой распахнулись.

Леди Мэри предложила мне руку, и мы направились вместе со всеми на ужин. Возле двери я всё-таки оглянулась. Дарси оставался на прежнем месте и смотрел мне вслед.

***

На ассамблеях 1811 года молодые дамы общались преимущественно в присутствии родственников и знакомых. Веер, взгляд, улыбка или согласие на повторный танец могли служить знаками симпатии. Но чрезмерное внимание к одному джентльмену неизбежно вызывало обсуждения. Для незамужней девушки репутация зависела не только от поступков, но и от того, как их истолковывало общество.

Глава 6. После первого танца

Поток гостей понёс нас в столовую, однако у самого порога леди Мэри немного замедлилась. После нескольких часов на ногах она сильнее опиралась на трость. Лицо сохраняло то самое выражение, с которым она умела переносить и боль, и чужое любопытство, не доставляя удовольствия ни тому, ни другому.

Руку я подала так, будто причиной была только теснота.

— Вы так старательно не смотрите на мою ногу, что я начинаю подозревать желание немедленно увезти меня домой, — сказала она, когда поток гостей заставил нас отступить к стене.

— Пока вы способны спорить, решение о возвращении можно отложить. Но если трость снова дрогнет, я позову Прайса, даже если вы перестанете со мной разговаривать.

Поправив перчатку, леди Мэри приняла мою руку, и дальше к столу мы пошли вместе. Это было ещё одно молчаливое соглашение из тех, благодаря которым два упрямых человека помогают друг другу сохранить достоинство.

Белый суп, холодное мясо, пироги и сладкие блюда занимали столы плотнее, чем гости. Свечи грели виски, локти постоянно оказывались слишком близко, а разговоры о доходах, характерах и будущих браках велись с той свободой, которой никто не позволил бы себе при обсуждении собственного счёта у портного.

В Англии эпохи Регентства поздний ужин был важной частью бала. Подавали холодное мясо, пироги, хлеб, сладости и знаменитый белый суп — из мясного бульона, миндаля и сливок. Его приготовление требовало времени и дорогих продуктов. Недаром в «Гордости и предубеждении» Бингли откладывает бал, пока экономка не приготовит достаточно белого супа.

Меня посадили между Шарлоттой Лукас и пожилой миссис Гулдинг, убеждённой, что индийская жара развращает нравы. Объясняя это, она трижды подозвала слугу, велела заменить тарелку и пожаловалась, что молодые люди ныне не умеют переносить малейшее неудобство.

Дождавшись, пока миссис Гулдинг отвлечётся на пирог, Шарлотта подвинула ко мне блюдо с хлебом.

— Моя мать будет считать этот вечер удачным, если хотя бы один мужчина спросит, хорошо ли освещена дорога к Лукас-Лодж, — сказала Шарлотта. — К завтрашнему утру простой интерес к состоянию дороги вполне может превратиться в намерение посетить наш дом.

Я улыбнулась, но Шарлотта продолжила серьёзнее.

— Впрочем, в моём положении даже такой интерес не всегда стоит принимать за светскую любезность. Если мужчина действительно захочет приехать снова, я не стану заранее убеждать себя, что это ничего не значит.

Сказала она это спокойно, без смущения и без особой надежды, словно давно привыкла смотреть на подобные вещи разумно. Для Шарлотты возможность брака была не красивой случайностью, которую можно ждать сколько угодно, а частью будущего, о котором приходилось думать.

С другого конца стола донёсся голос миссис Беннет с приглашением леди Мэри и мне побывать в Лонгборне. Вслед за этим мистер Беннет заметил, что всегда рад гостям, особенно тем, кто способен уехать прежде, чем хозяину придётся повторять однажды высказанное мнение. От этих слов миссис Беннет всплеснула руками, а Джейн сразу перевела разговор на дорогу к Лонгборну, прикрывая материнское смущение собственной вежливостью.

За праздничным столом Шарлотта призналась Анне, что даже простое внимание мужчины может оказаться для неё важным. Она не ждала необыкновенной любви, предпочитая трезво оценивать собственное будущее. Рядом миссис Гулдинг рассуждала о нравах, а миссис Беннет уже приглашала гостей в Лонгборн. Анна постепенно понимала: за светскими разговорами о замужестве скрывались весьма разные надежды и опасения.

В какой-то момент мистер Беннет поймал мой взгляд.

— Вы смотрите так, будто уже нашли во мне недостаток, мисс Харкорт.

— Пока я только пытаюсь понять, всегда ли вы замечаете больше, чем считаете нужным сказать.

Брови его поднялись, и в лице появилось явное удовольствие от ответа.

— Приходите в Лонгборн. В библиотеке найдётся немало книг, за которыми я смогу скрыть этот недостаток гораздо успешнее.

Лёгкость тона могла бы оставить приглашение простой шуткой, если бы Элизабет напротив не кивнула так, словно прекрасно знала, что отец говорит совершенно серьёзно.

Тем временем Бингли придвинул к Джейн блюдо, до которого она не могла дотянуться, и их прерванный разговор продолжился с той естественностью, будто паузы вовсе не было. Время от времени к Бингли обращались соседи, кто-то задерживал его вопросом или шуткой, но спустя несколько реплик он неизменно снова оказывался рядом с Джейн. Сама она принимала это без заметного смущения, хотя румянец на щеках держался дольше, чем прежде.

После ужина зал встретил нас более тяжёлым воздухом и свечами, которые уже начинали оплывать. Пока слуги убирали столы, музыканты разминали пальцы, а родители вспоминали о талантах дочерей, которые до сих пор не получили достаточного количества свидетелей.

К фортепиано Мэри Беннет подошла с нотами, прижатыми к груди. Перед тем как сесть, она слишком тщательно расправила листы и проверила свечу, хотя пламя стояло ровно. Первые такты прозвучали уверенно, затем темп начал колебаться: там, где музыке требовалось дыхание, проступало старание, а там, где мелодии можно было дать больше свободы, Мэри удерживала её слишком крепко, словно ошибка могла лишить последнего права на внимание.

Музыка входила в обязательный круг светских талантов образованной девушки. Печатные ноты стоили недёшево, поэтому понравившиеся произведения нередко переписывали от руки. В нотных тетрадях сохранялись исправления, пометки преподавателей и указания по исполнению. Подобные рукописные сборники существовали и в семье Джейн Остин, которая сама регулярно занималась музыкой.

Разговоры в дальнем конце зала не стихали. До инструмента они долетали вполне отчётливо, и с каждым новым тактом звук становился чуть громче, словно Мэри пыталась вернуть музыке внимание комнаты.

Когда прозвучали последние ноты, мистер Беннет поблагодарил дочь и с улыбкой предложил предоставить другим молодым дамам возможность отличиться. По залу прокатилось несколько сдержанных смешков, а за инструментом стало совсем тихо, затем Мэри принялась складывать ноты с преувеличенной аккуратностью.

Через несколько минут она стояла у маленького столика возле стены, не выпуская ноты из рук.

— Не нужно говорить, что я играла прекрасно, — произнесла она, прежде чем я успела заговорить. — Я слышала разговоры.

— Обманывать вас я не собиралась. Но ваш отец мог дать понять, что пора заканчивать, не выставляя это напоказ.

— Если я играю сложное, меня не слушают. Если простое, считают, что я больше ничего не умею.

На мою просьбу взглянуть на ноты она без возражений протянула их мне. На полях в нескольких местах теснились пометки, а один такт был перечёркнут столько раз, что бумага истончилась.

— Когда мы увидимся снова, сыграйте то, что вам самой нравится. Не самое трудное и не то, чем хочется кого-то впечатлить. Возможно, тогда будет проще услышать саму музыку, а не всё, что вы пытаетесь ею доказать.

В ответ последовал короткий кивок и, немного постояв над собственными пометками, Мэри наконец направилась обратно к семье.

В тот же момент от фортепиано отделился Дарси и, остановившись неподалёку, заговорил так, что сомнений не осталось: последние мои слова он слышал.

— Вы уверены, что после этого ей действительно стало легче?

— Не уверена. Мне просто не хотелось отвечать на насмешку похвалой, в которую она всё равно не поверила бы.

Дарси посмотрел вслед Мэри и заметил, что вместе с утешением она получила от меня ещё одну задачу, хотя и прежде слишком старалась сделать всё правильно.

Мэри снова развернула ноты и внимательно изучала собственные пометки, будто там действительно можно было найти способ исправить произошедшее.

— Пожалуй, вы правы. Я хотела избавить её хотя бы от необходимости что-то доказывать, а вместо этого показала новое место, где можно стараться ещё усерднее.

За фортепиано тем временем села Элизабет. Выбрав короткую песню, она уже во втором куплете допустила ошибку, едва заметно усмехнулась самой себе и продолжила дальше, не позволяя одному промаху испортить всё остальное. Слушали её охотнее, хотя в технике она заметно уступала Мэри.

К инструменту Дарси повернулся сразу. Поначалу его внимание можно было принять за обычную вежливость, но после ошибки Элизабет он не отвлёкся и, кажется, стал слушать внимательнее. Я заметила это слишком быстро и опустила глаза, задержав пальцы на краю перчатки

Когда музыка смолкла, Дарси подошёл к окну, возле которого я стояла. Несколько мгновений он ещё смотрел в сторону инструмента, затем заметил, что Элизабет, похоже, получает удовольствие от самой игры.

— Возможно, потому, что она не боится одной ошибкой перечеркнуть всё остальное.

Дарси помедлил, а потом заметил, что о способности ошибаться без страха я говорю так, словно считаю это редким преимуществом.

Я не ответила сразу, продолжая смотреть в тёмное оконное стекло. Разговор незаметно приблизился к тому, о чём мне совсем не хотелось говорить с человеком, которого я едва знала, и пришлось осторожнее выбирать слова.

— Наверное, потому, что для некоторых одна ошибка слишком надолго становится доказательством того, что они вообще не заслуживали новой попытки.

Следующий танец начался прежде, чем наше молчание успело стать неудобным. Среди первых пар оказалась Лидия с молодым офицером, и на одном из поворотов стало заметно, что тот позволяет себе чуть больше, задерживая руку у её талии. Лидию это только развеселило и, перекрывая музыку, она сообщила, что на следующей неделе непременно будет возле меритонских лавок после полудня, когда мама обычно занята визитами и не станет особенно интересоваться, куда они с Китти отправились.

Миссис Беннет наблюдала за мундирами с неизменным благоволением, тогда как её супруг, услышав дочь, негромко заметил, что полку, пожалуй, следует укрепить дисциплину, если он намерен пережить знакомство с двумя младшими мисс Беннет. Несколько знакомых поблизости рассмеялись, а офицер, словно только теперь вспомнив о правилах приличия, на следующем повороте держался гораздо осторожнее.

В эпоху Джейн Остин умение играть на фортепиано считалось важным достоинством воспитанной девушки. Музыка украшала семейные вечера, помогала развлечь гостей и могла привлечь внимание будущего жениха. Однако хорошее впечатление зависело не только от сложности произведения. Естественность, выразительность и умение играть с удовольствием нередко ценились слушателями выше безупречной техники.

Ближе к полуночи от первоначальной нарядности вечера оставалась только общая праздничная суета. Стёкла запотели, воротники потеряли прежнюю чёткость, из причёсок выбивались локоны, а музыканты играли всё быстрее, словно сами начинали мечтать о той минуте, когда можно будет отложить инструменты.

Немного прохлады нашлось лишь у приоткрытого окна, куда вскоре подошла Элизабет. Некоторое время она постояла рядом, а затем едва заметно кивнула в сторону Джейн, возле которой опять оказался Бингли.

— Мама завтра сообщит половине графства, что свадьба почти решена. Джейн после этого придётся объяснять всем, что она даже не успела выбрать даже ленту для капора.

— Ваша сестра, кажется, умеет не обещать больше, чем действительно чувствует.

Элизабет слегка улыбнулась.

— Да. Джейн скорее позволит другим решить, что ей ничего не нужно, чем заставит кого-нибудь почувствовать себя неловко из-за собственных желаний.

В это время Шарлотта помогала матери искать шаль, которая, к общему несчастью, всё это время спокойно лежала у той на коленях. Элизабет проследила за поисками и тихо заметила:

— А Шарлотта уверяет, что привязанность вовсе не обязательно должна предшествовать браку. Она говорит об этом так спокойно, будто речь идёт о выборе платья или экипажа. Мне всё равно трудно понять, как можно заранее согласиться на жизнь без любви.

— Иногда выбор выглядит гораздо свободнее для тех, кому не приходится его делать.

Элизабет повернулась ко мне без прежней улыбки.

— Вы говорите так, словно вам самой однажды пришлось выбирать.

Можно было отшутиться, но после всего, что мы только что сказали о Джейн и Шарлотте, такая попытка прозвучала бы слишком явно.

— Однажды я ушла от человека, которого продолжала любить. Остаться было проще, но это не означало, что остаться было лучше.

Она не стала спрашивать ни имени, ни причин. После короткого молчания прозвучал только один вопрос:

— И вы знали тогда, что поступаете правильно?

— Нет. Думаю, уверенность чаще появляется потом, когда известны последствия. В сам момент выбора просто закрываешь дверь и надеешься, что не принял ошибку за мужество или мужество за ошибку.

Английские ассамблеи могли продолжаться далеко за полночь. Большое количество свечей, теснота и непрерывные танцы постепенно нагревали помещение. В воздухе смешивались запахи воска, духов, пудры и влажной одежды, а на холодных оконных стёклах собирался конденсат. Веера служили не только изящным аксессуаром: в переполненном зале они становились настоящей необходимостью.

Несколько мгновений Элизабет молчала. Шарлотта тем временем наконец обнаружила пропавшую шаль на коленях у матери и помогла ей подняться.

— Тогда, пожалуй, я не стану так легко судить о выборе, которого мне самой не приходилось делать.

В голосе Элизабет слышалось несогласие, но прежней категоричности уже не было. Вскоре разговор перешёл на другое, а спустя некоторое время у окна появился Дарси с известием, что миссис Беннет разыскивает дочь. Элизабет поблагодарила его и отправилась к матери. Он же остался рядом, и после недолгой паузы я все же вернулась к тому, что произошло раньше.

— Вы не собираетесь извиниться перед мисс Беннет?

Дарси немного помедлил.

— Я сказал то, чего говорить не следовало. Но что вы предлагаете? Подойти к мисс Беннет и напомнить ей мои слова? Она будет вынуждена уверить меня, что не держит зла. Сомневаюсь, что ей нужен такой разговор.

— Очень удобное решение, если предпочитаешь ничего больше не делать.

В ответ он заметил, что моя собственная склонность, похоже, ведёт в противоположную сторону.

— Вы, мисс Харкорт, скорее вмешаетесь, а потом станете решать, просили вас об этом или нет.

Замечание задело: после нашего разговора об Элизабет у него были основания так думать. И всё же, посмотрев на Бингли и Джейн, я не удержалась от следующего вопроса.

— А если дело касается близкого друга? Если вам кажется, что он собирается принять решение, о котором потом пожалеет, вы позволите ему ошибиться или всё-таки попытаетесь его остановить?

Дарси не спешил отвечать.

— Это зависело бы и от решения, и от причин, по которым я счёл бы его ошибочным. Но вы ведь спрашиваете не вообще, не так ли? Вы смотрите на Бингли. Поэтому скажите прямо: какое его решение, по-вашему, я уже пытался изменить?

Вот здесь ответить было нечего. Бингли сам пригласил Джейн на танец, сам искал её общества и ни разу, насколько я видела, не обращался к Дарси за разрешением или одобрением. И неприятная мысль наконец стала совсем простой: я судила Дарси за поступок, которого он ещё не совершил.

— Ни одного, — признала я. — Похоже, в этом случае я решила слишком многое заранее.

— После столь уверенного вопроса я не ожидал, что вы так быстро это признаете.

— Не привыкайте. Я не настолько часто бываю великодушна к собственным ошибкам.

В эту минуту к нам подошла Кэролайн, и разговор вернулся к темам, которые куда лучше подходили для ассамблеи. Она поинтересовалась, не слишком ли утомил меня вечер после болезни, затем заговорила о музыке, моём воспитании, лондонских знакомых и о том, собираюсь ли я провести всю зиму в Хартфордшире.

Вопросы звучали участливо, однако каждый следующий оставлял всё меньше места для случайного ответа. Присутствие Дарси рядом ощущалось особенно остро, и тем меньше хотелось показывать Кэролайн, насколько близко она подошла к тому, о чём я предпочла бы не говорить.

К третьему вопросу стало ясно, что передо мной не светская беседа, а проверка на прочность, только проведённая с веером и без права попросить время на подготовку. Оставалось отвечать так, словно именно к этому разговору я и была готова.

— Вероятно, человеку трудно сохранять уверенность, когда прошлое ничем не может поддержать его в обществе. Даже состояние не всегда заменяет связи.

— Возможно. Но и самые безупречные связи мало помогают, если кто-то, от которого ждут особого шага, не спешит подтверждать ожидания.

Пауза вышла совсем короткой, но Кэролайн поняла, о ком идёт речь, хотя имя Дарси так и не прозвучало.

— Для женщины, столь недавно появившейся в нашем обществе, вы удивительно быстро научились судить о чужих ожиданиях.

Пришлось про себя признать, что за вечер я не раз сказала больше, чем следовало. Кэролайн же поклонилась и отошла, сохранив улыбку, хотя пальцы слишком тщательно разглаживали край перчатки.

Дарси проводил Кэролайн взглядом и только когда она отошла достаточно далеко, заметил, что ответ был слишком точным, чтобв считать его случайной резкостью.

— Не случайной. В разговоре она подошла ближе, чем мне хотелось, и я ответила именно туда, где знала, что ей будет больнее всего.

Дарси помолчал немного.

- По крайней мере вы не пытаетесь оправдать свой поступок хорошими намерениями.

Утешением это служило слабо, особенно если вспомнить, кому досталась моя откровенность.

Кэролайн скрылась среди гостей. Мы едва успели познакомиться, а я уже воспользовалась тем, что знала о ней из книги. Для неё это был разговор с незнакомой женщиной. Для меня — спор, в котором чужие слабости были известны заранее.

Долго оставаться с этой мыслью не пришлось. Вечер подходил к концу, музыка стихала, разговоры постепенно перемещались из зала в переднюю, и прежняя торжественность незаметно уступала место обычной суете отъезда.

В передней вскоре стало тесно от плащей, шалей и людей, которые одновременно искали свою одежду, прощались и уверяли друг друга, что ассамблея была восхитительной. За спинами гостей музыканты складывали инструменты, слуги один за другим гасили лишние свечи, а всякий раз, когда к крыльцу подъезжал новый экипаж, распахнутая дверь впускала внутрь холодный ноябрьский воздух.

Последние экипажи. После бала отъезд превращался в отдельную часть светского вечера. К крыльцу по очереди подавали экипажи, лакеи открывали дверцы, кучера перекликались в темноте, а дамы поверх лёгких бальных платьев поспешно укутывались в шали и плащи. Свет каретных фонарей отражался в мокрой мостовой, и торжественный вечер постепенно растворялся в холодной ноябрьской ночи.

Дольше остальных с отъездом не справлялись Беннеты. Миссис Беннет успевала прощаться сразу с несколькими знакомыми и в который раз благодарила сэра Уильяма, одного из устроителей ассамблеи, за превосходный вечер. Возле двери о чём-то спорили Китти и Лидия, Мэри бережно держала под рукой ноты, а чуть поодаль мистер Беннет ожидал семейство с терпением человека, давно убедившегося, что ускорить его можно лишь одним способом — отправиться домой в одиночестве.

Джейн задержалась последней. Их прощание с Бингли состояло всего из нескольких обычных слов и благодарности за танец, но ни один из них не спешил первым отвернуться. Лишь когда сёстры начали звать Джейн, она наконец отошла, а Бингли несколько мгновений смотрел ей вслед. Миссис Беннет заметила это и, судя по её лицу, успела сделать выводы значительно смелее всех остальных.

По пути к двери Элизабет задержалась возле меня и напомнила о приглашении в Лонгборн. Осторожность, с которой в начале вечера мы присматривались друг к другу, исчезла, поэтому я ответила, что отказаться теперь было бы особенно невежливо после того, как мне почти позволили составить первое мнение едва ли не обо всём семействе.

— Почти? — переспросила она.

— Я оставляю себе возможность обнаружить ошибки.

Элизабет улыбнулась и поспешила вслед за Джейн, пока шутка не успела снова превратиться в долгий разговор.

С Кэролайн мы обменялись безупречно учтивыми прощаниями. Если прежняя беседа и оставила между нами что-то неприятное, внешне этого нельзя было заметить. Бингли, напротив, желал леди Мэри доброй дороги с такой сердечностью, будто до следующей встречи должны были пройти месяцы, а не несколько дней.

Дарси подошёл к дверям уже тогда, когда большая часть гостей успела попрощаться. После всего сказанного за вечер новых слов, кажется, не требовалось. Он поклонился сначала леди Мэри, затем мне, и привычная сдержанность уже воспринималась не так однозначно. Моё собственное мнение о нём тоже перестало удобно помещаться в то определение, с которым я приехала сюда несколько часов назад.

На улице всё выглядело спокойно. Дождь успел закончиться, хотя камни ещё блестели от влаги; по мокрой мостовой переступали лошади, из темноты один за другим выплывали фонари экипажей и вскоре снова исчезали за поворотом. Перекликались кучера, хлопали дверцы, из опущенного окна кто-то торопливо договаривал последнее приглашение.

Нашу карету подали ближе к концу. Прайс, помогая леди Мэри подняться, сначала устроил её трость, затем освободил место для меня. Усталость давала о себе знать: после танцев ныли ноги, шпильки неприятно тянули волосы, а платье, недавно казавшееся почти невесомым, к концу вечера ощущалось каждой складкой.

В карете леди Мэри устроила трость у колен и прикрыла глаза с тем видом, который позволял считать это чем угодно, только не признанием усталости. Мне тоже не хотелось нарушать тишину.

Один за другим позади оставались последние экипажи, пока впереди не осталось ничего, кроме тёмной дороги, влажного блеска изгородей и ровного света наших фонарей. Несколько часов назад люди, с которыми я сегодня говорила, существовали для меня прежде всего как знакомые имена и заранее известные судьбы. Теперь у этих имён появились голоса, неловкости

и обиды, а вместе с ними — решения, последствия которых я знала, но которые им самим ещё предстояло принять.

Ассамблея осталась позади, а знакомая история впервые стала казаться не такой уж заранее написанной.

Глава 7. За дверями Лонгборна

Через два дня после ассамблеи леди Мэри за завтраком сообщила, что мы нанесём визит в Лонгборн. Сделала она это между просьбой передать тосты и замечанием о том, что к вечеру, вероятно, пойдёт дождь, без малейшего оттенка события, способного изменить привычный порядок дня. Беннеты были её давними соседями, дорога до их дома знакомой, а приглашение мистера Беннета не требовало ни обсуждения, ни особой подготовки.

За окнами лежал холодный ноябрьский свет, иней ещё серебрил траву возле террасы, а в столовой пахло кофе, поджаренным хлебом и чуть отсыревшими поленьями в камине. Леди Мэри спокойно продолжала завтрак, тогда как для меня одно произнесённое ею название изменило всё утро.

После ассамблеи само название Лонгборна звучало особенно. Теперь мне предстояло увидеть этих людей не среди музыки, свечей и чужих взглядов, а в доме, где они просыпались по утрам, спорили, распоряжались слугами, оставляли книги на столах и знали привычки друг друга настолько хорошо, что давно перестали их замечать.

После завтрака мы разошлись готовиться к поездке. Бетси уже проветрила мою комнату и разложила на кровати тёмно-синее шерстяное платье, пелерину с меховой отделкой, перчатки и капор. Для соседского визита не требовалось той суеты, с которой нас собирали к ассамблее. После целого вечера в голубом шёлке под десятками чужих взглядов плотная тёмная шерсть казалась особенно уютной.

На туалетном столике рядом с перчатками лежали часы. Перед самым выходом я привычно убрала их во внутренний карман.

К тому времени, когда появилась леди Мэри, я была полностью готова. Поправив край пелерины на плече, она удовлетворённо кивнула.

— Вы выглядите как женщина, которая собирается пить чай у соседей, а не принимать участие в событии государственного значения.

— После ассамблеи я готова считать спокойным развлечением любой визит.

— Не спешите, — сухо отозвалась леди Мэри. — Боюсь, Лонгборн ещё способен поколебать эту уверенность.

Вскоре мы спускались вниз. Экипаж ждал у крыльца, леди Мэри устроилась первой, я заняла место напротив, кучер тронул лошадей и Харкорт-Хаус медленно скрылся за мокрыми деревьями подъездной аллеи.

После дождей дорога размякла настолько, что карета то и дело уходила колесом в глубокую колею и тяжело выправлялась на более твёрдом месте. Разговаривать при такой тряске не хотела даже леди Мэри, поэтому большую часть пути мы провели молча, предоставив рессорам без особого успеха спорить с английской осенью. Через несколько миль я начала относить хорошую подвеску к тем достижениям цивилизации, о существовании которых не задумываешься, пока однажды не оказываешься без них.

За окном тянулись изгороди, тёмные деревья и поля, ещё не успевшие просохнуть после дождя. За очередным поворотом показался Лонгборн. Дом не поражал величием и, кажется, совершенно в нём не нуждался: потемневший от сырости камень, свежая краска на одной из оконных рам, новая заплата на водосточной трубе и ухоженная подъездная дорога создавали впечатление места, которое давно принадлежит одной семье и потому не обязано никому доказывать собственную значительность.

У крыльца карета замедлила ход и остановилась. Пока лакей помогал леди Мэри выйти, у дверей появился слуга в тщательно вычищенной, хотя явно не новой ливрее. Приняв её трость, он отступил в сторону, пропуская нас внутрь.

Внутри дом оказался проще, чем представлялся с подъездной аллеи. В передней не было ничего нарочито выставленного напоказ: на небольшом столике у двери стояло блюдце с аккуратно заделанной трещиной, кресло возле камина обтянули перелицованной тканью, а служанка, едва заметив движение бровей старшей горничной, без слов переставила чайник на другой край подноса. Такие мелочи говорили о Лонгборне больше парадной мебели и портретов на стенах. Вещи здесь не меняли только потому, что они перестали быть новыми, привычный порядок держался без лишней суеты, а следы прожитых в этих комнатах лет никто особенно не старался прятать под свежей обивкой или позолотой. Достаток чувствовался, но потребности постоянно его демонстрировать не было.

Лонгборн после ноябрьского дождя. Дом Беннетов говорит прежде всего о постоянстве: потемневший камень, подновлённая оконная рама, отремонтированный водосток и аккуратная дорога показывают хозяйство, где за домом следят, но не стремятся каждый след возраста скрыть под новой отделкой. Для сельского дома такая «видимая долговечность» была столь же характерна, как парадные фасады более богатых усадеб.

Хозяйка дома появилась раньше, чем слуга успел закончить объявление, и сразу объяснила многое из того, что я заметила в передней. За внешней суетливостью обнаруживалось удивительное внимание ко всему, что происходило в доме: леди Мэри она усадила ближе к огню, для меня выбрала место у окна и за несколько минут успела справиться о здоровье, дороге, Незерфилде и, разумеется, о впечатлении, которое произвёл мистер Бингли.

Стоило разговору коснуться двух танцев с Джейн, как каждая улыбка Бингли начинала приобретать в её пересказе всё более серьёзное значение. При этом от миссис Беннет не укрылась пропавшая ложечка, между двумя замечаниями о Незерфилде она распорядилась оставить остатки кекса младшей прислуге и напомнила экономке, какое кружево следует снять со

старого платья Китти. Темы менялись одна за другой, но домашние дела каким-то образом успевали устраиваться между ними.

Джейн, сидевшая рядом, время от времени мягко возвращала материнские надежды к более скромным размерам. Когда миссис Беннет объявила, что приглашение на второй танец едва ли можно считать случайностью, Джейн только заметила, что мистер Бингли был любезен со всеми. Имя его, однако, заставило её на мгновение замолчать и, смущаясь, она попросила Элизабет передать сахар, хотя сахарница стояла совсем рядом.

— Из Незерфилда сегодня ещё не было известий, — заметила миссис Беннет. — Мисс Бингли, несомненно, должна пригласить Джейн, если там знают, что такое хорошие манеры.

Джейн тихо попросила мать не строить планов за людей, которые ничего не обещали. На это миссис Беннет возразила, что планы существуют именно для того, чтобы обещаниям было куда прийти.

Гостиная была рабочим пространством не меньше, чем местом отдыха. Вышивание, музыка, чтение, разговор и подготовка к визитам существовали одновременно. Молодая женщина могла вести беседу, следить за окружающими и держать в руках работу, к которой за четверть часа так ни разу и не прикоснулась. Рукоделие и музыкальная папка были не декоративными аксессуарами, а привычными предметами повседневной жизни девушек их круга.

Элизабет устроилась у окна с вышиванием, хотя игла почти всё время оставалась без дела. При встрече взглядами мы обменялись улыбками, и я ждала, что она вернётся к разговору, начатому на ассамблее, но она не торопилась. Только иногда, особенно когда речь заходила об ассамблее, её внимание задерживалось на мне дольше, чем требовала обычная вежливость. Любопытство никуда не исчезло, просто Элизабет, в отличие от многих, умела не задавать вопрос прежде, чем для него появится подходящий момент.

Во время одной из пауз к нам подошла Мэри с нотной папкой под рукой и напомнила о моём обещании посмотреть выбранную ею пьесу.

— Разумеется, если вы принесли именно ту музыку, которую действительно хотите играть, а не ту, которой собираетесь кого-то впечатлить.

Она удобнее перехватила папку.

— Я выбрала песню короче прежней, но всё же достаточно серьёзную, чтобы её нельзя было принять за уступку.

— Тогда выбор мне уже нравится. Перед отъездом посмотрим, насколько он оказался удачным.

Обычная серьёзность на мгновение смягчилась, и обратно к фортепиано Мэри вернулась без прежней напряжённости. Раскрывать папку сразу она не стала, словно впервые не чувствовала необходимости немедленно доказывать ценность выбранной музыки.

Тем временем разговор вновь коснулся Джейн и Бингли. И Лидия, до этого вполголоса споривша я с Китти об офицерах и предстоящей прогулке в Меритон, решила, что старшей сестре уделили и так больше внимания, чем следовало оставлять без ответа.

— Лейтенант Денни сказал, что непременно будет у меритонских лавок после полудня, и даже запомнил час с первого раза. Так что, Джейн, для приятной встречи письмо вовсе не обязательно.

Джейн напомнила, что речь шла о приглашении от мисс Бингли, но Лидия не увидела в этом существенной разницы.

— Вы ждёте приглашения, а меня уже ждут.

Давольная собой, она откинулась на спинку кресла, явно считая спор решённым. А Китти тотчас напомнила, что приглашение относилось к ним обеим, но, по мнению Лидии, общая прогулка ещё не делала успех общим. За этим спором Мэри снова открыла папку, Элизабет наконец забыла о вышивании, а миссис Беннет только похвалила младшую дочь за весёлость, так и не спросив, кто именно собирается сопровождать девушек.

Появившийся вскоре мистер Беннет застал как раз конец этого разговора и, выслушав Лидию, заметил, что молодой человек теперь располагает и местом, и временем встречи, а значит, для полного успеха ему остаётся лишь проявить достаточно сообразительности и явиться. Лидия приняла насмешку за поддержку, торжествующе посмотрела на сестёр и тем самым окончательно лишила отца удовольствия от собственного остроумия.

Обычный утренний визит давно превысил положенную четверть часа, но никто не собирался считать минуты. Разговор успел перейти от Бингли к музыке, от музыки к офицерам, а затем снова вернуться к семейным делам, так что правило пятнадцати минут начинало казаться одним из тех светских обычаев, которые особенно строго существуют в объяснениях и куда свободнее в реальной жизни.

Когда возникла наконец естественная пауза, мистер Беннет поднялся и напомнил, что я обещала собирать улики против его характера.

— Было бы нечестно с моей стороны скрыть комнату, где хранится большая их часть. Полагаю, библиотека даст вам достаточно материала для окончательного обвинения.

Леди Мэри без возражений осталась с миссис Беннет. Элизабет только подняла брови, будто заранее представляла, чем может закончиться подобная экскурсия, а я последовала за хозяином дома.

По мере того как мы удалялись от гостиной, голоса становились тише, пока за закрывшейся дверью не остался приглушённый шум семейного разговора. Библиотека оказалась самой спокойной комнатой Лонгборна: две стены занимали книжные полки, у окна стоял письменный стол с раскрытой книгой и несколькими листами бумаги, а кожа на подлокотниках кресла возле камина потемнела и истёрлась там, где годами ложились ладони хозяина. Было

нетрудно представить, почему мистер Беннет так охотно искал здесь убежище от остального дома.

Однако на этот раз он привёл меня в библиотеку не ради книг. Подойдя к письменному столу, он отодвинул несколько бумаг, снял с края тяжёлый том о землепользовании и достал из-под него старый конверт с потемневшей печатью Харкортов. Печать была сломана давно, бумага пожелтела по сгибам, а на обороте сохранилась короткая пометка другим почерком.

— Я нашёл это вчера среди бумаг моего отца, которые много лет безуспешно убеждал себя разобрать. Обычно подобные намерения заканчиваются тем, что папка перекладывается с одного края стола на другой, но герб Харкортов на конверте заставил меня проявить неожиданное усердие.

Конверт лёг передо мной, и уже без обычной насмешливости мистер Беннет объяснил, откуда он взялся.

— Мой отец исполнял обязанности мирового судьи. Около десяти лет назад возле полуразрушенной часовни на границе приходов Лонгборна и Меритона нашли слугу, бедняга простудился в дороге и был при смерти от сильной горячки. При нём были ключ и бумаги, связанные с Харкортами. Узнав об этих обстоятельствах, полковник прислал записку с просьбой оставить найденное у моего отца. Позднее бумаги вернули, а одно письмо осталось приколотым к карте участка и, вероятно, так и затерялось среди остальных документов.

Из конверта появился сложенный лист. Развернув его на столе, мистер Беннет продолжил:

— Само происшествие здесь почти не объясняется, зато несколько раз упоминается человек по имени Генри Уилмот. Судя по письму, он работал вместе с Харкортом, занимаясь какими-то опытами, но к тому времени между ними уже произошёл серьёзный разрыв. Причём разногласия, похоже, касались не только самих опытов.

Я придвинулась ближе.

— Чего именно Уилмот требовал от Харкорта?

— Об этом полковник пишет более ясно. Уилмот требовал вернуть ему некие предметы и дать доступ к механизмам. Харкорт считал, что тот не имеет права ни на одно, ни на другое. Что за предметы имеются в виду, не уточняется, но дальше есть несколько любопытных строк.

Библиотека английского землевладельца нередко служила кабинетом и домашним архивом. Среди книг хранились земельные планы, завещания, расписки, письма и документы прежних поколений. Мировые судьи, которыми часто становились местные джентльмены, занимались многочисленными делами своего округа и вели обширную переписку. Поэтому в бумагах отца мистера Беннета вполне могло сохраниться старое письмо, связанное с происшествием десятилетней давности.

Он повернул лист ко мне.

«…Уилмот снова требует вернуть ему предметы и получить доступ к механизмам, хотя не имеет на это ни права, ни разумного основания. Наши с ним опыты зашли дальше, чем он признаёт…»

Несколько следующих слов расплылись от сырости, однако ниже почерк снова становился разборчивым.

«…дама, чьё происхождение нам так и не удалось установить, останется на моем попечении, и до её возвращения я не передам никому…»

Строку я перечитала ещё раз, медленнее.

Мистер Беннет ничего не добавил, лишь указал на последнюю сохранившуюся строку:

«…Генри утверждает, что способен исправить ошибку, но я более не уверен, что он различает исправление и повторение…»

Над этими словами я задержалась дольше. Случайной старой бумагой письмо уже не казалось: когда-то оно относилось к незавершённому делу, а потом затерялось вместе с ним.

Уилмот, неизвестные опыты, предметы, которые Харкорт отказывался ему предоставить, и женщина, чьё происхождение не удалось установить, пока существовали в нескольких разрозненных строках. Но каждая из них подходила слишком близко к тайнам, на которые я сама пыталась найти ответ.

Дочитать письмо мистер Беннет мне не мешал и только потом спросил:

— Имя Генри Уилмота вам что-нибудь говорит? Мне, признаться, до вчерашнего дня оно не говорило ровным счётом ничего, поэтому я предпочёл бы не притворяться, будто понимаю события лучше вас.

— Я тоже никогда его не слышала. Но письмо должна увидеть леди Мэри, возможно, в семейных бумагах или старой переписке ей встречалось это имя.

— Разумно. Я охотно покажу ей оригинал письма, если она пожелает его увидеть, однако из библиотеки письмо пока не уйдёт. Оно слишком долго пролежало среди бумаг моего отца, чтобы я начал раздавать документы, происхождение которых ещё толком не выяснил.

Рука было потянулась к листу, но я остановилась. Как бы непосредственно письмо ни касалось Харкортов, найдено оно было здесь и принадлежало архиву Беннетов.

— Тогда позвольте мне переписать хотя бы сохранившиеся строки. Их можно будет показать леди Мэри и с них начать поиски Уилмота в наших бумагах.

Несколько секунд мистер Беннет смотрел на меня, а затем аккуратно сложил лист.

— Копию вы получите, но сделаю её я сам. Не потому, что подозреваю вас в намерении похитить половину моей библиотеки, а потому, что мы знакомы слишком недавно, чтобы я позволял вам свободно распоряжаться семейным архивом. Думаю, даже моя репутация ленивого хозяина допускает иногда подобную осторожность.

Почти шутливый тон не оставлял, однако, места для уступки. Письмо мистер Беннет убрал под тяжёлый том, сверху снова легла карта, и неудовлетворённое любопытство гостьи, похоже, нисколько его не смущало. В библиотеке беспечности в нём оказалось куда меньше, чем в собственной гостиной, и эта способность спокойно провести границу понравилась мне больше, чем если бы письмо сразу оказалось в моих руках.

Вернувшись в гостиную, я почти сразу поймала взгляд Элизабет. Моей рассеянности она, конечно, не пропустила, но при остальных расспрашивать не стала. Тем временем у фортепиано устроилась Мэри, раскрыв перед собой папку. Выбранная песня была проще той, которую Мэри играла на ассамблее, хотя длинная музыкальная фраза требовала как раз той лёгкости, которую Мэри обычно пыталась заменить старанием.

— Сыграйте первую страницу и, если ошибётесь, не останавливайтесь. Пусть музыка идёт дальше прежде, чем вы успеете решить, что одной неверной нотой всё испорчено.

На третьей строке палец всё-таки соскользнул с клавиши. На мгновение Мэри напряглась, но руки не остановились, следующий такт прозвучал тише, но мелодия спокойно продолжилась. Джейн, проходившая к окну, замедлила шаг и осталась дослушать.

Когда стихла последняя нота, Мэри повернулась ко мне, явно ожидая ответа.

— Вот теперь слышна сама песня, а не только старание сыграть без единой ошибки.

Джейн попросила повторить начало, и Мэри, ничего не сказав, снова коснулась клавиш. Первые звуки легли мягче, а прежняя настороженность исчезла, словно одна ошибка, пережитая без остановки, перестала казаться чем-то непоправимым.

К тому времени, когда Мэри закончила играть, визит уже подходил к концу. Миссис Беннет, однако, успела увлечь леди Мэри новым рассказом об общих знакомых, а экипаж всё ещё не подали. Несколькими свободными минутами воспользовалась Элизабет и предложила мне выйти в сад.

Дождь прекратился ещё утром, но дорожки оставались влажными. Яблони сбросили листья, а возле кухонной стены стояли корзины и садовые инструменты, скрытые от парадных окон.

Оглянувшись на дом, Элизабет сказала:

— Странно знать здесь каждый угол и всё же помнить, что однажды нам придётся отсюда уехать. После смерти отца Лонгборн перейдёт к родственнику по мужской линии, а мама и мы сможем оставаться здесь лишь до тех пор, пока новый хозяин это позволит. Она говорит о замужестве слишком часто и слишком громко, но сама опасность от этого не становится выдуманной.

За парадным фасадом английского загородного дома располагался целый хозяйственный мир. Кухонные сады снабжали семью овощами, зеленью и фруктами, во дворах хранили дрова, инструменты и припасы. Служебные входы позволяли прислуге перемещаться незаметно для гостей. Управление этим хозяйством требовало постоянного внимания хозяйки, даже если большую часть физической работы выполняли наёмные слуги.

После этих слов бесконечные разговоры миссис Беннет о будущем дочерей перестали казаться мне одной суетой.

— Сегодня я впервые увидела в ней не только женщину, которая торопит дочерей к алтарю. Она помнит, сколько ложек должно быть на столе, какое кружево можно снять со старого платья и кому из прислуги оставить кекс. Это не отменяет её неловкости, но теперь я хотя бы лучше понимаю, откуда берётся такая настойчивость.

Некоторое время мы шли молча. Затем Элизабет, с привычной иронией, призналась, что мать ждёт приглашения из Незерфилда и успела придумать несколько способов превратить один визит Джейн в три.

— Насколько я успела узнать миссис Беннет, отсутствие подобного плана должно было бы беспокоить вас значительно сильнее.

Элизабет рассмеялась и вспомнила, что на ассамблее подобной снисходительности к её матери с моей стороны не наблюдалось.

От дома донёсся голос миссис Беннет. Элизабет обернулась и предложила возвращаться, пока мать не отправила на поиски Лидию, но вместо парадного входа повела меня дальше вдоль стены.

— Если мы войдём с этой стороны, мама не успеет заметить мокрый подол прежде, чем закончит разговор с леди Мэри.

Боковая дверь вывела нас в узкий коридор, проходивший мимо бывшей детской. Сейчас её использовали как кладовую: у стены стояли сложенные ширмы, детский глобус без части Индийского океана и высокий шкаф с потемневшими дверцами.

Элизабет прошла мимо, но через несколько шагов остановилась, вернулась к шкафу и открыла одну из створок.

По внутренней стороне тянулись карандашные черты. Возле каждой стояли имя и год: Джейн — ровным почерком, Элизабет — чуть выше и с добавленным внизу смешным восклицательным знаком, Мэри, Китти, Лидия. Самая нижняя отметка почти стёрлась от времени. Рядом другой рукой было написано: «Лиззи утверждает, что встала на носки».

В романе Джейн Остин Лонгборн связан наследственным соглашением, по условиям которого имение должно перейти родственнику по мужской линии — мистеру Коллинзу. Пять дочерей Беннет не могли унаследовать эту недвижимость, хотя женщины в Англии имели право владеть иным имуществом. После смерти отца семья рисковала лишиться привычного дома и доходов. Особенно болезненным было то, что вместе с землёй новый владелец получал комнаты и вещи, хранившие память нескольких поколений.

— Миссис Беннет? — спросила я.

В ответ Элизабет кивнула.

— Каждый год в один и тот же день. Отец говорил, что разумные люди растут без письменного подтверждения, но всё равно приходил проверять, кто кого обогнал.

Пальцы её прошли по последней черте Лидии.

— Когда Лонгборн перейдёт мистеру Коллинзу, этот шкаф тоже станет его. Он сможет выбросить его, передвинуть или приказать закрасить наши имена. Самое нелепое в наследовании — чужому человеку достанутся даже доказательства того, как мы здесь росли.

— Дверцу можно снять и увезти.

— Можно. Но тогда придётся заранее решить, что дом не наш, и начать выносить себя по частям. Пока отец жив, я не хочу репетировать потерю.

Створка закрылась, и карандашные линии одна за другой исчезли за потемневшим деревом. Несколько секунд ладонь Элизабет ещё оставалась на дверце, потом она повернулась ко мне.

— Теперь можно возвращаться к остальным, иначе мама действительно пришлёт Лидию, а она обнаружит нас по одному удовольствию открыть все двери по дороге.

Перед нашим отъездом миссис Беннет пригласила приезжать чаще, успев в одной фразе упомянуть и близость Незерфилда, и прекрасные дороги в сухую погоду, и то обстоятельство, что Джейн никогда не жалуется на холод. Леди Мэри приняла приглашение, благоразумно не называя даты, а мистер Беннет пообещал на следующий день прислать выписку из найденного письма.

Лонгборн едва успел скрыться за поворотом, когда я рассказала леди Мэри обо всём, что удалось найти в библиотеке: о Генри Уилмоте, его «опытах», предметах и механизмах, которые Харкорт отказался ему предоставить, и неизвестной женщине под попечительством полковника.

На имени Уилмота привычное спокойствие леди Мэри едва заметно изменилось.

— Значит, вы его всё-таки знали?

— Видела несколько раз. Много лет назад Генри Уилмот работал с Эдвардом, и сначала брат ему доверял. Подробностей их занятий я не знала — Эдвард намеренно держал меня в стороне, — но помню, как постепенно менялось его отношение к Уилмоту. В какой-то момент он решил, что тот перестал понимать, где заканчивается допустимый риск. После серьёзной ссоры Эдвард отказался вернуть ему часть бумаг и, насколько мне известно, по крайней мере один предмет.

Некоторое время мы молчали. И всё же одна строка из письма не давала покоя.

— Там говорится о женщине, чьё происхождение им так и не удалось установить. Вы тоже подумали об Елене?

— Подумала. Но имени в письме нет. Эдвард мог знать эту женщину и всё же не иметь возможности подтвердить её происхождение. Пока мы можем сказать только, что она находилась под его защитой.

Немного помолчав, леди Мэри добавила:

— Я сама посмотрю письмо при первой возможности. А до тех пор лучше не соединять несколько совпавших деталей только потому, что нам хочется получить из них готовый ответ.

За окном медленно уходили назад мокрые поля, и постепенно наш разговор уступил место ровному стуку колёс.

Глава 8. Дождь над Незерфилдом

На следующее утро после визита в Лонгборн дворецкий Прайс вошёл в столовую вместе с газетой, двумя счетами и обычной утренней корреспонденцией. Писем от Беннетов среди неё не оказалось. Обещанную выписку из старого письма мистер Беннет должен был прислать сегодня, никаких других известий из Лонгборна я, разумеется, не ждала. И всё же отсутствие знакомого имени на конвертах заставляло задержать взгляд на подносе дольше. Причина была

не в найденном письме и не в Уилмоте. Я помнила другую сцену, и надвигающаяся непогода заставляла думать, что она может повториться.

Утро в загородном доме начиналось с корреспонденции не менее регулярно, чем с завтрака. Газеты, счета и частные письма приносили вместе, и несколько листов бумаги могли задать направление всему дню. За окнами тем временем сгущалась непогода: в сельской Англии дождь влиял не только на настроение, но и на поездки, визиты, доставку писем и возможность вернуться домой до темноты.

За окнами дождя пока не было, но с самого утра небо оставалось затянутым тяжёлыми облаками, под ветром пригибались верхушки буков, а к стёклам время от времени прилетали сухие листья. В книге Джейн отправилась в Незерфилд верхом, а её мать рассчитывала, что дождь задержит дочь в гостях.

Проверить, произошло ли это, было нетрудно; гораздо более трудным было объяснить, почему именно сегодня меня так занимают чужое приглашение, способ поездки Джейн и состояние неба над дорогой к Незерфилду. Поэтому оставалось только ждать и смотреть, подтвердит ли реальность то, что я слишком хорошо помнила заранее.

Леди Мэри отложила нож после того, как в третий раз заметила, что я смотрю в сторону окна.

— Если сегодня из Незерфилда придёт приглашение для Джейн, миссис Беннет вполне способна решить, что верховая прогулка будет особенно удачной идеей. А если к вечеру пойдёт дождь, возвращение домой станет гораздо менее удобным.

Леди Мэри посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— И почему вы так уверены, что миссис Беннет станет рассуждать именно таким образом?

— Потому что ночь в Незерфилде в её глазах наверняка покажется прекрасным продолжением знакомства. А дождь в таком случае будет не помехой, а почти союзником. После вчерашнего разговора мне несложно представить, как быстро она способна превратить случайность в часть хорошо продуманного плана.

Несколько мгновений леди Мэри молчала, словно решая, сколько именно я ей сейчас не говорю.

— И что вы намерены делать, если ваше предположение окажется верным?

— Пока я даже не знаю, получила ли Джейн приглашение. Но если она ещё не уехала, можно предложить ей нашу карету. В этом нет ничего необычного, когда собирается дождь.

— Предложить можно, — согласилась леди Мэри. — Прайс пошлёт человека в Лонгборн. Только не забывайте, что Джейн вправе распорядиться своим днём иначе, чем вам кажется разумным.

Леди Мэри велела позвать Прайса. Я попыталась вернуться к завтраку, но всё прислушивалась к шагам за дверью.

Большинство небольших сельских дорог Англии не имело современного твёрдого покрытия. После затяжных дождей глина размокала, колёса вязли, а лошади с трудом преодолевали глубокие колеи. Даже поездка на несколько миль могла стать утомительным испытанием. Более прочные дорожные покрытия уже применялись, но до многих просёлков улучшения ещё не дошли. Непогода нередко заставляла путешественников оставаться на ночь у знакомых.

Первый ответ из Лонгборна пришёл, когда дождь уже стучал по стёклам. Джейн уехала в Незерфилд: предложение кареты запоздало. За окнами стояла плотная серая завеса: ветви били по стёклам, а в водосточных трубах гремело так, что Бетси дважды заходила проверить каминную тягу. Читать не получалось, счета тоже недолго удерживали внимание, которое вся-

кий раз возвращалось к окну и к одной и той же мысли о дороге между Лонгборном и Незерфилдом.

Леди Мэри долго терпела мои попытки заниматься чем-либо ещё кроме наблюдений за погодой и наконец отложила книгу.

— Прайс ещё раз пошлёт человека в Лонгборн, — сказала она. — Возможно, от Джейн есть известия. Если она спокойно пьёт чай у Бингли, мы порадуемся, что волновались напрасно. А пока попробуйте всё-таки прочесть следующую страницу.

Известие пришло, когда за окнами начало темнеть. Посыльный, которого Прайс снова отправил в Лонгборн, привёз тревожную весть. Из Незерфилда сообщили, что Джейн сильно промокла по дороге, почувствовала себя плохо и останется у Бингли на ночь.

Знакомая последовательность перестала быть эпизодом, который когда-то был прочитан за несколько страниц. В этом мире между приглашением и болезнью лежали настоящие мили холодной дороги, мокрое платье, усталость и Джейн, которой предстояло провести ночь в чужом доме с начинающимся жаром.

— О её состоянии что-нибудь известно? — спросила леди Мэри.

— Только то, что она жаловалась на головную боль и жар. За ней присматривают, а если к утру не станет лучше, обещали послать за аптекарем.

После завтрака Прайс принёс новые сведения от человека, возвращавшегося из Лонгборна. За ночь Джейн стало хуже: жар усилился, горло болело сильнее, а сон почти не принёс облегчения. Но прежде чем я успела решить, что с этим делать, выяснилось ещё одно. Элизабет уже вышла из Лонгборна и направилась в Незерфилд пешком, не дожидаясь ни экипажа, ни того, пока дорога немного подсохнет.

Я переспросила, не пошёл ли кто-нибудь вместе с ней, но Прайс покачал головой: насколько ему было известно, Элизабет отправилась одна и собиралась пройти весь путь до Незерфилда пешком. После этого рассуждать из тёплой комнаты о том, где заканчивается разумная осторожность, и начинается ненужное вмешательство стало невозможным. Я решила, что наконец появился вполне понятный повод предложить помощь, и для этого не придётся объяснять, почему ещё вчера я ожидала именно такого развития событий.

— Если мы поспешим, то сможем догнать Элизабет и подвезти её хотя бы часть дороги. А если Джейн действительно стало хуже, можно захватить сухую одежду и всё, что может понадобиться на несколько дней. В Незерфилде это точно не будет лишним.

Некоторое время взгляд леди Мэри оставался на мне, словно она всё ещё пыталась понять, где заканчивается забота и начинается привычное желание немедленно вмешаться, но возражать не стала.

Через полчаса у крыльца стоял лёгкий экипаж. Со мной леди Мэри отправила Прайса, тёплую шаль и несколько сухих вещей для Джейн, а вдобавок снабдила строгим наказом не изображать врача только потому, что я умею считать пульс. Замечание было обидно разумным.

Недалеко от поворота к ферме мы догнали Элизабет. Шла она быстро, придерживая подол выше щиколоток; край пелерины потемнел от дождя, одна прядь выбилась из-под капора и прилипла к щеке. При виде экипажа Элизабет остановилась на обочине, но подходить не стала, пока я сама не открыла дверцу.

— Леди Мэри решила, что любовь к сестре не обязана измеряться количеством грязи на сапогах, а потому разрешила нам вмешаться хотя бы до тех пор, пока дорога позволяет это сделать.

Сначала Элизабет посмотрела на меня, потом на Прайса и корзину с вещами. Только после этого она заметила, что никого за экипажем не посылала.

— Я знаю. Но несколько сухих вещей и место в экипаже можно предложить и без предварительной переписки. Мы тоже едем к Джейн. Позвольте хотя бы часть дороги провести вместе.

Тревога за Джейн не оставляла ее лица, в котором читалась серьёзность и упорство одновременно.

— Хорошо, я поеду с вами, пока колёса действительно способны двигаться дальше. Но если дорога станет непроходимой, пойду пешком, а вы вернётесь.

— Тогда оставим окончательное решение самой дороге. Судя по её нынешнему состоянию, она вполне способна потребовать право голоса.

До фермы мы ехали почти молча. Время от времени Элизабет спрашивала, не пришло ли новых известий о Джейн, а потом снова умолкала и смотрела на корзину с сухой шалью и сменной обувью, словно само присутствие этих вещей могло хоть немного убеждать в том, что в Незерфилде нас ждёт нечто поправимое. На размытой дороге экипаж тяжело раскачивало, вода непрерывно барабанила по крыше, а Прайс, державшийся за ремень напротив, с каждым новым ухабом всё меньше походил на человека, уверенного в разумности нашего решения.

За фермой дорога стала заметно хуже. Колёса всё чаще вязли в размокшей глине, впереди поперёк пути застряла телега, а одна из лошадей поскользнулась даже на сравнительно ровном участке. После недолгого осмотра Прайс признал, что дальше экипажу лучше не рисковать. Кучеру он велел ждать у сарая, а сам дошёл с нами до развилки, где начиналась более твёрдая тропа, и только там повернул обратно. Остаток пути нам с Элизабет предстояло пройти пешком.

В эпоху Регентства женщины из состоятельных семейств совершали прогулки пешком, ездили верхом и пользовались экипажами. Для поездок по сельской местности надевали плотные пелерины, капоры и кожаную обувь. Однако долгая ходьба по грязи могла испортить платье и считалась неподходящей подготовкой к светскому визиту. Элизабет нарушала скорее представления о приличном внешнем виде, чем строгий запрет: забота о больной сестре вполне объясняла её поступок.

Поначалу она шла по-прежнему быстро, но за первой изгородью шаг стал короче, и левую ногу она всё заметнее берегла. У старого перелаза Элизабет остановилась, сославшись на капор, однако стоило ей приподнять подол, как настоящая причина стала понятна. На чулке проступила тёмная красная полоска: жёсткий край нового башмака натёр кожу над пяткой, и каждый следующий шаг давался всё труднее.

— Ну вот, — сказала Элизабет, разглядывая испорченный чулок. — Похоже, дорога всё-таки решила удержать часть меня в залог за право пройти дальше.

Я сразу предложила вернуться к ферме и послать кого-нибудь вперёд, но Элизабет отказалась, едва поняв, к чему я веду. Местный аптекарь мистер Джонс осмотрит Джейн, слуги принесут всё необходимое, но рядом с посторонними сестра скорее станет уверять, что чувствует себя лучше, лишь бы никого не беспокоить.

— Тогда хотя бы позвольте привести в порядок пятку. Пять минут на перекладине не сделают вас менее преданной сестрой, зато оставят некоторую надежду дойти до неё самостоятельно.

Согласилась она без особого желания, но боль перевесила упрямство. Платок пришлось сложить в несколько слоёв и закрепить лентой, снятой с внутреннего края пелерины. Пока я возилась с узлом, пальцы успели замёрзнуть, и вышло далеко не изящно, зато край башмака больше не задевал рану.

Осторожно поставив ногу на землю, Элизабет заметила, что чужое упрямство я, похоже, воспринимаю как задачу, которую непременно следует решить.

— Только если эта задача хромает и оставляет кровь на чулке.

Она улыбнулась, но тревога сразу вернула ее лицу серьёзность.

— Мне нужно быть рядом с Джейн не потому, что я сделаю больше врача или слуг. Просто каждому нужен хотя бы один человек, перед которым можно не уменьшать собственную боль ради чужого спокойствия.

Даже хорошая обувь могла сделать длинную прогулку невозможной. Жёсткий край нового башмака быстро натирал кожу, особенно во влажную погоду. В дороге обходились тем, что было под рукой: сложенный платок превращался в прокладку, а лента от одежды — в перевязь. Это одна из тех мелких бытовых трудностей, которые редко появляются на парадных изображениях эпохи, но постоянно сопровождали повседневное движение.

Грязь тянула сапоги вниз, под пелерину забирался ветер, а мокрый подол с каждым шагом становился всё тяжелее, так что вся возможная романтика прогулки по английской сельской местности постепенно оставалась где-то позади вместе с чистыми ботинками.

Дорогу Элизабет знала лучше меня и вела туда, где трава ещё удерживала землю. Дважды мне пришлось принять её руку, а на склоне поскользнулась она сама. Подхватив Элизабет за талию, я удержала нас обеих, и несколько секунд мы простояли, прижавшись плечами друг к другу.

Переведя дыхание, она не удержалась от замечания: мать наверняка сочла бы происходящее доказательством исключительной успешности своего плана, вместо одной промокшей женщины Незерфилд теперь получал сразу троих.

— Тогда постараемся хотя бы явиться без переломов, иначе миссис Беннет окончательно решит, что непогода действует исключительно в интересах её семьи.

Тут Элизабет всё-таки рассмеялась. Затем осторожно проверила землю носком и первой выбрала место, где под ногами было твёрже.

За чернеющими деревьями и пеленой тумана открылся Незерфилд, неожиданно светлый на фоне серого дня. В окнах горел тёплый свет, гравий подъездной аллеи еще сохранял подобие порядка, а после дождя каменные ступени блестели, так что издали богатый дом казался почти неподвижной безупречной декорацией, которой непогода только добавила выразительности. Но за дверями это впечатление легкости исчезло сразу: слуги сушили одежду, топили лишний

камин, носили наверх воду и меняли мокрое бельё. Вблизи становилось видно, сколько чужих рук требуется, чтобы домашний порядок со стороны казался естественным и не требующим усилий.

Прежде чем горничные успели снять с нас пелерины, в утренней гостиной появилась Кэролайн Бингли. На ней было светлое муслиновое платье, простое лишь на расстоянии. Наши мокрые подолы, сапоги и отсутствие кареты у дверей она оглядела без всякой спешки, но вместо ожидаемой колкости сразу позвала служанку.

Большой дом особенно легко создавал впечатление, будто порядок возникает сам собой. Свет в окнах, чистые ступени и спокойный фасад скрывали работу множества людей: нужно было сушить одежду, разжигать дополнительные камины, носить воду, менять бельё и принимать неожиданных гостей. Чем безупречнее выглядел дом снаружи, тем больше незаметного труда поддерживало это впечатление внутри.

— Мисс Беннет сейчас спит после очень беспокойной ночи, — сказала Кэролайн. — Жар усилился, кашель стал тяжелее, поэтому за аптекарем послали. Для вас обеих готовят сухие платья и обувь, но, если хотите сначала подняться к ней, можете это сделать. Только лучше постараться не разбудить её раньше времени.

Элизабет словно вовсе не услышала последних слов о переодевании.

— Скажите мне лучше прямо, насколько ей трудно дышать и нет ли чего-нибудь, о чём вы решили пока не говорить, прежде чем её осмотрят.

Пальцы Кэролайн на мгновение задержались на шнуре звонка, но отвечать уклончиво она не стала.

— Кашель действительно усилился, хотя на боль в груди Джейн не жаловалась. Горничная провела возле неё всю ночь, а мой брат дважды предлагал послать за доктором в город.

Поэтому убеждать вас, что это всего лишь лёгкая простуда, я не стану. Пока её состояние не кажется мне опасным, но и относиться к нему беспечно нельзя.

Слова были неприятными, зато в них не чувствовалось попытки успокоить Элизабет одной лишь вежливостью. Она заметно побледнела и только после этого позволила горничной помочь ей снять мокрую пелерину.

Всем остальным Кэролайн тем временем распорядилась с той точностью, которая не требовала ни суеты, ни повторных указаний: велела принести сухую обувь и горячую воду, приготовить щётки для испачканных подолов, отнести наверх чай и добавить ещё одно полено в камин Джейн. Появление двух промокших гостей явно не доставляло ей удовольствия, однако помешать ей быстро превратить неудобство в порядок это не могло. В доме никто не должен был остаться мокрым, замёрзшим или без необходимой помощи, и об этом Кэролайн позаботилась без лишних слов.

От воспитанной женщины состоятельного круга ожидали не только изящных манер, но и умения руководить домашним хозяйством. Приём неожиданных гостей требовал распоряжений экономке, горничным и лакеям: следовало приготовить комнаты, сухую одежду, горячую воду и угощение. Хозяйка не выполняла эту работу собственноручно, но отвечала за её организацию. Способность поддерживать порядок без суеты считалась важным достоинством английской леди.

На втором этаже, в большой комнате, лежала Джейн. Шторы здесь были прикрыты, в камине горел огонь, а на столике стояли вода, ячменный отвар и сложенные платки. У кровати дежурила молодая горничная; при нашем появлении она поднялась и только тогда позволила себе потереть глаза.

Неровными пятнами горели щёки Джейн, губы пересохли, дыхание заметно участилось. При виде сестры ей удалось улыбнуться, словно главным неудобством этой болезни оставалось чужое беспокойство.

— Лиззи, тебе не следовало идти по такой дороге. Мне уже лучше.

Элизабет сразу опустилась на стул возле кровати и взяла её за руку.

— Не нужно меня успокаивать, Джейн. Я и так вижу, как ты себя чувствуешь.

Я осталась у изножья, невольно следя за её дыханием, цветом лица, пересохшими губами.

Мистер Джонс, аптекарь, появился вскоре после нас. Плотный мужчина с покрасневшими от холода руками внимательно осмотрел горло Джейн при свече, посчитал пульс, расспросил о кашле и ознобе. К слову «аптекарь» я никак не могла привыкнуть: для меня оно означало человека за прилавком, а здесь именно аптекаря первым звали к больному, тогда как за доктором из города требовалось послать и дождаться его приезда.

По мнению мистера Джонса, у Джейн была воспалительная простуда. Он велел давать ей тёплое питьё, следить за дыханием и сразу послать за ним, если появится боль в груди.

В Англии начала XIX века аптекарь был не просто продавцом лекарств, а практикующим специалистом, которого часто первым приглашали к больному. Он осматривал горло, измерял пульс, расспрашивал о симптомах и назначал лечение. При серьёзном заболевании состоятельная семья могла дополнительно вызвать врача. Антибиотиков и современных диагностических методов не существовало, а многие применявшиеся средства были малоэффективны. Поэтому течение болезни нередко зависело от ухода и собственных сил организма.

Бингли всё это время ждал в коридоре. В спальню он не входил, но от двери далеко не отступал и, когда осмотр закончился, первым спросил:

— Следует ли вызвать доктора сейчас? Лошадь можно отправить немедленно.

Мистер Джонс пока не видел в этом необходимости. Бингли всё же успел уточнить, всё ли приготовлено в комнате, какой отвар следует давать Джейн и когда ждать следующего визита. Услышав его голос, Джейн открыла глаза. Через дверной проём они на мгновение встретились взглядами, и после этого Бингли заговорил заметно тише. Джейн же впервые не стала уверять, что чувствует себя совершенно здоровой.

Чуть позади Бингли стоял Дарси, свежая грязь на сапогах подсказывала, что вернулся он совсем недавно. Выслушав мистера Джонса, он еще раз уточнил, сколько займёт дорога за доктором и не стоит ли заранее приготовить письмо с просьбой приехать в Незерфилд, а затем попросил дворецкого держать одну из лошадей осёдланной на случай, если ехать всё-таки придётся.

После этого его внимание обратилось к Элизабет. Платье ей успели очистить только внизу подола, влажная прядь прилипла к виску, а ладонь по-прежнему лежала поверх руки Джейн.

Дарси посмотрел на испачканный край моей юбки, затем поднял глаза. Я встретила его взгляд и поняла, что ждала именно этого.

Между его бровями появилась короткая складка.

— Вам тоже пришлось пройти часть дороги пешком? После недавней болезни это кажется не самым разумным решением.

Поучать меня он не собирался и через мгновение добавил мягче:

— Простите, это прозвучало как укор, хотя я всего лишь хотел убедиться, что дорога не слишком вас утомила и вы хорошо себя чувствуете.

— Чувствую себя вполне хорошо, а в такой форме вопрос действительно звучит значительно приятнее.

Дарси едва заметно улыбнулся, и на этом разговор мог бы закончиться, если бы Элизабет, подняв голову от кровати, не успела заметить этот короткий обмен. Ничего не сказав, она немного дольше посмотрела на меня, прежде чем снова повернуться к сестре.

Стоило Джейн зашевелиться во сне, как Бингли понизил голос. Пообещав дождаться мистера Джонса внизу, он отошёл от двери. Дарси поклонился нам и последовал за ним.

С их уходом в комнате стало заметно тише. Остались только мерное потрескивание огня, шорох занавесей и шелест ткани в руках горничной, раскладывавшей принесённые для нас сухие вещи. Возле кровати снова устроилась Элизабет, а мне впервые с момента приезда удалось спокойно посмотреть на Джейн, не отвлекаясь ни на вопросы, ни на чужие взгляды.

К полудню дождь опять усилился настолько, что о возвращении не могло быть речи. Ещё прежде, чем кто-либо успел попросить, Кэролайн распорядилась приготовить для нас комнаты, а вскоре горничные без лишних слов занялись мокрыми вещами, которым предстояло ещё долго сохнуть и очищаться от дорожной грязи. За окнами вода скрыла дорогу, по которой мы пришли, и утренняя временная задержка постепенно превращалась в неизбежность: по крайней мере до следующего дня мы оставались в Незерфилде.

Переодеваясь, я сняла часы с внутренней петли и закрепила их под сухим лифом. Только после этого отдала мокрое платье горничной.

За дверью непрерывно проходили слуги и в этом негромком, но постоянном движении особенно ясно чувствовалось, насколько болезнь одной гостьи уже изменила привычный порядок всего дома, хотя внизу по-прежнему старались говорить обычными голосами и не придавать тревоге больше места, чем она сама успела занять.

Джейн спала спокойно. В коридоре стало тише. Из спальни Элизабет вышла только после обещания горничной позвать её при первом же движении больной, и вскоре нас проводили в небольшую соседнюю комнату, где у камина сушились наши перчатки, а на спинках стульев висели влажные пелерины. На стул Элизабет опустилась ненадолго, затем снова поднялась и подошла ближе к огню, протянув ладони к теплу.

— Мне любопытно, мистер Дарси всегда так внимательно следит за здоровьем малознакомых дам или сегодняшний случай следует считать исключением?

— Я слишком недавно с ним знакома, чтобы судить о его привычках, хотя меня действительно удивило не столько само беспокойство, сколько то, что он успел заметить собственный неудачный тон и исправил его.

Поверх протянутых к огню рук Элизабет посмотрела на меня.

— Значит, способность делать замечания даже в минуты любезности вы ему всё-таки оставляете.

— Этого достоинства я у него вовсе не отнимаю, но, пожалуй, на сегодня мистер Дарси получил достаточно нашего внимания.

Тихий смех Элизабет оборвался: за стеной спала Джейн. Она посмотрела в сторону сестриной комнаты.

К вечеру на спинке стула между нами продолжали сохнуть две пары мокрых перчаток, с них медленно стекала вода, собираясь на сложенном внизу платке. По окнам бил дождь, а вместе с последним светом серого дня постепенно исчезала и последняя возможность вернуться домой. До утра Незерфилд становился для нас неизбежной остановкой — и не потому, что так требовала знакомая история, а потому, что теперь другого пути действительно не оставалось.

Глава 9. Под одной крышей

К сумеркам дождь ослаб настолько, что его можно было различать отдельными каплями. За окнами Незерфилда серый день медленно превращался в раннюю ночь, а в комнате Джейн огонь приходилось поддерживать осторожно: слишком слабый не согревал, слишком сильный делал воздух тяжёлым и усиливал её головную боль.

Вечером жар у Джейн снова поднялся. Она то просыпалась, то погружалась в беспокойный сон, просила воды и всякий раз извинялась, будто болезнь была неловкостью, которую следовало искупить хорошими манерами. Хорошее воспитание она считала средством, которое следовало принимать вместе с отваром. Элизабет сидела у кровати, придерживая чашку у её губ, а я записывала время, когда давали отвар и меняли компресс, чтобы усталость не превратила заботу в догадки.

На второй этаж Бингли поднимался чаще, чем требовала необходимость узнать о состоянии Джейн. В спальню он не входил, но время от времени появлялся на площадке, звал Элизабет и спрашивал, не изменился ли жар, удалось ли сестре уснуть и не нужно ли ей чего-нибудь. Поначалу к этим вопросам неизменно добавлялось новое предложение: послать за доктором, приготовить другое лечебное средство, принести книги или велеть сильнее натопить комнату. Становилось понятно, что хуже самой болезни ему даётся невозможность хоть что-нибудь исправить немедленно.

В Англии XIX века спальня незамужней девушки считалась частным пространством. Даже знакомый джентльмен не должен был свободно входить туда без приглашения и подходящих обстоятельств. За больной обычно ухаживали родственницы, горничные и приглашённый медицинский специалист. Поэтому поведение Бингли вполне соответствовало правилам

приличия: он оставался поблизости, узнавал новости через Элизабет и выражал заботу, не нарушая уединения Джейн.

Элизабет поначалу относилась к этой суете настороженно, однако скоро перестала принимать её за одну лишь любезность хозяина. Бингли действительно слушал ответы и запоминал их, а узнав однажды, что Джейн наконец заснула, сразу заговорил тише, хотя между ними оставалась закрытая дверь. В другой раз он появился с книгой, которую она, по его словам, могла бы полистать, когда почувствует себя лучше. Протянув её Элизабет, Бингли и сам понял, насколько преждевременно выглядит подарок, но забирать книгу не стал. Пусть, объяснил он, у выздоровления заранее будет хотя бы одно занятие.

У Кэролайн беспокойство принимало совсем другую форму. Чем сильнее нарушался привычный порядок, тем внимательнее она следила за мелочами: в спальне не должно было становиться душно, горячая вода появлялась прежде, чем её успевали попросить, а горничные сменяли друг друга так, чтобы никто не засыпал в кресле возле кровати. Распоряжения отдавались коротко и спокойно, и повторять их никогда не приходилось. Даже раздражение из-за сбившегося распорядка у неё самым естественным образом превращалось не в суету, а в ещё большую собранность.

При этом изображать близость с Джейн, которой между ними не было, Кэролайн не пыталась. Она заходила ненадолго, спрашивала о самочувствии, убеждалась, что всё необходимое находится рядом, и оставляла больную отдыхать. Теплее от этого Кэролайн не становилась, но моё заранее сложившееся мнение о ней приходилось пересматривать.

Ближе к ночи на площадке появились Бингли и Дарси. Судя по нескольким услышанным словам, они обсуждали, удастся ли немедленно отправить человека за доктором, если Джейн станет хуже. Элизабет немного успокоила их, сообщив, что жар не усилился и Джейн удалось проспать почти час.

Бингли только переспросил, спокойно ли она спит сейчас, и, получив утвердительный ответ, заметно расслабился. Дарси, стоявший немного позади, добавил, что одна из лошадей по-прежнему осёдлана, так что при необходимости за доктором смогут выехать без задержки.

Развернувшись к лестнице и уже собираясь спускаться, Дарси заметил, что я всё ещё остаюсь у двери Джейн.

— Вы намерены провести здесь всю ночь?

— Пока Джейн нездоровится, я вряд ли стану следить за часами, хотя обещаю не считать собственное присутствие необходимой частью лечения.

Судя по появившейся между бровями складке, ответ его не вполне удовлетворил. После небольшой паузы Дарси заметил, что состояние больной едва ли улучшится от того, что я сама доведу себя до усталости, особенно после сегодняшней дороги.

— Вот теперь это действительно прозвучало укором, и на этот раз вам будет труднее убедить меня в обратном.

Вместо ответа он подозвал проходившую мимо горничную и попросил принести чай в соседнюю комнату, где мы с Элизабет могли бы отдыхать, оставаясь близко к Джейн. Распоряжение прозвучало так буднично, словно касалось только удобства гостей, и поэтому возражать против него было особенно трудно.

Кэролайн, поднимавшаяся сзади по лестнице, тут же сообщила с лёгкой сухостью, что чай заказан и должен появиться через несколько минут. В её тоне слышалось скорее не досада на Дарси, а напоминание о том, что хозяйка Незерфилда вполне способна сама позаботиться о своих гостях.

Когда все разошлись, Элизабет несколько мгновений смотрела на опустевшую лестницу, затем вернулась к сестре, поправила край одеяла у её плеча и только после этого обратилась ко мне.

— Мне начинает казаться, что мистер Дарси считает своим личным долгом следить за тем, чтобы вы не переутомлялись, даже если для этого приходится отдавать распоряжения всему дому.

— Боюсь, у мистера Дарси вообще довольно широкое представление о собственных обязанностях, особенно когда он решил, что кто-нибудь рядом ведёт себя недостаточно разумно.

Снова переведя взгляд на спящую Джейн, Элизабет оставила эту тему, а я предпочла не выяснять, что именно в нашем разговоре с Дарси показалось ей настолько занимательным.

Около десяти вечера дворецкий Харкорт-Хауса Прайс появился в Незерфилде. После того как утром он оставил нас с Элизабет у твёрдой тропы, ему удалось вернуться в поместье прежде, чем прямую дорогу окончательно размыло, а обратно пришлось ехать длинным объездом по почтовому тракту. Перед тем как он ушел от нас у развилки, я попросила привезти Бетси и мой дорожный сундук с бумагами, если станет ясно, что вернуться в тот же день не получится. Раз уж в Незерфилде предстояло задержаться, вечер можно было использовать хотя бы для того, чтобы ещё раз спокойно разобрать документы.

Леди Мэри просьбу выполнила и добавила к вещам короткую записку, в которой советовала не считать, будто Джейн поправится быстрее, если я сама обойдусь без сна и отдыха.

Бетси вошла в мою комнату с видом человека, которому большой незнакомый дом уже предоставил достаточно поводов для подозрительности. Пока она разбирала одежду, Прайс поставил дорожный сундук возле стола и передал мне ключ. До бумаг я добралась только после того, как дворецкий ушел.

Ничего необычного я увидеть не ожидала. Однако синяя нить, которую после случая с запиской стала оставлять под замком сундука, исчезла. Папка внутри лежала не совсем так, как я её оставила. Я перебрала бумаги одну за другой: всё было на месте. И всё же прежний порядок оказался нарушен слишком явно, чтобы списать это на дорогу. Сундук открывали, а документы просматривали.

Дорожные сундуки снабжали металлическими замками, а особенно ценные вещи дополнительно хранили в запирающихся шкатулках и бюро. Однако простой замок не гарантировал безопасности: его могли открыть подходящим инструментом, не повредив крышку. Для обнаружения постороннего вмешательства использовали печати, перевязи и другие примитивные способы контроля. Незаметная нить Анны — простой, но вполне разумный способ установить, открывали ли сундук в её отсутствие.

Бетси проследила за моим взглядом и быстро поняла, что меня насторожило. Прайс, по её словам, не выпускал сундук из виду всю дорогу; только в Незерфилде, уже после приезда, его на несколько минут передали одной из горничных, чтобы отнести наверх. Если кто-то заранее знал, что именно находится внутри, нескольких минут вполне могло хватить.

Мы всё ещё стояли у открытого сундука, когда в дверь постучали. Дарси пришёл узнать, не требуется ли нам чего-нибудь, но, едва увидев наши лица, задержался на пороге.

— Мой багаж открывали. Ничего не взяли, но кто-то просмотрел бумаги. Похоже, это случилось уже здесь.

О содержании документов он спрашивать не стал, вместо этого поинтересовался, кто мог войти в комнату и долго ли вещи оставались без присмотра, а затем предложил сообщить обо всём Бингли.

— Луше сообщить позже, иначе начнут расспрашивать слуг, и сразу станет понятным, что мы заметили случившееся. Будет правильным сначала выяснить, кто вообще поднимался сюда после нашего приезда.

Дарси немного помолчал, обдумывая, и в конце концов согласился: открытые расспросы действительно могли только насторожить того, кто открыл сундук. До утра будет разумнее ничего не предпринимать вслух, а просто узнать, кто имел доступ к этажу. Меня же он попросил держать дверь запертой.

Я закрыла сундук и повернула ключ. Листы были на месте, но тот, кто их читал, мог унести нужное и без них. Имена, даты, подписи… Я не знала, что именно ему понадобилось и как он собирался этим воспользоваться.

Когда я убрала ключ, Дарси тоже протянул руку к сундуку, будто хотел проверить, насколько прочен замок. Наши руки на мгновение оказались совсем рядом. Касания не случилось, но именно это я заметила слишком отчётливо и первой отступила, почти сразу рассердившись на себя за то, что вообще допустила подобные мысли.

Дарси спокойно продолжил, что не собирается расспрашивать меня о содержании бумаг. До утра, однако, лучше запирать комнату, а он тем временем постарается вместе с Бингли без лишнего шума выяснить, кто мог сюда войти.

— Вы снова излагаете решение так, будто моё согласие входит в него.

— Нет. Я исхожу только из того, что вы сами объяснили: вы хотите понять, кто открывал сундук, и при этом не хотите предупреждать того, кто это сделал. Если у вас есть другой способ добиться обоих результатов одновременно, я готов его услышать.

Возражать было затруднительно главным образом потому, что спорить пришлось бы не с его манерой распоряжаться, а с совершенно разумным предложением. В ответ я лишь кивнула, и, прежде чем выйти, Дарси попросил не передавать ключ никому, после чего отправился искать Бингли.

Лишь когда его шаги стихли в коридоре, Бетси заметила, что мистер Дарси принадлежит к тем мужчинам, которые особенно убедительны именно тогда, когда совершенно уверены в собственной правоте.

— Боюсь, это состояние встречается у него достаточно часто.

Вместо дальнейших рассуждений мы передвинули сундук ближе к кровати, после чего через его ручку Бетси пропустила шёлковую ленту через застёжку и привязала её к тяжёлому стулу. Подобная мера едва ли остановила бы человека, всерьёз решившего добраться до содержимого, однако открыть сундук незаметно теперь стало значительно труднее.

Оглядев получившееся сооружение, я заметила, что изяществом оно явно не отличается.

— Зато стул тяжёлый, — невозмутимо ответила Бетси, и этим сочла вопрос решённым.

Бетси осталась в комнате, а я вернулась к Джейн. К тому времени в Незерфилде уже стихла большая часть дневного движения: двери закрывались осторожнее, огонь в коридорных лампах убавили, и только возле спальни Джейн по-прежнему сохранялась та настороженная тишина, которая возникает, когда ждут перемены в состоянии больного.

После полуночи жар у Джейн начал понемногу спадать, дыхание стало ровнее, и даже Элизабет, до этого замечавшая каждое движение сестры, несколько раз позволила себе откинуться на спинку кресла. Уходить она, однако, по-прежнему не собиралась и утверждала, что отдыхает здесь ничуть не хуже, чем могла бы в собственной постели.

— Если вы проведёте в этом кресле остаток ночи, утром Джейн получит возле себя сиделку, которой самой требуется отдых. Позвольте мне остаться хотя бы на несколько часов: если температура снова поднимется или она проснётся, я сразу вас позову.

Элизабет посмотрела на меня с явным намерением отказаться и напомнила, что я сама почти не отдыхала с самого утра.

— Это правда, но я по крайней мере не прошла несколько миль по грязи со стёртой пяткой и не просыпаюсь от каждого изменения её дыхания. Вы гораздо нужнее Джейн завтра, когда она окончательно проснётся и начнёт уверять вас, что совершенно здорова.

Возражение уже появилось на лице Элизабет, но Джейн шевельнулась во сне, и мы обе замолчали. Несколько минут Элизабет продолжала сидеть неподвижно, следя за дыханием сестры, после чего всё-таки признала, что два или три часа сна едва ли можно считать предательством, если я действительно обещаю разбудить её при малейшей перемене.

Мы вместе вышли в коридор. До комнаты Элизабет нужно было пройти мимо моей двери, и здесь она неожиданно замедлила шаг, словно вспомнив что-то, о чём до сих пор не находилось подходящего времени спросить.

— Я хотела узнать, не случилось ли у вас чего-нибудь. Возле вашей комнаты было необычно много движения, а потом я увидела выходящего отсюда мистера Дарси. По его виду можно было предположить, что произошло нечто значительно серьёзнее затянувшегося дождя.

Невольно улыбнувшись, я заметила, что серьёзное выражение лица едва ли можно считать надёжным признаком бедствия, если речь идёт о мистере Дарси, однако на этот раз её наблюдение действительно имело основание.

— Кто-то открыл мой дорожный сундук после того, как его принесли наверх. Ничего не исчезло, но бумаги просматривали, а значит, это было не обычное любопытство человека, случайно наткнувшегося на незапертую вещь.

Почти сразу последовал вопрос, уверена ли я, что бумаги действительно просматривали и кто ещё знает о случившемся.

— Уверена. Пока знают Бетси и мистер Дарси. Он пришёл, когда мы обнаружили следы вторжения, и предложил выяснить, кто входил в комнату, не предупреждая виновного.

На мгновение Элизабет задумалась.

— Тогда я понимаю, почему он выходил отсюда с таким выражением лица. Признаюсь, сначала мне пришло в голову объяснение значительно менее тревожное.

— И значительно менее интересное, надеюсь.

— Для вас — возможно.

На этом она пожелала мне спокойной ночи и ушла к себе, оставив последнее замечание без объяснений.

Вернувшись к Джейн, я снова устроилась в кресле возле кровати. Незерфилд погружался в сон, но в коридоре время от времени слышались шаги. Я прислушивалась к ним, пока они не удалялись от двери, и только тогда снова различала потрескивание углей и тихий шум дождя.

Перед рассветом кожа Джейн перестала обжигать ладонь, дыхание стало ровнее, и она попросила воды ясным голосом. Все позволили себе осторожное облегчение, не называя его выздоровлением. Бингли же остановился на площадке, закрыл глаза на короткое мгновение, прежде чем поблагодарить горничную так серьёзно, будто именно она вернула ему возможность дышать.

С первыми лучами снова приехал мистер Джонс. Он осмотрел Джейн, попросил её сделать несколько глубоких вдохов и долго слушал дыхание, склонив голову к самому плечу. Потом отмерил обычную порцию лекарства, не больше вчерашней.

Бингли, ждавший в коридоре, спросил, не следует ли добавить другое средство теперь, когда болезнь наконец отступает.

— Именно теперь добавлять ничего не следует. Организм мисс Беннет справляется. Не станем мешать ему ради удовольствия почувствовать себя деятельными.

Ответ успокоил Бингли меньше, чем новое назначение, но он кивнул и ушёл распорядиться о завтраке.

На лестнице, задержавшись, чтобы надеть перчатки, аптекарь уже собирался уходить, когда я спросила, действительно ли он настолько уверен в улучшении.

— Уверен достаточно, чтобы не усиливать лечение. Это не одно и то же.

Как выяснилось, ночью ему принесли записку из Лонгборна: родственница больной советовала испробованное укрепляющее средство и просила не жалеть дозы.

— Семье легче переносить страх, когда она видит действие, — продолжил он. — Новая бутылка, другой порошок, ещё одна сиделка у постели. Если больному становится лучше, все благодарят средство. Если хуже — говорят, что начали слишком поздно. Ничего не прибавить бывает труднее, чем назначить лишнее.

Уходя, мистер Джонс пообещал вернуться к вечеру, если жар снова поднимется.

Тем временем обычный распорядок дома начал возвращаться, хотя ночь явно далась всем тяжелее, чем можно было предположить по аккуратно накрытому к завтраку столу.

За утренним туалетом, пока Бетси укладывала мои волосы в простой узел и доставала из привезённых вещей одно из моих утренних платьев, я узнала, чем закончились ночные расспросы Прайса и Дарси. Стараясь не привлекать лишнего внимания, оба выясняли, кто принимал наши вещи после приезда, и постепенно сумели восстановить несколько минут, в течение которых сундук действительно оставался без присмотра: служанка внесла его в мою комнату, поставила возле кровати и сразу вышла за горячей водой.

Как рассказала Бетси, девушка настолько испугалась, что её сочтут виновной или уволят за неосторожность, что во время разговора расплакалась, хотя ничего в её поведении не указывало на причастность к случившемуся. Меня это беспокоило больше, чем помогало расследованию: тот, кто открывал сундук, уже создал достаточно проблем, и превращать перепуганную служанку в удобного подозреваемого только потому, что она на несколько минут оставила комнату пустой, я не собиралась.

В 1811 году комнаты освещали свечами, масляными лампами, а в некоторых богатых домах уже использовали газ. Свечные фитили подрезали специальными щипцами, огарки заменяли, подсвечники очищали от воска. Утром прислуге приходилось заново готовить всё необходимое к наступлению вечера. Многочисленные канделябры свидетельствовали не только о достатке, но и о значительных расходах и постоянном труде слуг.

— Передайте Прайсу, чтобы её больше не расспрашивали при других слугах и тем более не обвиняли без доказательств. Если кто-то воспользовался её отсутствием, страх потерять место не сделает её виноватой и уж точно не поможет нам узнать, кто действительно сюда входил.

После чего я снова отправилась в комнату Джейн.

Перед самим завтраком сюда заглянула и Кэролайн. Улучшение больной было настолько заметно, что она предложила Элизабет воспользоваться передышкой хотя бы для того, чтобы немного отдохнуть. Элизабет поблагодарила, но уходить не собиралась.

— Я останусь, пока Джейн сама не попросит меня уйти. Здесь о ней прекрасно заботятся. Но со мной ей не приходится объяснять каждую мелочь или уверять, что ничего не нужно.

На мгновение внимание Кэролайн задержалось на моём лице, и я невольно вспомнила ночной разговор с Дарси у своей комнаты. Если Кэролайн и узнала о случившемся, вслух она этого не показала.

Джейн снова уснула, в комнате установилась такая тишина, что ещё одно бодрствующее лицо возле кровати стало казаться лишним. Я вышла в коридор и у лестницы встретила Дарси, поднимавшегося с письмом в руке. Места хватало, чтобы спокойно разойтись, но у перил он задержался, чтобы пропустить меня. Я тоже замедлила шаг и, заметив тёмное пятнышко чернил на его манжете, подумала, что утро у него, должно быть, началось давно.

Внимание мужчины к незамужней девушке оценивали не только по словам, но и по поступкам. Предложенная помощь, забота о безопасности и готовность потратить личное время могли свидетельствовать об особом расположении. Однако подобные жесты ещё не означали намерения жениться. Для окружающих значение имела их повторяемость: чем чаще джентльмен выделял одну даму среди остальных, тем вероятнее становились разговоры о его чувствах.

О сундуке мы заговорили почти сразу. Дарси успел выяснить, что такой замок можно открыть тонким инструментом и почти не оставить следов. Бингли велел без необходимости не подниматься на этаж, объяснив это покоем Джейн, так что теперь круг людей, которые могли свободно ходить по коридору, заметно сузился. Пока, однако, ничего нового не появилось. Никто из слуг не пытался внезапно уехать или уйти из дома, и ни один слуга не привлекал к себе больше подозрений, чем остальные.

— Значит, вы потратили часть ночи на выяснение того, кто мог добраться до моих бумаг. Я надеялась, что хотя бы после нашего разговора вы ограничитесь несколькими вопросами, а не превратите Незерфилд в место скрытого расследования.

— Именно несколькими вопросами я и ограничился. Куда больше времени ушло на то, чтобы убедить Бингли не видеть подозреваемого в каждом слуге, проходившем по коридору. Мы знаем слишком мало, и чем меньше шума поднимем сейчас, тем лучше.

Наверху показалась Элизабет. Увидев нас на лестнице, она замедлила шаг, и мы с Дарси почти одновременно отступили друг от друга, освобождая ей дорогу. Элизабет сказала, что сестра спит и жар уменьшился, но, проходя мимо, всё-таки успела взглянуть сначала на Дарси, а потом на меня.

Дарси коротко поклонился и продолжил подниматься, а я пошла вниз. Разговор между нами все не отпускал. Дело было не столько в сундуке, сколько в том, что Дарси вообще решил заняться этим происшествием сам, хотя легко мог поручить это Бингли или Прайсу.

К полудню стало ясно, что Джейн идёт на поправку. Она выпила немного бульона и даже смогла несколько минут поговорить с Элизабет, не закрывая глаза от усталости после каждой второй фразы. Только тогда Бингли после долгих колебаний получил разрешение ненадолго зайти к ней вместе с Кэролайн. Дверь оставили открытой, а сам он остановился у порога, словно лишние несколько шагов могли избавить Джейн от необходимости считать его присутствие ещё одной заботой.

Поначалу говорили о самом безопасном: о погоде, размытой дороге и надежде, что дождь не возобновится и выглянет солнце. Бингли явно старался не спрашивать ничего, что слишком откровенно выдало бы его тревогу, а Джейн отвечала ему охотно и со слабой улыбкой. И именно в разговоре с ним она впервые не попыталась убедить окружающих, что чувствует себя совершенно хорошо.

Этого небольшого улучшения хватило, чтобы к вечеру дом немного расслабился. Возле спальни уже не мелькали каждые несколько минут горничные, а Элизабет согласилась спуститься к ужину, правда после того, как Джейн сама попросила её хотя бы ненадолго уйти. За столом поначалу говорили тише обычного, но необходимость постоянно возвращаться к болезни постепенно исчезла, и впервые за день разговор добрался до тем, не связанных ни с лекарствами, ни с дождём, ни с дорогой.

От музыки и рисунка довольно быстро перешли к тому, что вообще следует считать хорошим образованием для женщины. Кэролайн одну за другой добавляла к списку языки, манеры, лёгкость в обществе, умение поддерживать разговор и ещё несколько достоинств, так что в конце концов перед нами возник недостижимый образ женщины, которой пришлось бы посвятить половину жизни подготовке к безупречному появлению в гостиной.

Дарси выслушал её и заметил, что без серьёзного чтения все эти умения легко остаются лишь приятным украшением. Список после этого короче не стал, зато мне всё труднее было отделаться от простой мысли: от женщины требовали уметь удивительно многое, а вот решать, на что именно употребить все эти способности, позволяли куда реже.

После замечания Дарси внимание Кэролайн естественным образом обратилось ко мне. Ей стало интересно, что именно я сама считаю необходимым для женщины, если привычный набор музыки, рисунка, языков и хороших манер кажется недостаточным.

— Наверное, прежде всего способность пользоваться собственным умом не только тогда, когда это делает женщину приятнее в обществе. Если образование требуется лишь для того, чтобы лучше играть, рисовать и поддерживать разговор, оно слишком легко становится ещё одним украшением.

Кэролайн приподняла брови, словно мой ответ оказался более необычным, чем она ожидала.

— Тогда вы полагаете, что образованная женщина непременно должна искать применение своим знаниям вне дома и превращать их в какое-нибудь самостоятельное занятие?

— Я не думаю, что знания непременно должны вести женщину из дома. Но было бы странно потратить годы на то, чтобы научить человека рассуждать, а затем ожидать, что во всех важных вопросах он охотно предоставит это право кому-нибудь другому.

До этого Элизабет молча слушала разговор, но теперь взглянула на меня поверх бокала и с лёгкой усмешкой заметила, что я обладаю редкой способностью начинать с вполне безобидного вопроса и через несколько утверждений обнаруживать в нём спор с устройством мира, причём само устройство мира, по всей видимости, редко успевало подготовиться к защите.

— Боюсь, устройство мира довольно часто начинает этот спор первым, а мне остаётся только отвечать, когда его аргументы оказываются особенно настойчивыми.

На несколько мгновений за столом стало тише. Дарси промолчал, только сдвинул руку возле бокала. До этого он чаще смотрел на Элизабет, словно ожидал, что она вступит в спор. Теперь его взгляд возвращался ко мне. Я не могла понять, согласен ли он со сказанным, но слушал он сосредоточенно. Подняв бокал, я заметила, что держу его тонкую ножку крепче, чем того требовало даже самое серьёзное обсуждение устройства мира.

После ужина комнату заполнила музыка. За фортепиано оказалась Кэролайн, игравшая с той безупречной манерой, при которой каждая нота находилась именно там, где ей полагалось быть, и ни один звук не осмеливался позволить себе лишнего. Внимание Элизабет тем временем то и дело ускользало к шагам наверху, отчего момент, когда Дарси поднял на неё глаза, прошёл для неё незамеченным. Мне же оставалось только заставить себя сидеть неподвижно, хотя желание каким-нибудь образом отвлечь его внимание возникло раньше, чем я успела признать его совершенно нелепым и оттого особенно досадным.

Через несколько минут Дарси спросил, не холодно ли мне у окна. Вполне возможно, он имел в виду именно это и ничего больше, но я успела придать простому вопросу смысл, которого в нём могло вовсе не быть. Ответив, что мне вполне тепло, я перевела взгляд на Элизабет и только тогда заметила, что книга в её руках закрыта. Та самая книга, которую весь вечер она держала перед собой с примерным усердием, почти не читая.

Музыка ещё некоторое время заполняла комнату, а когда за фортепиано больше никто не сел, Кэролайн вскоре переместилась ближе к Дарси. Разговор между ними завязался без усилий и настолько естественно, что её намерение привлечь к себе его взгляд легко было бы принять за случайность. К несчастью, к подобным случайностям я начинала присматриваться внимательнее, чем самой хотелось.

Этот разговор почти повторяет знаменитую сцену восьмой главы «Гордости и предубеждения». В обществе Регентства образованной девушке полагалось владеть музыкой,

рисованием, танцами, иностранными языками и искусством беседы. Дарси у Остин добавляет к этому перечню развитие ума посредством чтения, а Элизабет сомневается, что подобная совершенная женщина вообще существует. Анна идёт ещё дальше: она спрашивает не о количестве приобретённых талантов, а о праве женщины самой распоряжаться своими знаниями и жизнью.

После ужина, казалось, все разошлись по своим комнатам, и только Элизабет вернулась к постели Джейн, которая наконец крепко уснула. Сон не приходил, и после нескольких бесплодных попыток занять мысли чем-нибудь другим, я отправилась в библиотеку. Себе я объяснила это желанием найти книгу. Объяснение было не особенно убедительным даже перед самой собой.

На одном из столов обнаружилась стопка старых газет и журналов, и после письма, найденного в Лонгборне, привычные печатные страницы приобретали для меня совсем другой смысл. Сначала внимание неожиданно привлекло имя Уилмота, затем последовали сообщения о смерти Харкорта, судебные объявления и сведения, касавшиеся наследственных дел. Несколько номеров подряд, однако, не дали ничего, кроме чужих долгов, давно разрешённых тяжб и людей, чьи семейные несчастья пережили самих участников исключительно благодаря типографской краске.

Очередная газета почти отправилась обратно в стопку, когда среди сообщений о кредиторах и наследниках взгляд остановился на небольшом объявлении.

Опубликовано оно было после смерти Эдварда Харкорта, но ещё до моего появления в Хартфордшире.

Лист пришлось придвинуть ближе к свету.

Лиц, располагавших достоверными сведениями об обстоятельствах брака полковника Эдварда Харкорта, а также о рождении и законном положении его ребёнка, просили сообщить известные им обстоятельства представителям лиц, заинтересованных в правильном урегулировании имущества покойного.

Ни одного упоминания имени Анны Харкорт в объявлении не было.

Прочитав его ещё раз, я снова посмотрела на дату, хотя прекрасно понимала, что цифры от повторной проверки измениться не могли.

Сам по себе такой розыск едва ли казался чем-то незаконным или даже особенно странным. Много лет проживший за пределами Англии мужчина вполне мог оставить после себя семейные обстоятельства, о которых родственники знали лишь понаслышке, а появление после его смерти дочери, претендующей на часть состояния, давало осторожному поверенному достаточно оснований выяснить, действительно ли существовали и жена, и ребёнок.

Настораживало другое — время.

Сведения о дочери Харкорта разыскивали ещё до моего появления в Хартфордшире. Кому-то понадобилось независимо подтвердить её существование.

Или, что было значительно неприятнее, опровергнуть его.

Если речь шла о попытке проверить прочность приготовленной для меня биографии, одних только бумаг было недостаточно. Значение имело и другое: найдётся ли хоть один живой свидетель, способный им противоречить. Возможно, прошлой ночью в моём сундуке искали ответ на тот же вопрос.

Газеты публиковали не только новости, но и объявления о наследстве, долгах, завещаниях и розыске людей, располагавших важными сведениями. Наследственные споры требовали подтверждения родства, брака и прав на имущество. Свидетельства очевидцев, церковные записи и семейная переписка могли оказаться решающими. Для человека, чьё происхождение вызывало сомнения, небольшое газетное объявление представляло гораздо большую опасность, чем самые настойчивые светские расспросы.

За дверью скрипнула половица.

От звука я оторвалась от газеты и подняла взгляд.

На пороге библиотеки стоял Дарси. Несколько мгновений он не входил, лишь смотрел на раскрытые передо мной газеты, пока наконец его внимание не остановилось на листе, который я всё ещё придерживала ладонью.

— Это имеет отношение к вашим бумагам? — спросил Дарси. — Если вы готовы рассказать, я хотел бы понять, что вас встревожило.

Дарси вошёл в библиотеку, но остановился по другую сторону стола. Он ждал моего ответа, не пытаясь заглянуть в газету. Я посмотрела на объявление, потом на него.

Глава 10. Вечерние разговоры

Расправив газету на столе, я подвинула её ближе к свече. Сначала я указала на дату, а затем провела по нескольким строкам в середине объявления.

— Оно появилось после смерти отца, но ещё до того, как меня привезли к леди Мэри. Здесь разыскивают людей, которые могли бы подтвердить его брак, рождение ребёнка и законность этого рождения. Моего имени нет, однако трудно представить, о ком ещё идёт речь, если спустя несколько недель именно я должна была появиться как дочь Эдварда Харкорта и наследница части его состояния.

Дарси читал молча. Дойдя до конца, он ещё раз посмотрел на дату, задержался на ней взглядом, словно прежде, чем согласиться с самым неприятным объяснением, хотел проверить самое простое.

— Сам по себе такой розыск я бы не счёл странным. Если полковник долго жил за пределами Англии, поверенным могли понадобиться подтверждения его семейных обстоятельств. Даже наличие документов не исключает такой проверки. Важно другое: кто заказал объявление, почему именно тогда и что к тому времени знал о вас.

Через объявления в газетах можно было обратиться к людям, располагавшим сведениями о давно заключённом браке или неизвестных родственниках. Однако газетное сообщение само по себе не доказывало законность происхождения. Для наследственного дела требовались документы, приходские записи и свидетельства людей, способных подтвердить семейные обстоятельства. В ночной библиотеке Анна показала Дарси объявление, разыскивавшее сведения о браке полковника Харкорта и существовании его ребёнка. Самое тревожное заключалось в дате: поиски начались ещё до появления Анны.

— Именно поэтому я и не могу решить, что передо мной: обычная проверка плохо известных семейных обстоятельств или попытка заранее выяснить, насколько легко будет подтвердить либо оспорить моё происхождение.

Дарси немного отодвинул газету.

— Кто распоряжался бумагами после смерти вашего отца?

— Мистер Крейн предъявил полномочия на завершение наследственных дел. Но письма и документы, связанные с моим родством, появились раньше. Часть распоряжений отец оставил при жизни, поэтому было бы слишком удобно объяснить всё одним Крейном, как бы мне ни хотелось получить такой простой ответ.

— Поэтому и нельзя считать его источником всего происходящего. Сначала нужно понять, что передал ваш отец сам, а что прошло через контору Крейна.

Я рассказала о письмах, которые Крейн посылал леди Мэри, и о его настойчивом интересе к моей памяти. Произнеся всё это вслух, я и сама ясно услышала то, что тревожило больше остальных странностей.

— Меня беспокоят даже не сами вопросы, а то, когда они появились. Когда меня привезли в Харкорт-Хаус, письмо уже ждало леди Мэри. Крейн заранее хотел знать, узнаю ли я людей, смогу ли рассказать о своём прошлом, покажутся ли мне знакомыми вещи, которые были при мне.

Газета в руках Дарси опустилась окончательно.

— Нужно установить, когда Крейн написал это письмо и когда мог узнать о вашей болезни. Пока мы знаем только, что оно пришло раньше вас. Если вопросы о памяти появились до того, как ему могли сообщить о вашем состоянии, это действительно меняет дело.

— Я сверю дату письма и попрошу леди Мэри вспомнить, когда его принесли.

— Обвинять Крейна рано. Но можно попытаться установить границу. Выяснить, какие бумаги существовали при жизни полковника Харкорта, кто их составлял и где они хранились. А потом посмотреть, когда к ним получил доступ Крейн.

Мысль оказалась достаточно простой, чтобы не превращать её в ещё одну догадку.

— Тогда с этого и начнём. И остаётся Уилмот, — добавила я. — Нужно понять, куда после его ссоры с отцом могли попасть их бумаги и не связана ли эта история с конторой Крейна.

Дарси подтянул к себе лист бумаги и записал несколько строк.

— Сначала нужно выяснить, кто заказал объявление и куда просили направлять ответы. Если это действительно была обычная проверка перед наследством, где-нибудь должен был сохраниться след.

— Только без моего имени в письмах, — добавила я. — Пока мы не понимаем в чем причина запросов Крейна и от кого он может получать сведения, не стоит показывать никому мою заинтересованность. И перед отправкой, я хочу прочитать письмо сама.

Дарси отложил перо и посмотрел на меня.

На этом разговор можно было закончить. Дарси согласился с моими условиями, и я это ценила. Но наш спор на ассамблее оставался неоконченным; после всего, что я видела возле постели Джейн, оставить его мне было трудно.

— А если речь идёт о Бингли, вы тоже готовы оставить последнее решение ему?

Дарси нахмурился.

— Я вовсе не думаю, что вправе решать за него. Но я давно его знаю. Бингли охотно доверяет людям и скорее найдёт хорошее объяснение чужому поступку, чем заподозрит дурное. Обычно это качество говорит в его пользу, но хотя порой мешает вовремя заметить неприятное позже других.

— Одно дело предостеречь друга от человека, которому вы не доверяете, и другое — решить, что он ошибается в собственных чувствах. Особенно если речь идёт о Джейн Беннет.

На этот раз пауза затянулась.

— Бингли явно ею увлечён. А вот в чувствах мисс Беннет я не уверен. Она неизменно добра к нему, но настолько сдержанна, что понять, далеко заходит её расположение, трудно. Зато надежды её семьи скрыть невозможно, и это невольно заставляет быть осторожнее в выводах.

Перед глазами возникла Джейн, больная, уставшая и всё равно убеждающая остальных, что беспокоиться о ней не стоит.

— Я бы поостереглась судить о ней только по тому, как она ведёт себя в гостиной. Джейн не любит перекладывать свои чувства на других. Даже когда ей плохо, первой её заботой остаётся убедить окружающих, что всё не так серьёзно. Я не знаю, любит ли она Бингли. Но если она не показывает этого так открыто, как хотелось бы наблюдателю, это ещё не значит, что ей всё равно.

Дарси выслушал меня, не перебивая.

— Если мне придётся говорить с Бингли о ее чувствах, я постараюсь не выдавать собственные догадки за то, что знаю наверняка. Но если увижу, что он увлёкся настолько, что перестал замечать очевидное, молчать только ради того, чтобы не вмешиваться, не обещаю.

— Я не прошу молчать. Просто оставьте ему возможность самому решить, что делать с вашим предупреждением. И не позволяйте предположению о чувствах Джейн стать для него готовым ответом.

Дарси только слегка склонил голову и вернулся к обсуждению вопросов, которые относились к моему наследству.

— Утром я подготовлю запросы по Крейну, Уилмотк и газетному объявлению. Вы прочтёте их прежде, чем они будут отправлены.

— Тогда до завтрака я постараюсь не обвинять вас в неодолимой привычке устраивать чужую жизнь по собственному разумению.

На этот раз улыбка почти появилась.

— Постараюсь распорядиться предоставленной отсрочкой разумно.

Из библиотеки мы вышли вместе и только у лестницы остановились, наши комнаты находились в разных сторонах дома. Дарси пожелал мне доброй ночи, но уходить не спешил. Несколько мгновений он словно собирался что-то добавить, затем ещё раз склонил голову и направился наверх.

По дороге к себе я заметила полоску света под дверью кабинета. Сначала прошла мимо, но потом остановилась, внутри явно кто-то оставался. К этому часу Незерфилд уже спал.

Я тихо приоткрыла дверь и обнаружила мистера Бингли, раскладывающего пасьянс. Перед ним ровными рядами лежали карты, фишки были собраны в аккуратные стопки, и без собеседников, смеха и привычного движения вокруг, его лицо выглядело непривычно спокойным и уставшим.

— Не думал встретить ещё одного человека, которому библиотека испортила сон, — сказал он, не поднимая головы.

У стола я немного задержалась.

— Вы знали, что я была в библиотеке?

— В этом доме двери скрипят по-разному, а ночью звуки вообще становятся удивительно разговорчивыми. К тому же Кэролайн трижды прошла мимо лестницы с таким видом, будто совершенно не интересуется тем, кто находится наверху. Обычно это означает прямо противоположное.

Очередная карта легла на стол, но место для неё нашлось не сразу. Несколько секунд Бингли молча рассматривал расклад, и в его голосе не было той поспешной приветливости,

к которой я успела привыкнуть, казалось, вместе со зрителями исчезла и необходимость всё время поддерживать лёгкость разговора.

— Вы замечаете гораздо больше, чем показываете.

На этот раз Бингли сдержанно улыбнулся и совсем не походила на ту открытость и беззаботность, которой он отвечал днём.

— Показывать всё замеченное довольно утомительно. Если человек часто смеётся, охотно соглашается и не превращает каждую мелочь в вопрос принципа, окружающие быстро решают, что его вообще трудно чем-нибудь обеспокоить. В этом есть определённое удобство.

— Они перестают ждать от вас сложных решений?

— Иногда. Но чаще перестают спрашивать, чего хочу я сам.

Он произнёс это небрежно, но так и не положил карту, которую держал в пальцах.

Я села напротив.

— Мне казалось, вам нравится быть человеком, рядом с которым всем легко.

— Нравится. Большую часть времени это действительно приятно. Люди охотнее приходят в дом, если знают, что их не станут судить за каждое слово, а я никогда не понимал удовольствия от общества, в котором половину вечера приходится бояться ошибиться. Но есть разница между тем, чтобы любить лёгкость, и тем, чтобы окружающие решили, будто вам самому ничего другого никогда не нужно.

Он наконец нашёл место для карты и поднял глаза.

— Когда человека считают счастливым по природе, ему редко задают лишние вопросы.

— Даже близкие?

Бингли помедлил с ответом.

— Близкие особенно быстро привыкают к тому, каким человеку полагается быть. Кэролайн, например, ждёт, что я не стану мешать её привычкам, не буду придавать особого значения тому, что она говорит в раздражении, и вовремя превращу всё неприятное в шутку. Я, в свою очередь, давно научился не требовать от неё того, чего она всё равно не умеет давать. Это вполне мирное соглашение, хотя мы никогда его не обсуждали.

В его голосе не было ни обиды, ни желания вызвать сочувствие. Скорее, спокойствие человека, который однажды заметил устройство собственной жизни и решил не тратить силы на борьбу с каждым противоречием.

— И вам этого достаточно?

Бингли посмотрел на незаконченную раскладку.

— Вопрос «достаточно ли» лучше не задавать слишком поздно вечером, мисс Харкорт. После него приходится вспоминать обо всём, чего когда-то хотел получить от других и постепенно перестал ждать.

— Значит, вы всё-таки перестали ждать.

— Не совсем. Скорее, научился различать вещи, ради которых стоит беспокоить собственную жизнь, и те, без которых вполне можно обойтись.

— А если однажды окажется, что вы ошиблись в этом различии?

Он тихо рассмеялся.

В богатых английских домах начала XIX века карточные столы были привычной частью вечерних развлечений. Играли в вист, пикет, квадрилью, иногда на небольшие денежные ставки. Пасьянсы уже были известны в Европе, хотя в английском обществе приобрели широкую популярность значительно позднее. Игра в одиночестве позволяла занять вечер без собеседников, а уединённый карточный стол становился редким местом, где джентльмен мог на время освободиться от обязанностей любезного хозяина.

— Тогда, полагаю, мне придётся впервые сделать что-нибудь гораздо менее удобное, чем согласиться со всеми вокруг.

Я невольно подумала о Джейн, лежавшей этажом выше, но произносить её имя не стала. Бингли тоже ничего не добавил и снова перевёл взгляд на карты.

Несколько секунд мы молчали.

— В гостиной от вас такого разговора не ожидаешь, — сказала я.

— Надеюсь, никто из нас не настолько прост, чтобы полностью помещаться в гостиной.

Ответ прозвучал легко, прежняя весёлость возвращалась в его голос. Бингли собрал карты, хотя до конца раскладки оставалось несколько ходов, выровнял колоду ладонью и поднялся.

— А теперь, если вы никому не расскажете, что застали меня за серьёзным разговором, я постараюсь сохранить остатки своей репутации.

— Я подумаю о цене молчания.

— Вот видите. Я всегда подозревал, что за вашей рассудительностью скрывается коммерческий талант.

Он улыбнулся знакомой открытой улыбкой, и почти мгновенно передо мной снова оказался тот мистер Бингли, которого общество привыкло считать добродушным и не склонным задерживаться возле неприятных мыслей дольше необходимого.

К завтраку нового дня Незерфилд полностью вернул свой безупречно обычный вид. Серебро блестело, кофе оставался горячим, а по спокойствию Кэролайн можно было решить, что ночь предназначена исключительно для сна и никак не связана с чужими секретами.

Завтрак был менее церемонным, чем парадный обед. Гости могли беседовать свободнее, чем за вечерней трапезой. Однако правила хорошего тона сохранялись: открыто обсуждать чужие личные дела считалось неприличным. Поэтому деликатные намёки, вежливые вопросы и остроумные ответы становились удобным способом выяснить то, о чём нельзя было спросить прямо.

Из комнаты Джейн пришли хорошие новости: ей стало намного лучше. Элизабет уже побывала у сестры и теперь сидела напротив меня довольная и спокойная, тогда как Бингли несколько раз справлялся о её состоянии, всякий раз получая один и тот же спокойный ответ и всё равно принимая его с таким видом, словно услышал новую хорошую новость.

Дарси вошёл в столовую последним, и чашка Кэролайн тотчас вернулась на блюдце.

— Вы сегодня необычно поздно, мистер Дарси. Полагаю, вчерашний вечер оказался длиннее обычного, если даже библиотека потребовала вашего внимания после того, как остальные разошлись.

На мгновение её взгляд коснулся меня.

— Мне нужно было закончить одно дело, и библиотека действительно оказалась полезна, — ответил Дарси, садясь за стол.

Такой ответ лишь усилил любопытство Кэролайн.

— В таком случае надеюсь, старые газеты стоили столь позднего часа, мисс Харкорт. Вы сумели придать им почти таинственное значение.

— Таинственность обычно исчезает, когда приходится проверять даты и писать поверенным. После этого остаются одни факты, а они, как правило, значительно скучнее догадок.

Элизабет, до этого слушавшая молча, отложила салфетку.

— Значит, мистер Дарси помогает вам с семейными делами?

— Скорее помогает проверить одно обстоятельство. Мы часто смотрим на одно и то же по-разному, поэтому его мнение как раз полезно: я по крайней мере знаю, что он не станет соглашаться со мной только ради согласия.

На лице Кэролайн читалось плохо скрытое удивление.

— Я не предполагала, что вы успели настолько хорошо изучить друг друга.

— Нескольких споров вполне хватило, чтобы понять, что согласие между нами не следует принимать как нечто само собой разумеющееся.

Бингли рассмеялся.

— В таком случае Дарси совершенно безопасен. Если он начинает с кем-то серьёзно спорить, это знакомство продолжается довольно долго.

— Благодарю, Бингли. Не уверен, что слышал более сомнительную рекомендацию в свой адрес.

Элизабет улыбнулась вместе со всеми, а затем спросила, собираюсь ли я сегодня снова зайти к Джейн. Разговор вернулся к состоянию Джейн, но прежний вопрос Элизабет остался в памяти, скорее из-за лёгкой сухости тона, которым он был задан, чем из-за самих слов.

Прислуга знала о повседневной жизни хозяев гораздо больше, чем принято было замечать. Горничные входили в спальни, помогали одеваться, приносили письма, встречали приезжавших слуг и видели посетителей служебного двора. При этом они общались между собой, передавая новости быстрее официальных сообщений. Сведения, полученные через горничную, могли оказаться полезнее расспросов, проводимых непосредственно хозяевами.

После завтрака я ненадолго поднялась в свою комнату. Бетси встретила меня новостями от Прайса. Узнать имя незнакомца не удалось. Зато слуги вспомнили, что в день, когда привезли мой багаж, возле служебного входа видели высокого мужчину со шрамом на щеке.

Сначала Меритон, потом ассамблея, теперь ещё и Незерфилд. Его рост и шрам мы знали, куда более важно было понять, кто стоял за ним и что именно ему понадобилось в моих бумагах.

Через Бетси я попросила Прайса не ограничиваться поисками самого мужчины, а попытаться узнать, с кем тот встречался или через кого мог получать поручения. После этого оставалось выяснить, что успел подготовить Дарси.

Он ждал меня в малой гостиной за письменным столом. Один лист перед ним был уже исписан полностью, рядом лежал второй, пока чистый.

— Я не отправлял письмо, потому что вы должны были прочесть его первой, — сказал он, прежде чем я успела спросить.

Письмо предназначалось лондонскому поверенному Дарси. Моего имени в нём не было. Дарси просил выяснить, кто составлял бумаги полковника Харкорта, где они хранились и через чьи руки прошли после его смерти. Отдельно спрашивал об Уилмоте и делах, связывавших его с полковником. Затем следовали вопросы о полномочиях Крейна и документах, которые ему передали. Последним оставалось газетное объявление: кто его заказал и кому направляли ответы.

— Посмотрите ещё раз, не задаём ли мы где-нибудь вопрос так, будто уже знаем ответ.

Дочитав, я рассказала, что удалось узнать Прайсу. Дарси добавил вопрос: не разыскивал ли кто-нибудь в последнее время бумаги Харкорта и через кого могли идти такие поиски. Затем развернул лист ко мне. В одном месте обнаружилось слово «подлог». Я задержала на нём палец: у нас были странности и несоответствия, но ещё не доказательство обмана. Дарси кивнул, зачеркнул слово и написал «несоответствие».

— Теперь отправляйте.

Коверты складывали из самого исписанного листа, а место соединения скрепляли сургучом с оттиском печати. Почтовые экипажи перевозили корреспонденцию между городами, но состоятельные люди могли отправлять срочные или конфиденциальные сообщения собственными посыльными. Такой способ обходился дороже, зато позволял доверить письмо конкретному человеку.

Мы заканчивали с последней правкой, когда дверь малой гостиной открылась и на пороге появилась Кэролайн, очевидно пришедшая за нотной папкой, оставленной на столике у окна. Увидев нас за письменным столом и исписанный лист перед Дарси, она задержалась.

— Простите, я полагала, комната свободна.

Она прошла к окну за папкой, но, взяв её, снова посмотрела на письмо.

— Если вы собираетесь отправлять это сегодня, Чарльз как раз посылает человека в Лондон. Можно передать письмо с ним.

— Благодарю, но его отвезёт мой человек, — ответил Дарси, складывая лист.

Кэролайн положила папку на край стола, словно вспомнила ещё кое-что прежде, чем уйти.

— Надеюсь, мисс Харкорт, ваши семейные бумаги скоро перестанут требовать столько внимания. Подобные затруднения способны утомить даже тех, кого непосредственно не касаются.

Похоже, ей было известно достаточно, чтобы связать ночной разговор в библиотеке с письмом перед Дарси, но слишком мало, чтобы понять, что именно мы пытаемся выяснить.

— Когда появятся сведения, действительно касающиеся общества, оно их получит. До тех пор ему придётся довольствоваться музыкой.

Кэролайн перевела взгляд на Дарси, явно ожидая от него какого-нибудь ответа на мою резкость. Но он придвинул свечу ближе и занялся сургучом. Несколько мгновений она постояла рядом, затем забрала папку и вышла.

Дарси дождался, пока дверь закроется, и только после этого поставил печать. Вскоре письмо было у его человека, отправлявшегося из Незерфилда в Лондон.

Глава 11. Отъезд из Незерфилда

В тот же день о возвращении заговорила сама Джейн. У окна, закутавшись в тёплую шаль, она всё ещё выглядела бледной и двигалась медленнее, но прежняя слабость заметно отступила. Говорила она без нажима, и очень скоро стало понятно, что переубеждать её бессмысленно: обсуждать следовало не сам отъезд, а только то, как сделать дорогу до Лонгборна как можно легче.

— Я предпочла бы вернуться сегодня. Если ехать медленно, дорога меня не утомит, а мама, вероятно, уже успела придать моему пребыванию здесь гораздо больше значения, чем оно заслуживает.

Элизабет не сразу согласилась. Ей хотелось убедиться, что Джейн действительно хочет домой, а не торопится уехать лишь потому, что боится слишком долго стеснять хозяев. Немного помедлив, Джейн признала, что и эта мысль её беспокоит, но всё-таки не она была главной. В Лонгборн ей просто хотелось вернуться.

Джейн настояла на возвращении в Лонгборн, хотя ещё оставалась бледной после болезни. За обедом Бингли тревожно следил за каждым её движением, словно по количеству выпитого чая можно было определить, готова ли она к дороге. Кэролайн тем временем распорядилась приготовить пледы, подушку и тёплую шаль. Каждый по-своему заботился о Джейн, но решение об отъезде принадлежало ей самой.

За обедом Бингли не сводил глаз с Джейн, и еда перед ним так и оставалась нетронутой. Время от времени он поглядывал на её чашку, словно по тому, сколько чая она выпила, можно было понять о её самочувствии больше, чем по всем спокойным уверениям. Тем временем

Кэролайн уже распорядилась приготовить дорожную шаль, горячие кирпичи и дополнительную подушку; облегчение от предстоящего отъезда гостей вполне уживалось в ней с искренним желанием сделать дорогу для Джейн как можно удобнее.

— Экипаж уже готов. Я попросил кучера ехать медленно и останавливаться всякий раз, когда вы почувствуете усталость.

— Тогда мне остаётся только поблагодарить вас и настоять на своём отъезде сегодня.

Бингли явно собирался возразить, но спокойствие Джейн остановило его прежде, чем он успел начать.

О письме, которое Дарси утром отправил своему поверенному в Лондон, больше не говорили. Что именно было в запросе, Кэролайн не знала, но само письмо явно не забыла и время от времени поглядывала то на Дарси, то на меня. Пожалуй, особенно её занимало то, что Чарльз во всём этом оказался в стороне.

Когда обед закончился и начались последние сборы, я поднялась проверить свой багаж. Дорожный сундук был закрыт, Бетси затянула ремни, а Прайс ждал рядом, чтобы проследить за погрузкой. После недавних событий оставлять сундук без присмотра не рискнули.

Дорожные сундуки изготавливали из дерева, обивали кожей и укрепляли металлическими накладками. Внутри перевозили платья, бельё, обувь, туалетные принадлежности и личные бумаги. Сундуки запирали на ключ, дополнительно стягивали ремнями и закрепляли на экипаже. Их упаковкой и переноской занималась прислуга. Особое внимание уделяли сохранности документов и ценностей: потеря багажа в дороге могла обернуться серьёзными неприятностями.

— Разумная предосторожность, — донеслось от двери.

Кэролайн вошла, будто лишь затем, чтобы ещё раз справиться о подготовке к отъезду.

— Семейные бумаги редко бывают интересны посторонним, пока семья не начинает охранять их особенно тщательно.

— В таком случае надеюсь, что наше усердие окажется достаточно скучным, чтобы разочаровать наблюдателей.

Кэролайн пожелала мне спокойной дороги, однако уходить не спешила. Пока Прайс вместе со слугой поднимал сундук, она оставалась рядом с той безупречной естественностью, которая позволяла видеть всё необходимое и при этом не задавать ни одного прямого вопроса. Пожалуй, любопытство в хорошем обществе отличалось от обычного главным образом умением не называть себя любопытством.

Элизабет остановилась в коридоре, пропуская Прайса и слугу с сундуком. Проводив их взглядом до лестницы, она негромко сказала:

— Я не стану спрашивать о ваших бумагах. Но если дело окажется опаснее, чем вы сейчас думаете, надеюсь, вы всё-таки позволите нам это узнать.

— Позволю. Пока мне самой нужно несколько ответов, прежде чем я пойму, чего именно следует опасаться.

Элизабет только кивнула в ответ.

***

Бингли и Джейн

Умение поддерживать разговор считалось важнейшим достоинством хорошего хозяина. Долгое молчание между малознакомыми людьми могло восприниматься как неловкость, скука или недостаток внимания. Во время ухаживания молодые люди обычно встречались в семейном кругу, где их поведение оставалось на виду. Поэтому спокойное молчание без необходимости развлекать собеседника могло говорить о взаимном доверии убедительнее тщательно подобранных любезностей.

Когда последние приготовления к отъезду были закончены, Джейн уже сидела в гостиной в дорожном платье, всё ещё бледная после болезни, но заметно окрепшая. Проверить, уложили ли вещи сестры в экипаж, вышла Элизабет, и сразу после неё в дверях появился Бингли.

Подойдя к Джейн, он прежде всего поинтересовался, достаточно ли положили пледов, затем вспомнил о подушке для спины и спросил, не понадобится ли в дороге грелка. Терпеливо заверив его, что обо всём уже позаботились, Джейн, однако, не сумела надолго остановить поток заботы. Через минуту Бингли уже заговорил о состоянии дороги и сообщил, что велел кучеру объехать размытый участок возле фермы.

Некоторое время Джейн слушала его молча, потом улыбнулась

— Мистер Бингли, вам совсем не обязательно находить новую причину для разговора всякий раз, когда прежняя заканчивается. Если несколько минут мы просто помолчим, я не решу, что вы стали менее внимательны ко мне.

В его взгляде появилось искреннее удивление.

— Боюсь, мне прежде никто не объяснял молчание подобным образом. Обычно считается, что хороший хозяин обязан не допускать его слишком надолго.

— Возможно. Но сейчас вы можете забыть, что я ваша гостья. Мне и без разговора приятно ваше общество.

— Неужели я действительно делаю это так часто?

Над ответом Джейн задумалась.

— Довольно часто, чтобы я заметила. Наверное, потому, что сама слишком хорошо знаю эту привычку.

Бингли не ответил. Отойдя к окну, он несколько минут молчал вместе с Джейн. В коридоре прошла горничная, снизу донёсся голос кучера, затем хлопнула наружная дверь. Лишь однажды Бингли обернулся, словно собираясь что-то сказать, но передумал и улыбнулся.

Когда Элизабет вернулась и сказала, что всё готово, Бингли снова оживился. Но у двери он задержался и негромко сказал Джейн:

— Должен признаться, вы были правы. Молчать рядом с вами оказалось неожиданно приятно.

— Тогда в следующий раз вам будет проще не искать предлог, — ответила она.

***

У крыльца прощание снова растянулось на несколько минут. Кэролайн напомнила Джейн беречься сырости, а Бингли успел ещё раз попросить кучера ехать медленно и останавливаться, если дорога станет утомительной.

Кареты имели сравнительно высокую посадку, а откидные ступеньки могли быть узкими и неустойчивыми. Поэтому джентльмен или лакей подавал даме руку, помогая подняться и не запутаться в длинной юбке. Подобное прикосновение считалось обычной любезностью и само по себе не свидетельствовало об ухаживании.

Джейн выслушала его с улыбкой.

— Если вы продолжите продолжать давать кучеру наставления, мы рискуем не выехать до вечера. Лучше приезжайте завтра и сами убедитесь, что она мне не повредила.

— В таком случае непременно воспользуюсь вашим приглашением, — ответил Бингли и наконец отступил, давая слуге закрыть дверцу.

Элизабет помогла сестре устроиться в карете поудобнее. Когда пришло время мне садиться, Дарси подал руку. Ступенька под ногой немного качнулась, и его пальцы на мгновение сжали мою ладонь крепче. Почти сразу он отступил.

— Когда получу первый ответ, напишу вам, — негромко сказал Дарси. — Если вы найдёте что-нибудь раньше, сообщите через леди Мэри.

Элизабет сидела рядом с Джейн. Я заняла место напротив и положила ладонь на ридикюль с часами, будто знакомая тяжесть корпуса могла вернуть мыслям прежний порядок.

Большая часть дороги до Лонгборна прошла в молчании. Джейн задремала, а Элизабет осторожно подложила ей под голову сложенный плед. Время от времени её взгляд обращался ко мне, но вопросов она так и не задала.

Лишь у самого Лонгборна Джейн снова открыла глаза. Несколько минут её внимание удерживала качающаяся у окна кисть, а потом, понизив голос сказала:

— Во время болезни трудно понять, что именно чувствуешь к человеку. Благодарность очень убедительно умеет притворяться привязанностью.

Поправляя подушку за её спиной, Элизабет спросила:

— Ты говоришь о мистере Бингли?

Джейн лишь кивнула.

— Он был добр ко мне, беспокоился, заботился обо всём. Было бы тщеславно принять это за доказательство его чувства и неблагодарно совсем не ответить. Я боюсь ошибиться в обе стороны.

— Представьте его рядом в день, когда он ничем не может вам помочь, — сказала я. — Ни каретой, ни врачом, ни гостеприимством.

Джейн несколько мгновений смотрела в окно, пока колёса мягко шли по сухому участку дороги.

— Когда он стоял у двери, пока мистер Джонс говорил с Элизабет. Ему велели не входить, и он действительно ничего не мог бы сделать. Я знала, что он там, хотя не видела его. Когда шаги удалились, мне хотелось позвать его обратно.

Она сказала это без румянца и без улыбки, скорее с лёгким удивлением оттого, что ответ оказался именно таким.

— Тогда благодарность здесь не главное, — заметила Элизабет.

— Возможно. Но я не хочу делать из одного желания обещание, которого ещё не давала.

— И не нужно, — ответила я. — Чувство не становится более честным оттого, что его быстро назвали.

Джейн снова прикрыла глаза. Похоже, для себя она уже что-то поняла, но делиться этим раньше времени не собиралась. И впервые за весь разговор ей больше не нужно было убеждать ни нас, ни себя в том, что речь идёт только о благодарности.

Миссис Беннет встретила возвращение старшей дочери с таким волнением, словно Джейн отсутствовала не несколько дней, а несколько месяцев. Радость сразу смешалась с расспросами о Незерфилде и, разумеется, о Бингли, однако Джейн была слишком утомлена для долгого разговора. Элизабет быстро пришла ей на помощь и увела наверх.

Я уже собиралась последовать за ними, когда в передней меня остановил мистер Беннет и протянул сложенный вчетверо лист. Как и обещал, он переписал только те строки старого письма, которые счёл важными, сохранив имена, сокращения и даже странную пунктуацию автора.

Переписывая письмо, мистер Беннет разобрал несколько строк, которые мы не смогли прочесть в библиотеке. Рядом с именем Уилмота говорилось о женщине, которая «появилась, не прибыв ни одной известной дорогой». Ниже Харкорт напоминал, что бумаги об опытах следует хранить отдельно от остальной переписки.

Далее речь шла о небольшом металлическом предмете. Название предмета не сохранилось: край листа был повреждён, но дальше мистер Беннет разобрал слова «внутренняя крышка» и почти стёртую пометку о знаке из двух пересекающихся окружностей.

От имени женщины уцелела только одна буква — «Е.».

Я перечитала эту строку ещё раз, затем вернулась к описанию знака. Рука сама легла на ридикюль с часами внутри

Две окружности ничего не доказывали. Такой знак мог встречаться где угодно, половина описания была утрачена, а неизвестный металлический предмет вовсе не обязан был иметь отношение к часам. Поэтому я не торопилась принимать совпадение за подтверждение только потому, что оно слишком удобно ложилось в подходящее объяснение.

И всё же теперь я думала не только о пустом корпусе, оставшемся в моей квартире. Мне хотелось понять, какое отношение к найденным в сундуке часам могла иметь женщина, от имени которой сохранилась одна буква.

Выписки из писем, завещаний и других бумаг составляли вручную. При переписывании важных документов старались сохранять имена, даты, сокращения и необычные особенности оригинала. Старые письма часто страдали от сырости: чернила расплывались, бумага темнела и разрушалась на сгибах. Даже небольшой сохранившийся фрагмент мог оказаться значимым для наследственного дела, семейной истории или выяснения обстоятельств давно забытого события.

— Кстати, о бумагах вашего отца уже спрашивали, — заметил мистер Беннет. — Вчера в Меритоне неизвестный расспрашивал писца о старых делах. Своего имени не назвал, зато годы помнил на редкость хорошо.

— Он мог искать это письмо?

— Мог. Потому я и предпочёл отдать выписку вам самой.

Я поблагодарила мистера Беннета и убрала выписку во внутренний карман.

К вечеру я вернулась в Харкорт-Хаус.

Прежде всего я рассказала леди Мэри о случившемся в Незерфилде и о том, что приняла помощь мистера Дарси. О часах и своём появлении здесь я ему не говорила.

Леди Мэри выслушала меня спокойнее, чем я ожидала.

— Если мистер Дарси ищет только то, что связано с наследственными делами и бумагами моего брата, я не вижу причины возражать.

После этого я достала выписку.

Читала леди Мэри медленно. Имя Уилмота она быстро просмотрела, зато возле единственной буквы «Е.» задержалась и вернулась к началу строки. Потом ещё раз перечитала слова о женщине, которая «появилась, не прибыв ни одной известной дорогой», и только после этого перешла к описанию металлического предмета.

— В прошлый раз у нас было слишком мало, чтобы уверенно назвать её Еленой, — сказала я. — Теперь рядом стоят буква «Е.», упоминание об опытах Уилмота, появление без известной дороги и предмет с внутренней крышкой и знаком, похожим на знак на моих часах.

Леди Мэри ещё некоторое время смотрела на лист, прежде чем ответить.

— Раньше я могла полагать, что описанная здесь женщина не имеет никакого отношения к Елене. После этой выписки удерживать их порознь становится труднее. Особенно, когда мы знаем, каким образом здесь появились вы сами.

— Если это действительно Елена, значит, моё появление могло быть не первым.

— Такая мысль не кажется мне невозможной. Но пока между вами остаётся одно важное различие. О собственной дороге вы знаете хотя бы её начало: помните другой мир, другую жизнь и то, что было до вашего появления здесь. Об Елене у нас нет даже этого. Мы знаем лишь, что обычную дорогу, по которой она могла прибыть, установить не сумели.

Я вспомнила лицо Елены на портрете. Если наша догадка верна, у неё тоже осталась где-то жизнь, о которой здесь никто не знал. Дом, знакомые голоса, люди, которые могли ждать её возвращения. Мне хотелось узнать, что она помнила о них и удалось ли ей когда-нибудь вернуться.

На столе Анны оказались рядом два письма. Выписка мистера Беннета приближала разгадку прошлого Елены, загадочной женщины, чьё появление могло предшествовать путешествию самой Анны. Записка Элизабет сообщала совсем другую новость.

Я снова взяла выписку и развернула её на строке с единственной буквой «Е.».

На следующее утро из Лонгборна пришла записка Элизабет. Джейн продолжала поправляться, однако спокойствие дома оказалось недолгим. Накануне к ним прибыл мистер Коллинз, священник и будущий наследник поместья, а судя по нескольким особенно выразительным

строкам, миссис Беннет уже успела увидеть в его появлении одновременно семейную угрозу, общественное событие и вполне разумный повод распорядиться о лучшем обеде.

Записка легла рядом с выпиской мистера Беннета, и соседство двух листов показалось мне почти насмешливым. На одном женщина, появившаяся без известной дороги, постепенно обретала имя, на другом мистер Коллинз уже входил в жизнь Беннетов вместе с будущим, которое закон успел определить за него задолго до его появления в Лонгборне.

Прошлое наконец начинало говорить, но настоящее, по всей видимости, не собиралось ждать, пока я успею его дослушать.

Глава 12. Благоразумное предложение

Вестей из Лондона не было. Оставалось только ждать, а именно это всегда давалось мне хуже всего. Я не знала даже, получил ли поверенный письмо Дарси. Пока ответ доберётся до нас, нужные бумаги могут оказаться в других руках, а люди, способные что-то объяснить, — решить, что лучше промолчать.

А тем временем, всего в нескольких милях от Харкорт-Хауса жизнь двигалась куда быстрее. Пока из Лондона не приходило ни строчки, в Лонгборне уже случилось нечто, о чём Элизабет решила сообщить мне без промедления.

Записка, полученная накануне, лежала возле моей тарелки. Последняя строка была написана теснее остальных, словно даже бумаге не хватило места для негодования: «К нам приехал мистер Коллинз, наследник Лонгборна, и мама уже успела увидеть в нём одновременно бедствие, спасение и будущего зятя».

— Миссис Беннет, несомненно, нуждается в поддержке, — заметила леди Мэри, дочитав записку. — Хотя подозреваю, что под поддержкой она понимает присутствие свидетелей, которые позднее подтвердят разумность любого её намерения.

— А мистер Коллинз, вероятно, нуждается в слушателях. Судя по письму Элизабет, одного собственного голоса ему недостаточно.

Приглашения приехать от Элизабет не было, однако после болезни Джейн у нас оставался вполне естественный повод заехать в Лонгборн и лично узнать о ее самочувствии. Поэтому после полудня леди Мэри предложила нанести визит, а заодно, как она выразилась, составить личное мнение о человеке, которому однажды предстояло унаследовать дом Беннетов.

К назначенному часу у крыльца ждала карета. После недавних дождей дорога успела подсохнуть не везде, и несколько раз приходилось сбавлять ход, объезжая глубокие лужи. По мере приближения к Лонгборну всё чаще попадались знакомые фермы и дома арендаторов. После нескольких дней, заполненных бумагами, письмами и ожиданием лондонских ответов, эти сельские пейзажи действовала успокаивающе.

Впрочем, спокойствия хватило лишь до гостиной Беннетов.

В гостиной мы застали Лукасов, которые вместе с Беннетами слушали мистера Коллинза. За несколько часов пребывания в Лонгборне он явно успел почувствовать себя здесь своим и держался с уверенностью человека, для которого этот визит был не случайным эпизодом, а частью давно определённого будущего. Выше, чем я ожидала, довольно крепкий и одетый с заметным старанием, он производил впечатление человека, каждая деталь костюма которого выбиралась не столько по собственному вкусу, сколько по совету того, чьё неодобрение он не решился бы оспорить. Перед поклоном он всегда задерживал дыхание, после улыбки быстро оглядывал лица, а каждое замечание так или иначе приводило его к очередному упоминанию леди Кэтрин де Бёр.

— Её милость считает, что светлая обивка непрактична для приходского дома, — сообщил мистер Коллинз, обращаясь к леди Мэри. — Поэтому для малой гостиной Хансфорда я выбрал зелёную ткань. По её совету была выпрямлена и дорожка от ворот, а старый куст у столовой пришлось удалить: он заслонял вид из окна.

Элизабет, до сих пор слушавшая молча, не удержалась:

— Куст, вероятно, долго сопротивлялся установленному порядку.

Коллинз повернулся к ней с довольной улыбкой, услышав в замечании именно ту похвалу решительности леди Кэтрин, которую хотел услышать.

— Весьма долго, мисс Элизабет. Но её милость совершенно справедливо заметила, что неудобство не становится достоинством только оттого, что существует много лет.

Получив возможность продолжить, он тут же перешёл к самому Хансфорду: перечислил четыре спальни, две гостиные, кладовую и сад в три четверти акра, а затем на подвернувшемся листке набросал расположение комнат приходского дома, чтобы сэр Уильям мог оценить его удобство. Вторую гостиную Коллинз отметил особенно тщательно, ею почти не пользовались из-за недостатка света.

Пока листок с планом переходил от одного слушателя к другому, внимательнее всех его рассматривала Шарлотта. Ни самодовольство рассказчика, ни бесконечные упоминания леди Кэтрин не отвлекали её от самого дома. Взгляд задерживался то на расстоянии между комнатами, то на двери в сад, то на маленьком коридоре, по которому можно было пройти из кабинета в столовую, минуя парадную часть.

Мистер Уильям Коллинз — молодой приходской священник, будущий наследник Лонгборна. Высокий, крепкий, тщательно одетый, он держится с торжественностью человека, убеждённого в важности своего положения. Его речи неизменно возвращаются к леди Кэтрин де Бёр, чьими советами он руководствуется даже в мелочах. За самодовольством и смешной почтительностью скрывается искреннее, хотя весьма своеобразное желание поступать правильно.

От устройства Хансфорда разговор скоро перешёл к тому, для кого именно все эти комнаты однажды должны были стать домом. Стоило Коллинзу заговорить о намерении жениться, как обычная вежливость миссис Беннет сразу приобрела иной оттенок. Самое удобное место в центре общего разговора теперь словно само собой предназначалось гостю, а кресло напротив заняла она сама. При пяти незамужних дочерях рассуждения священника о браке трудно было считать отвлечённой темой, прямо на глазах они превращались в вопрос вполне практический.

Причины брака он перечислил с порядком проповеди: пример прихожанам, удобство хозяйства, совет леди Кэтрин и желание примириться с семьёй Беннетов, чьё поместье однажды перейдёт к нему. Пока речь шла скорее о должности жены, чем о женщине, которая должна была её занять.

— Её милость особенно подчеркнула, что жена священника должна быть деятельна, скромна, не воспитана в роскоши и способна разумно распределять малый доход, — продолжал он. — Она также предостерегла меня от чрезмерной чувствительности к первым возражениям молодой дамы.

Улыбка Элизабет стала осторожнее.

— Значит, женщина должна обладать всеми достоинствами, кроме способности окончательно выбирать мужа?

— Молодые дамы часто считают необходимым скрывать согласие под видом отказа, — объяснил Коллинз с доброжелательностью человека, уверенного, что сообщает утешительную истину.

В его представлении женское «нет» не завершало решение, а лишь отодвигало ожидаемое согласие. Несколько мгновений в гостиной стояла та особенная тишина, которая возникает, когда одна часть общества уже поняла нелепость сказанного, а другая ещё не подозревает, что произошло.

Нарушила её я, спросив самым спокойным тоном:

— А в собственных решениях приходской священник столь же свободен, мистер Коллинз? Или благоразумие требует прежде узнать мнение хозяйки Розингса?

Подвоха он, разумеется, не заметил. Мистер Коллинз обстоятельно объяснил, что в вопросах духовного служения не нуждается ни в чьём разрешении, хотя разумный человек едва ли станет пренебрегать советом леди Кэтрин, если удостоится счастья его получить.

Приходской дом — parsonage — часто предоставлялся священнику вместе с церковной должностью. Помимо жилых комнат, в нём могли находиться кабинет для приходских дел, помещения для прислуги и хозяйственные кладовые; сад служил источником овощей и фруктов. Жена священника принимала гостей, вела хозяйство и участвовала в благотворительности. Поэтому для девушки без значительного состояния устройство такого дома было не пустяком, а важным условием будущего благополучия.

Улыбку мне удержать не удалось. Логика была до смешного знакомой: человеку охотно оставляли право решать самому, пока его решение не расходилось с волей того, кто в действительности устанавливал границы дозволенного. Леди Кэтрин, судя по всему, просто довела подобный порядок до совершенства.

Пока я обдумывала подходящий ответ, мистер Коллинз переключил своё внимание на других слушателей. Мы продолжили разговор позднее, когда я вышла в коридор. Коллинз стоял перед семейным портретом и рассматривал его с той сосредоточенностью, с какой, казалось, относился ко всему, что имело хоть какое-нибудь отношение к Лонгборну и его будущему наследству.

На холсте вокруг миссис Беннет расположились пятеро девочек: Джейн художник придал почти взрослую серьёзность, Лидии добавил несколько лет, а мистера Беннета отодвинул к краю композиции, вложив ему в руку раскрытую книгу.

Коллинз словно пытался сопоставить лица с уже знакомыми именами, и при звуке моих шагов отступил, будто его застали за чем-то более личным, чем простое любопытство.

— Боюсь, я дважды ошибся, пытаясь определить, кто из них кто, — признался он, снова посмотрев на семейство на холсте. — Это выглядит не слишком хорошо с моей стороны. Особенно при нынешних обстоятельствах.

— При каких именно?

Он помедлил.

— При тех, что однажды Лонгборн перейдёт ко мне. Разумеется, дай Бог мистеру Беннету долгих лет, — поспешно добавил он, почувствовав неловкость собственных слов. — Однако закон остаётся законом, и я понимаю, что для миссис Беннет и её дочерей моё имя должно звучать совсем не так приятно, как для меня.

— Ваш отец говорил вам об этом?

— О Лонгборне часто. Хотя, признаюсь, не с особой теплотой. Между нашими семьями существовала старая неприязнь, которую я унаследовал прежде, чем успел понять её причину. Долгое время мне казалось, что именно Беннеты относятся к нам несправедливо. Потом я стал старше и понял, что однажды могу войти в этот дом хозяином только потому, что они его потеряют.

Разглядывая семейный портрет, Коллинз пытается разобраться, кто из дочерей Беннетов изображён перед ним. Для семьи такого положения парадный портрет был не просто украшением стены: он демонстрировал род, браки и преемственность дома тем, кто проходил через парадную часть усадьбы. Именно поэтому разговор о наследовании здесь приобретает особую наглядность — на холсте перед Коллинзом находится семья, которая однажды может потерять Лонгборн.

Последние слова дались ему заметно труднее предыдущих. Взгляд снова поднялся к портрету, но теперь задержался не на отдельных лицах, а на всей картине.

— Поэтому я и счёл правильным прежде всего искать жену здесь, — продолжил он тише. — Если одна из дочерей мистера Беннета станет моей женой, поместье не уйдёт от семьи совершенно. Миссис Беннет сохранит дочь хозяйкой дома, а между нашими родственниками закончится вражда, которую никто из нас толком не способен объяснить. Мне это представлялось... справедливым.

Ни самодовольства, ни привычной торжественности в его голосе не слышалось. Слова давались Коллинзу неловко, а закончив, он продолжал мять перчатки, словно и сам понимал, что со стороны его намерение может показаться менее великодушным, чем представлялось ему самому.

— Само желание уменьшить их тревогу я понимаю, — сказала я. — Но если вы выбираете одну из сестёр прежде всего потому, что считаете это справедливым решением для семьи, легко забыть спросить, хочет ли она участвовать в таком решении.

В его лице появилось удивление.

Из гостиной донёсся звонкий смех Лидии. На мгновение внимание Коллинза обратилось к двери, а затем снова вернулось к портрету, где среди нарисованных девочек он словно попытался отыскать ту, которой мог принадлежать этот голос.

— Вы действительно полагаете, что они меня боятся?

— Не вас. Того дня, после которого этот дом станет вашим.

Эти слова задели его сильнее.

— Но я вовсе не желаю причинять им зло.

— Тогда, может быть, стоит начать с самого простого: если одна из них скажет вам «нет», услышать именно это, а не ту любезную условность, которую вы представили как правило хорошего общества.

Возражение в его лице уже успело оформиться, губы чуть разомкнулись, брови приподнялись, — но так и осталось невысказанным.

Коллинз ещё постоял у портрета. Потом расправил смятые перчатки и вернулся в гостиную. На лице его оставалась озабоченность, но что именно тревожило его теперь, я не знала.

Переступив порог, он не направился сразу к Элизабет. Его взгляд переходил от Джейн к Мэри, Китти, Лидии, затем остановился на миссис Беннет, словно теперь перед ним были не просто дочери будущего наследодателя, а семья, для которой само его присутствие означало что-то более определённое.

Затем общий разговор снова увлёк Коллинза. Вопросы миссис Беннет следовали один за другим, сэр Уильям охотно поддерживал беседу, и появление мистера Беннета у дверей библиотеки осталось почти незамеченным.

Мне же хватило одного его взгляда, чтобы подняться.

В коридоре мистер Беннет понизил голос.

— После нашего разговора о старых бумагах я вспомнил ещё одно.

На раскрытой ладони лежал небольшой потемневший ключ от садового кабинета у западной стены, где прежний хозяин Лонгборна частенько принимал арендаторов и просителей, не проводя их через жилую часть дома.

Ещё раз взглянув на ключ, мистер Беннет продолжил.

— У отца было довольно своеобразное представление о надёжности. Чем неудобнее было место и чем меньше возникало желания туда заходить, тем безопаснее, по его мнению, хранилось всё оставленное внутри. Так что садовый кабинет вполне отвечал его вкусам.

Из гостиной донёсся голос Элизабет, а спустя мгновение она появилась в коридоре. Ключ в руке отца сразу привлёк её внимание. И остановившись, она вопросительно посмотрела сначала на него, потом на меня.

— Если это продолжение ваших поисков, я могу сделать вид, что ничего не заметила, — сказала она. — Но боюсь, любопытство всё равно испортит исполнение.

На лице мистера Беннета появилось выражение едва заметного удовольствия.

— Тогда лучше избавить вас от необходимости плохо притворяться. Идите с мисс Харкорт. Только постарайтесь не превратить старые семейные бумаги в предмет общего интереса, мне вполне хватает одного мистера Коллинза в гостиной.

Подхватив шаль, оставленную на спинке кресла у двери, Элизабет вместе со мной направилась к боковому выходу.

За домом дорожка сворачивала вдоль западной стены. После недавних дождей гравий местами потемнел и сбился плотнее, а под деревьями всё ещё держалась сырость, так что ближе к концу сада пришлось идти осторожнее. Небольшую пристройку я заметила не сразу: отдельная дверь почти терялась среди разросшегося кустарника, и, не зная заранее, что искать, строение легко было принять за обычное хозяйственное помещение.

Ключ вошёл в замок неохотно. Пришлось повернуть его ещё раз, прежде чем внутри наконец щёлкнул механизм и дверь подалась.

Комната оказалась ниже и более тесная, чем я представляла. У стены стоял письменный стол с перекошенными ящиками, рядом два стула и шкаф для бумаг, в углу темнела давно не топившаяся железная печь. Над столом висел выцветший план участка, на котором каранда-

шом были отмечены старая дорога к границе прихода Лонгборна и маленькая местная часовня, почти скрытая среди деревьев.

— Отец редко упоминал этот кабинет, — заметила Элизабет. — Для него вполне достаточно библиотеки. Деду, судя по всему, требовалась ещё и отдельная дверь.

Первые бумаги ничем не отличались от того, что и следовало ожидать в подобной комнате: садовые счета, записи о найме работников, старые расчёты, несколько планов дренажа. Лишь под хозяйственной ведомостью, между ней и чертежом давно заменённой изгороди, нашёлся лист, сложенный в узкую полосу. На внешней стороне ещё можно было разобрать инициалы прежнего хозяина Лонгборна, отца мистера Беннета.

Мистер Беннет вспомнил о старом кабинете своего отца, где тот когда-то принимал арендаторов и хранил хозяйственные бумаги. Анна и Элизабет отправились искать забытое помещение. Сырая дорожка вела вдоль западной стены, а отдельная дверь почти скрылась за разросшимся кустарником. За ней обнаружилась тесная комната со старым столом, планами земель и шкафом документов. Именно здесь могли сохраниться следы истории Харкорта.

Строк внутри было немного, однако тон их заметно отличался от обычных распоряжений по хозяйству. Речь шла о запечатанном пакете, который следовало сохранить особо. Судя по осторожной формулировке, внутри находились какие-то расчёты и указания, связанные с устройством, которое Харкорт не хотел оставлять ни среди обычной переписки, ни в распоряжении Уилмота.

Пакет оставили здесь на время. Харкорт собирался забрать его лично или прислать доверенного человека. Имя посланного в записи не называлось: хозяину Лонгборна предстояло получить отдельные указания. До тех пор пакет следовало хранить запечатанным.

Элизабет подошла ближе и внимательно читала лист через моё плечо. Особенно её заинтересовали последние строки о том, кому предстояло забрать оставленное в Лонгборне.

. Кабинет выглядит именно так, как и должен выглядеть давно не используемый рабочий уголок помещика: планы земли, счета, записи о работниках и бумаги, которые никто не счёл достаточно важными, чтобы перенести в библиотеку. Подобные документы хранились физически — в ящиках, шкафах и связках, поэтому их сохранность часто зависела не от системы архива, а от того, открывал ли кто-нибудь этот ящик в следующие десятилетия.

— Странный способ хранить важные бумаги, — произнесла она наконец. — Оставить их в чужом доме, а потом распорядиться передать неизвестно кому.

— Возможно, неизвестно только нам. Для Харкорта этот человек был вполне определённым: поверенный или старый друг. Если имя намеренно не появилось на бумаге, значит, либо его собирались сообщить позднее, либо хозяин Лонгборна должен был узнать посланного по другому признаку.

Мы осмотрели шкаф, стол и связки счетов, но самого пакета не нашли. Зато на обороте одной из ведомостей сохранилась более поздняя запись отца мистера Беннета: пакет передали человеку, предъявившему личное письмо Харкорта. Ни имени получателя, ни названия конторы в записи не было. Теперь следовало выяснить, кому полковник поручил забрать оставленное.

В гостиную мы с Элизабет возвращались молча. И стоило нам войти, как тишина прогулки осталась за дверью: вокруг снова звучали голоса, звенели чашки, а мистер Коллинз всё так же обстоятельно рассуждал о чём-то, ничуть не утомившись обществом Беннетов за время нашего отсутствия. Очень скоро стало понятно, кому именно мистер Коллинз посвящает большую часть своего внимания.

Рядом с Элизабет будто специально оставили свободное место, которым он не замедлил воспользоваться. О чём бы ни заходила речь, мистер Коллинз неизменно обращался прежде всего к ней: спрашивал её мнение, тут же подробно излагал собственное и внимательно следил, какое впечатление производят его слова. После нашего разговора у семейного портрета в этой настойчивости уже трудно было видеть одно самодовольство. Женитьбу на одной из дочерей Беннетов он и вправду считал способом хоть немного смягчить несправедливость будущего наследования Лонгборна. Оставалась только одна неловкость, Элизабет, которую он выбрал для осуществления этого благородного замысла, явно не разделяла его удовлетворения от найденного решения.

Миссис Беннет, напротив, поняла происходящее сразу. Не прошло и четверти часа, как возле предполагаемой пары осталось удивительно мало людей: одной дочери понадобилось принести рукоделие, другую отправили узнать, не требуется ли чего-нибудь Джейн, для третьей тоже нашлось столь же неотложное поручение. Когда очередной предлог покинуть комнату прозвучал особенно неубедительно, взгляд Элизабет встретился с моим, и она едва заметно подняла брови.

Сомнений не оставалось, она всё поняла.

Мне хотелось найти предлог увести Элизабет, но она могла ответить Коллинзу сама. Я вышла вместе с остальными, решив вмешаться только в том случае, если она попросит о помощи.

***

Коллинз

Когда за последними вышедшими закрылась дверь, мистер Коллинз поднялся и подошел ближе. Некоторое время он поправлял манжету, словно именно от её положения зависело удачное начало разговора, затем остановился перед Элизабет с выражением торжественной доброжелательности.

— Мисс Элизабет, полагаю, намерение вашей почтенной матери оставить нас без общества избавляет меня от необходимости искать другой случай для объяснения. Я надеялся поговорить с вами именно сегодня и должен признаться, что её предусмотрительность весьма облегчила мою задачу.

Элизабет не отвела взгляда.

— Если разговор касается меня, мистер Коллинз, я предпочла бы знать его предмет прежде, чем благодарить маму за предусмотрительность.

Лёгкая заминка не поколебала его решимости.

Поначалу его речь сохраняла привычную размеренность, однако скоро за готовыми формулами стало слышно то, что, по-видимому, действительно имело для него значение.

— Есть обстоятельство, о котором я обязан сказать особенно ясно. Лонгборн однажды перейдёт ко мне, хотя я искренне надеюсь, что этот день наступит как можно позднее. Чем больше я думаю о положении вашей матери и сестёр, тем меньше мне нравится сама мысль о том, что моё благополучие будет следствием их утраты.

На последних словах привычная торжественность заметно ослабла, и он продолжил без прежней уверенности человека, заранее знающего правильный ответ.

— Именно поэтому с самого начала я считал правильным искать жену прежде всего среди дочерей мистера Беннета. Если одна из вас станет хозяйкой Лонгборна, поместье в некотором смысле останется в семье, а старое отчуждение между родственниками исчезнет вместе с причиной для него.

Перед следующими словами возникла короткая пауза, словно теперь требовалось сказать нечто менее удобное, чем рассуждения о долге и наследстве.

— Познакомившись с вами, мисс Элизабет, я перестал воспринимать это намерение только как способ примирить семьи. Мне было бы чрезвычайно приятно, если бы решение, которое прежде я полагал лишь справедливым, оказалось также счастливым для меня лично.

Элизабет не перебивала. За неловкими словами стояло не только самолюбие, но искреннее желание не войти однажды в Лонгборн человеком, чьё приобретение началось с чужой потери.

— Я верю, что вы считаете своё намерение добрым, мистер Коллинз, и потому не хочу отвечать двусмысленно. Благодарю вас за честь, которую вы мне оказываете, но не могу ответить вам согласием.

Коллинз растерялся, но тут же нашёл знакомое объяснение: молодая дама, разумеется, не могла согласиться сразу. С этим было легче примириться, чем с настоящим отказом. Он улыбнулся.

— Ваша скромность делает вам честь. Молодой даме, разумеется, не пристало принимать предложение без некоторого колебания, и я, право, не намерен считать первый отказ окончательным.

Несколько мгновений прошло в молчании. По тому, как Элизабет смотрела на него, можно было подумать, что она ещё решала, действительно ли сказанное осталось непонятым.

— Тогда позвольте мне избавить вас от сомнений. Я не испытываю вашу настойчивость и не скрываю согласия под видом отказа. Моё решение принято, и оно не изменится.

Теперь улыбка исчезла, хотя Коллинз всё ещё не был готов отступить. Он предположил, что её, возможно, смущает небольшое приданое или опасение, будто его выбор продиктован чувством долга перед семьёй Беннетов.

Выслушав его, Элизабет поднялась.

В обществе от девушки ожидали скромности и сдержанности в выражении чувств. Однако отказ от предложения руки имел вполне определённый смысл: согласие женщины было необходимо для заключения брака. Джейн Остин высмеивает в мистере Коллинзе не общепринятое правило, а самодовольную уверенность мужчины, будто женское «нет» непременно скрывает желание выйти замуж. Эта сцена — одна из самых известных сатирических страниц «Гордости и предубеждения».

— Моё состояние здесь ни при чём. Вы хотите поступить справедливо по отношению к моей семье, и я не стану смеяться над этим намерением. Но справедливость к пяти дочерям не даёт вам права выбрать одну из них против её воли. Если вы действительно желаете нам добра, начните с того, чтобы поверить моему ответу.

На этот раз мистер Коллинз не нашёл готового возражения. Некоторое время он просто смотрел на неё, и прежняя уверенность понемногу уступала место растерянности.

— Уверяю вас, мисс Элизабет, причинить вам неудобство никогда не входило в мои намерения.

— Тогда, думаю, нам лучше закончить этот разговор.

Элизабет ответила лёгким поклоном и вышла, оставив Коллинза одного.

***

Далеко уйти она не успела. Едва дверь гостиной закрылась за её спиной, из соседней комнаты появилась миссис Беннет, и одного взгляда на дочь ей хватило, чтобы понять, ожидаемого согласия не последовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.